

ВЕСТНИК

ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Естественные, общественные науки»

Вып. 4, 2010

Право. Социология. Международные отношения

Научный журнал

Издается с 2000 года

Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-16954 от 5 декабря 2003 г.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

- В. Н. Егоров**, д-р экон. наук
(председатель)
- Д. И. Польшинский**, д-р ист. наук
(зам. председателя)
- В. И. Назаров**, д-р психол. наук
(зам. председателя)
- Л. В. Михеева** (ответственный секретарь)
- К. Я. Авербух**, д-р филол. наук (Москва)
- Ю. М. Воронов**, д-р полит. наук
- Н. В. Усольцева**, д-р хим. наук
- К. Префке**, профессор (Германия)
- Ю. М. Резник**, д-р филос. наук (Москва)
- О. А. Хасбулатова**, д-р ист. наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

- Д. И. Польшинский**, д-р ист. наук
- Т. М. Явчуновская**, канд. юрид. наук
- В. Н. Аргунова**, д-р социол. наук

Над выпуском работали:

директор издательства *Л. В. Михеева*
редакторы: *О. В. Батова*, *М. Б. Балябина*,
О. Я. Литвак
технический редактор *И. С. Сибирева*
компьютерная верстка *Г. Б. Клецкина*
обложка *Р. Е. Круглов*

© ГОУ ВПО «Ивановский
государственный университет», 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Право

- Карлявин И. Ю.** К вопросу о философско-методологической основе римского частного права 3
- Коваль С. П.** Развитие института Уполномоченного по правам человека в современной России 11
- Луговенко Т. П.** Преступное поведение женщин, совершающих кражи: мотивационная сфера 19
- Куприна Н. Ю.** Регулирование труда руководителей предприятий 28
- Хохлов А. В.** Причины и значение возникновения трудового («фабричного») законодательства в России в конце XIX — начале XX века 32

Социология

- Кодина И. Н.** Социальное настроение жителей г. Иванова (По материалам социологического исследования 2010 г.) 42
- Панкратова Е. В.** Здравоохранение и образование как компоненты социальной сферы (По материалам статистики и социологического опроса населения городского округа Кинешма) 52
- Белова Т. П.** Социологическое измерение процесса виртуализации 59
- Звонарёва А. Е.** Трансформация практик отцовства 72

Международные отношения

- Польшинский Д. И.** «Организованное лицемерие» в современных международных отношениях 76

Аннотации 85

Summaries 88

ISSN 2219-5256

IVANOVO STATE UNIVERSITY BULLETIN

Series "Natural, Social Sciences"

Issue 4, 2010

Law. Sociology. International Relations

Scientific journal

Issued since 2000

The journal is registered in the Russian Federation Ministry
of Press, Television and Radio Broadcasting and Mass Communications
Registration certificate PI № 77-16954 of December 5, 2003

EDITORIAL COUNCIL:*V. N. Egorov*, Doctor of Economics (Chairman)*D. I. Polyvyanny*, Doctor of History
(Vice-Chairman)*V. I. Nazarov*, Doctor of Psychology
(Vice-Chairman)*L. V. Mikheeva* (Secretary-in-Chief)*K. Ya. Averbukh*, Doctor of Philology
(Moscow)*Yu. M. Voronov*, Doctor of Politics*N. V. Usoltseva*, Doctor of Chemistry*K. Prefcke*, Professor (Germany)*Yu. M. Reznik*, Doctor of Philosophy (Moscow)*O. A. Khasbulatova*, Doctor of History**EDITORIAL BOARD:***D. I. Polyvyanny*, Doctor of History*T. M. Yavchunovskaya*, Candidate of Science
(Law)*V. N. Argunova*, Doctor of Sociology**Editorial Staff:**Publishing House Director *L. V. Mikheeva*Editors: *M. B. Balyabina*, *O. V. Batova*,
*O. Ya. Litvak*Technical Editor *I. S. Sibireva*Computer layout *G. B. Klyotskina*Cover *R. E. Kruglov*© SEI of HPE "Ivanovo State University",
2010**CONTENTS****Law****Karlyavin I. Yu.** To the question of the philosophical and methodological basis of Roman private law 3**Koval' S. P.** Development of the institution of the Human Rights Commissioner in modern Russia 11**Lugovenko T. P.** Criminal behaviour of female-thieves: motivational sphere 19**Kuprina N. Yu.** Regulation of labour of the heads of organizations 28**Khokhlov A. V.** The reasons of emergence of labour (factory) legislation in Russia in the end of XIX — beginning of the XX century and its significance 32**Sociology****Kodina I. N.** Social mood of Ivanovo citizens (Based on materials of sociological research, 2010) 42**Pankratova E. V.** Healthcare and education as constituents of the social sphere (By the example of town district of Kineshma based on statistical material and population sociological poll) 52**Belova T. P.** Sociological aspects of the virtualization process 59**Zvonaryova A. E.** Transformation of father's practices 72**International Relations****Polyvyanny D. I.** "Organized hypocrisy" in contemporary international relations 76

Annotations **85**

Summaries **88**

Information about the authors **91**

Information for the authors of "Ivanovo State
University Bulletin" **92**

К ВОПРОСУ О ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ ОСНОВЕ РИМСКОГО ЧАСТНОГО ПРАВА

Интерес к философии и методологии права среди ученых в нашей стране никогда не ослабевал. Особенно остро он стал проявляться в современный, переходный период — временной промежуток смены в России общественно-экономической формации, стремительной модернизации и дифференциации экономики, изменения законодательства, что сопровождалось неминуемыми переменами в мышлении и постепенной сменой поколений юристов [1, 10].

Большая и непрерывная работа по осмыслению и поиску наиболее совершенных подходов к исследованию и формированию современного права, в том числе и гражданского права, ведется современными учеными-правоведами. Проблемы философии права, методологии, ее понимания и архитектуры в современных условиях горячо обсуждаются на страницах научных публикаций. Исследователями вновь и вновь поднимаются вопросы понятия методологии, соотношения принципов и методов, взаимосвязи системных элементов методологий различных наук и отраслей права [4, 8, 9].

Несмотря на проведенные и проводимые исследования, нет однозначного решения самых элементарных вопросов, касающихся понятия современной методологии права и, конечно, ее принципов, архитектуры, иных составных элементов. На какой философской базе может быть разработана универсальная методология исследования права в общем и гражданского права в частности?

Особый интерес вызывает вопрос, как и на каких базовых философско-методологических принципах и закономерностях формировалась основа основ современного частного права — римское частное право. Это обусловлено тем, что римское частное право с древних времен до наших дней представляет собой кладезь фундаментальных идей, конструкций, а иногда и готовых правил поведения, применимых и актуальных для современного гражданского (частного) права. Среди опубликованных в последнее время работ по обозначенной тематике можно выделить труды таких ученых, как Р. Циммерман, В. Н. Литовкин, Е. А. Суханов, В. В. Чубаров, В. А. Савельев, Д. И. Луковская, И. В. Гетьман-Павлова, О. В. Аксенова [2, 6, 7, 14, 15]. Не ослабевают интерес и к трудам авторов прошлого времени [3, 12].

В начале нашего исследования скажем несколько слов о его предмете и о причинах, побудивших нас обратиться к этой теме.

В философско-методологическом смысле римское право, а именно римское частное право, которое было призвано защищать интересы частных лиц, опосредовать самую важную из сфер жизнедеятельности — имущественный оборот, остается недостаточно исследованным. Бытует мнение о том, что римское право развивалось вне науки, вне систематизированной, методологически выверенной и философски обоснованной юридической мысли и представляло собой лишь сборник казусов и комментариев римских юристов. Автору данной работы трудно поверить в то, что высочайшее мастерство, архитектура юридических конструкций, правил поведения и самих идей, нашедших отражение в сравнительно немногих сохранившихся на сегодняшний день памятниках римского частного права, были вызваны к жизни вдруг, спонтанно на Римском форуме.

Другой причиной, побудившей к исследованию, стало ощущение методологического голода при анализе современного гражданского права, сильно и стремительно обновившегося за последние пятнадцать лет. Хочется не расставаться с убеждением, что правотворчество, в какое бы время оно не совершалось, должно опираться на прочные и адекватные современности философско-правовые основы. Поскольку предметом исследования в настоящей работе становится методология права и ее базовые основополагающие принципы, следует обратиться к понятию методологии права, в частности данному в трудах немецких ученых, как наименее политизированных.

В настоящее время под методологией понимают принципы построения методов, их научное обоснование [11]. Это самое краткое определение методологии не может быть удовлетворительным и тем более всеобъемлющим, и даже универсальным.

С точки зрения философии методология — часть философии права. В свою очередь, философия права — это одна из сфер философии, которая охватывает существование человека во взаимодействии с его культурой. Как и каждая философия, философия права, основываясь на типичных для нее явлениях, должна ставить и разъяснять вопрос, существует ли какая-либо сила, управляющая ими, которую мы можем воспринимать, объять нашими способностями и привести к выводам и заключениям. Непосредственное восприятие и переработка окружающих нас явлений — это сфера опытной науки (метафизики). Но вопрос о том, можно ли в соответствии с метафизическим восприятием управлять явлениями, которым присущ глубинный смысл, — это есть предмет философии [18, S. 1—2].

Рудольф Айзлер ставит методологию в ранг науки и говорит, что методологическое учение, или методология, — это часть логики, которая занимается исследованием общей методики познания (дефиниций, фактов, обстоятельств), а также индивидуального исследования, принимая во внимание логические, оценочные категории, правильность и целесообразность которых свойственна логике. По мнению ученого, методология представляет собой анализ и критику научного познания, олицетворение логических принципов и предпосылок. Свое начало методология берет в схоластической философии, в трудах Платона и Аристотеля, затем в трудах Декарта, Спинозы, Лейбница, Вольфа, Канта и других ученых. Методология всегда стремится указать правильный путь к настоящей науке с обозначением поворотов и ложных путей, которые при этом нужно избегать [17, S. 796—797].

Из дошедших до нас источников римского права мы видим, как искусно и методологически четко выстраивали римские юристы круг понятий, имеющих юридическое значение и представляющих собой отражение как реальных вещей, так и ирреальных конструкций. Так, Ульпиан в 14-й книге «Комментариев к эдикту» отмечает, что «в понятие “вещь” включаются также и (правовые) основания и права». Гай в 6-й книге «Комментариев к провинциальному эдикту» пишет: «Наследство — это не что иное, как универсальная преемственность во всей совокупности прав, которыми обладал умерший» [16, с. 437].

В немецкой философии права методология как неотъемлемая часть логики, с точки зрения принципов и методов, ее составляющих, понималась по-разному в зависимости от того, какой тип правопонимания господствовал в юридической мысли конкретного исторического периода и соответственно в сознании ученых его представляющих. Так, например, под трансцендентальной методологией Кант понимал определение формальных условий полной системы чистого разума, которая, в свою очередь, вбирает в себя дисциплину, канон, архитектуру и историю чистого разума. Ученый утверждал, что методология чистого практического разума есть искусство постижения того, как законы чистого разума входят в сознание человека и оказывают влияние на норму права, за счет чего объективный практический разум мог бы повлиять на становление субъективно-практического начала (см.: [17, S. 797]).

Выступая против исторического подхода в понимании права, другой немецкий ученый, Густав Радбрух, пишет, что «пестрому многообразию правовых взглядов разных эпох и народов было свойственно восприятие естественного права как утверждавшего чисто эмпирический метод познания. Однако это совсем не так. Методология естественного права является ключом, с помощью которого праву можно ответить на вопросы “по какой причине”, “что это за явление”, “зачем”, “как должно быть”? В многообразии правовых взглядов, оно (естественное право) может обнаружить многообразие заблуждений и приблизиться к пониманию права». При этом «ни история права, ни сравнительное правоведение, ни теория познания, ни историческая школа, ни критическая философия, ни Савиньи, но Кант смог противопоставить естественному праву решающие аргументы» [19, S. 3—4].

В немецкой доктрине не было единства во взглядах и на определение методологии в точном смысле этого слова. Так, Фрис утверждал, что под методологией нужно понимать лишь логическую технику как заключительную часть прикладной логики. При этом методология, по его мнению, должна содержать в себе правила о процессе и методах доказывания, в соответствии с которыми следует формировать наши знания. Бахман, не соглашаясь с ним, отождествлял методологию с систематизацией и архитектурой, утверждая, что методология стремится показать, как логические элементы, находящиеся в организованной взаимосвязи, проявляют научный идеал и проясняют, какому закону духа нужно следовать, для того чтобы этот идеал постоянно осуществлять.

Герберт относил методологию к первому разделу метафизики, а по мнению Виндта, методология должна заниматься специальным оформлением принципов познания в отдельно взятой науке. Соглашаясь в общем и целом со своими коллегами, Хониксвальд полагает, что методология не должна упускать главный вопрос — как содержание наших представлений о целью-

сти логических форм и утверждений взаимодействует с научным познанием (см.: [17, S. 794—797]). Рассуждая о юридической технике (Rechtstechnik), Йозев Колер отмечает, что методология может включать в себя и юридическую технику, но лишь в тех случаях, когда это соответствует задачам философии права [18, S. 43].

Если обобщить представления о методологии, данные немецкими исследователями, и попытаться сформулировать понятие методологии применительно к гражданскому праву, то можно сказать, что под методологией в гражданском праве нужно понимать систему методов, понятий и категорий частного права, способствующих познанию, исследованию и упорядочению правовых явлений и направленных на них. Эта система служит частному праву, определяется принципами как общеправовыми, так и отраслевыми, которые, в свою очередь, являются воплощением господствующего в данное время типа правопонимания. При этом любая научно обоснованная система, любое научно обоснованное явление в своем фундаменте содержит философию. Открывая свою известную работу «Основы философии права» Густав Радбрух писал: «От математики и естественной науки, от психологии и до теологии нет ни одной науки, которая хотя бы раз не обозначала, что в своем учении она опирается на почетнейшую из наук — философию. Юриспруденция не является исключением, так, во вступлении к Пандектам мы видим, как она признается в верности философии» [19, S. 1].

Вслед за немецкими авторами можно сказать, что методология права в общем и частного права в отдельности тесно связана с научно обоснованным процессом познания, исследования и правотворчества, утверждать, что в римском обществе такой процесс отсутствовал, мы не решаемся. Римское право имело прочную основу в виде эллинской (древнегреческой) философии. Римляне «оживили» греческую философию, применили самые фундаментальные ее постулаты в жизни, дав начало настоящей науке — юриспруденции.

С момента своего рождения философия представляет триединство связанных между собой моментов: а) содержания, б) метода, в) цели. При этом под содержанием понимается стремление философии служить методологической базой для объяснения тотальности вещей, их реальности во всех ее частях. Правовая реальность это лишь часть реальности, именуемой философами «бытие». Что касается метода, то философия ставит своей целью рациональное объяснение всеобщего как объекта. Как и право, философию убеждает лишь разумная аргументация, логическая мотивация, логос. Для философии недостаточно констатировать определенные данные фактической ситуации, она стремится идти дальше факта и опыта, находить причины с помощью разума. Именно в этом и заключается научный характер философии.

Цель философии, в конечном счете, состоит в чистом созерцании истины, чистом желании достичь ее. Греческая философия, в общем и целом, и есть бескорыстная и горячая любовь к правде. Римское право вырастает как монолит, почти не ставит самостоятельно острых философских проблем лишь только потому, что они поставлены и во многом выяснены греческой философией. Как известно, в римском частном праве существует учение о вещах, настолько четко и безупречно сформулированное, что практически без изменений вошло в современное право России и зарубежных стран. Это перекликается с тем, что именно в греческой философии изначально тоталь-

ность реального разрабатывалась как «физис» (природа) и как космос. Первые философы-натуралисты ставили такие вопросы. Как возник космос? Каковы его фазы развития? Каковы изначально действующие в нем силы? Позже Платон продемонстрирует, что реальность и бытие не однородны, что помимо космоса чувственного есть реальность интеллигибельная, превосходящая чувственную, физическую, которая впоследствии получит название метафизической.

Другой сферой, совершенно урегулированной римским правом, являются межличностные отношения, что, конечно, не было возможным без философии софистов, которые отодвинули космологию на второй план и сконцентрировали внимание на человеке и его специфических способностях. Это неминуемо повлекло за собой появление моральной проблематики. Позднее моральные проблемы получают в трудах греческих философов спецификацию и дифференциацию на собственно этические и политические. Примечательно, что зарождение, расцвет и упадок античной греческой философии падают примерно на аналогичные фазы римского государства и права начиная с VI в. до н. э. и до VI в. н. э. Главные ценности, основополагающие начала эллинской философии стали и главными началами римского права в общем и римского частного права в частности. Так, наивысшей ценностью эллинской философии была справедливость. Гесиод писал: «Приникни ухом к справедливости и начисто забудешь о злоупотреблениях». «В Справедливости заключены все добродетели», — говорил Фокидид, и затем: «...то верно, и нет ничего лучше». Мысль о справедливости — в центре внимания Солона. Она становится понятием онтологии, а не только этики и политики для многих философов, особенно для Платона [13, с. 7].

Справедливость является фундаментальным, основополагающим принципом римского права. Профессор Д. В. Дождев пишет, что «анализируя казус за казусом с позиции соответствия устойчивым нормам *jus civile* и представлениям о добре и справедливости, римские юристы разработали разнообразные формы удовлетворения и согласования индивидуальных интересов, выработали практически все мыслимые правовые институты и создали язык права, способный выразить тончайшие аспекты волеопределения и правоотношений. Казуистический метод опирался на глубокую теоретическую и философскую подготовку римских правоведов» [5, с. 2].

Справедливость в римском частном праве это совершенно осознанная философская категория, лежащая в основе правотворческой деятельности в римскую эпоху. Данная категория сопровождает любой методологический и юридико-технический прием, определяя и санкционируя соразмерность в праве, определенность прав и обязанностей участников гражданского оборота, их отношение к закону (равенство или неравенство) и другие аспекты правотворчества. Справедливость диктует соразмерность наказания совершенному преступлению — это в сфере уголовного права. В частном праве справедливость требует соразмерности, т. е. соответствия, нормы права прежде всего разуму, т. е. рациональному смыслу. Так, например, Павел в единственной книге «О долях (отцовского имущества), которые отдаются детям осужденных» говорил, что «поскольку естественный разум, как некий не выраженный словесно закон, признает (право) детей на наследство родителей, словно призывая их к законному преемству, вследствие чего и в гражданском праве им присвоено имя “своих наследников”, и к тому же они не

могут быть устранены от этого преемства даже последней волей родителя, если нет серьезных оснований, то справедливейше считается, что в каждом таком случае, когда вследствие вины родителя осуждение отнимает имущество, принимаются в расчет дети, чтобы из-за чужой провинности не претерпели слишком сурового наказания и между тем не были доведены до крайней нужды те, за кем нет никакой вины» [16, с. 201].

Иногда справедливость помогает безошибочно установить грань и согласованность между двумя рациональными, но противоречащими друг другу подходами. Например, Гай во 2-й книге «Повседневных дел, или Золотых» пишет, что собственность на некоторые вещи мы приобретаем по праву народов, которое соблюдается в силу естественной целесообразности одинаково среди всех людей, а на некоторые — по гражданскому праву, то есть собственно по праву нашего государства. И так как право народов более древнее право, поскольку оно появилось одновременно с самим человеческим родом, то необходимо прежде всего рассказать о нем». Далее говорится о том, что дикие животные звери и птицы никому не принадлежат и, следовательно, «в силу естественной целесообразности» остаются за лицом, захватившим их [16, с. 11].

Справедливость связывает естественный разумный рационализм, рыночные оценочные закономерности и морально-этические взгляды, сложившиеся в обществе. Примечательно, что оценка даже рыночных явлений происходит в Риме с точки зрения этической ценности результата труда (продукта). В этом также сказывается соразмерность как сопоставление с целью оценки. Гай пишет, что «как растения, пустившие корни, принадлежащие земельному участку, так и посеянное зерно считается принадлежащим земельному участку». Из этого следует, что труд земледельца в тот период вообще не обозначался как особенно ценный. Далее читаем: «Впрочем, как тот, кто возвел постройку на чужой земле, в том случае если у него собственник участка истребует постройку, может защищаться с помощью эксцепции о злом умысле, так защитой этой эксцепции может быть огражден и тот, кто засеял чужой участок за свой счет». Подобный подход с точки зрения римского частного права возможен и в отношении золотой надписи на папирусе, но труд живописца ставится выше, чем труд изготовителя доски. Гай пишет: «Что касается живописных произведений, то они не принадлежат доскам, на которых написаны, как это происходит с записями. Наоборот, было установлено, что доски следуют за картиной. Однако справедливо, что хозяин досок имеет против художника, владеющего написанным на этих досках произведением, иск по аналогии, которым он успешно может воспользоваться, если заплатит за работу художника» [там же].

Метод соразмерности, вытекающий из представлений римлян о добре и справедливости и строго следующий им, проходит через все римское частное право, каких бы отношений не касалось правотворчество.

Другим достижением греческой философии, что также оставило свой неизгладимый след в римском праве, явилось понятие истинной меры или границы, что с точки зрения эллинской философии означает не слишком много и не слишком мало, понятие истинной меры конституирует греческий дух. «Возрадуйся в веселии и опечалься в страдании, но не слишком», — говорит Архилох. «Не усердствуй чрезмерно: лучше быть посредине, оставаясь посредине, придешь к добродетели», — пишет Феогнид. «Ничего слыш-

ком», — призывает Солон. «Мера — лучшая из вещей», — гласит одна из сентенций семи мудрецов. Понятие меры стоит в центре классической философской мысли [13, с. 7].

Не менее важное место занимает представление о мере и в римском праве. Мера в праве — это одна из граней справедливости. Мера — это и границы вещей и понятий, и сроки, и пределы осуществления права, и адекватность встречного предоставления. Так, Павел в первой книге «Комментариев к эдикту» пишет, что «значение выражения “в городе” ограничивается стенами, а выражения “в Риме” — заключенными в нем зданиями, что простираются за пределами городских стен. “Большая часть того или иного дня” — это семь первых часов дня, а не последних» [16, с. 457].

В эллинской философии «число» почиталось началом всех вещей. Если для современного человека понятие «число» есть абстракция, созданная разумом, то для античного способа мышления число — нечто реальное, более того, оно реальнее, нежели вещи. Вещи для античного мышления проистекают из чисел, но числа не абсолютно первичны. Они происходят из предшествующих элементов. В самом деле, числа образуют некое (неопределенное) множество, которое потом себя определяет и ограничивает. Таким образом, два элемента составляют число, один определенный и ограничивающий, а другой неопределенный, т. е. бесконечный. Число рождается из гармонии конечных и бесконечных элементов, порождая всё остальное [13, с. 29]. В свою очередь, мерой всех вещей и обязательств в римском частном праве служили деньги. Заметим, что римляне, как и греки, буквально благоговеют перед числом «10». Так, Папиниан в восьмой книге «Ответов» повествует: «(Некто) другому назначенному наследнику писал так: “Прошу тебя Гай Сей, сколько бы ты ни получил моего наследства, этим моим воспитанникам каждому дай по 10 злотых, и я хочу, чтобы ту же сумму ты удержал у себя, и также хочу, чтобы из процентов с нее ты содержал их; остальное ты должен выдать нашему товарищу-вольноотпущеннику Нумерию”» [16, с. 149].

Римское право часто балансирует между представлениями о добре и справедливости, с одной стороны, принципами естественного права и правами и интересами собственников — с другой. В результате достигается определенность в правах и обязанностях. Вот один из ярких примеров. Ульпиан писал, что рабыня должна приобрести свободу таким образом: «Если родит первенца мужского пола, то пусть будет свободна, а она за один раз родила мальчика и девочку, и если очевидно, кого она родила первым, то недозволено сомневаться в ее положении, свободна она или нет, и также и о дочери, ибо если та рождена позже, то она будет свободнорожденной. Однако если это неопределенно и это нельзя прояснить посредством судебных тонкостей, то в двусмысленных делах нужно следовать более гуманному решению, чтобы равно как она приобрела свободу, так и дочь — положение свободнорожденной, как если бы предполагалось, что первым она родила мальчика» [16, с. 247].

В заключении нашего экскурса в римское частное право, можно сказать, что оно было выстроено на началах эллинской (древнегреческой) философии. Именно поэтому римское право так смело формулирует свои вечные идеи, конструкции и правовые правила поведения. Рационализм, за который повсеместно хвалят римских юристов и который присущ всему римскому строю, не возник на пустом месте и мог смело шествовать, покоряя народы и

умы римских граждан, только чувствуя под ногами твердую почву философской мысли. Он применил целиком и полностью наиболее важные, краеугольные камни греческой философии и справедливо не собирался тратить время на поиск иных основ. Как отдельная наука методология в римском обществе, по всей видимости, не была сфокусирована, но это не означает, что римское право не применяло определенный спектр принципов и методов. Они просто-напросто с жадностью использовались в практическом нормотворчестве, так что о них не было времени, да и не принято было много говорить. Тем не менее можно с уверенностью констатировать, что главным отправным моментом в методологии римского права была справедливость как общеправовая и общеправовая истина, некий идеал, на основе которой формировались римское право и частнопредметная методология.

Библиографический список

1. Антонов М. В., Волкова С. В., Капустина М. А. Обзор круглого стола «Философия права в России: история и современность», Москва, 2—3 октября 2008 г. // История государства и права. 2009. № 7. С. 3—8.
2. Гетьман-Павлова И. В. Истоки науки международного частного права : школа глоссаторов // Международное публичное и частное право. 2010. № 2. С. 17—23.
3. Гримм Д. Д. К учению об объектах права // Вестн. гражд. права. 2007. № 1.
4. Дедов Д. И. Юридический метод : науч. эссе. М. : Волтерс Клувер, 2008. 160 с.
5. Дождев Д. В. Римское частное право : учеб. для вузов. М. : ИНФРА-М — НОРМА, 1996. 704 с.
6. Литовкин В. Н., Суханов Е. А., Чубаров В. В. Право собственности: актуальные проблемы. М. : Статут, 2008. 731 с.
7. Луковская Д. И. Политико-правовые учения эпохи эллинизма (последняя треть IV — вторая половина II в. до н. э.) // История государства и права. 2008. № 24. С. 31—35.
8. Малахов В. П. Многообразие методологий современной теории государства и права : системная методология // Там же. 2009. № 19. С. 43—45.
9. Мальцев Г. В. Право и «смена вех» в научной методологии // Там же. № 22.
10. Развитие философии права как насущный вопрос российской государственности : (отчет о совместном заседании Московско-Петербургского философского клуба и судей Конституционного Суда РФ при участии Ассоциации юристов России от 23.10.2009) // Адвокат. 2009. № 11.
11. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. М., 2006. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
12. Райхер В. К. Гражданско-правовые системы антагонистических формаций // Вестн. гражд. права. 2007. № 4.
13. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. М. : Петрополис, 1994. Кн. 1 : Античность. 336 с.
14. Савельев В. А. Юридическая техника римской юриспруденции классического периода // Журн. рос. права. 2008. № 12. С. 108—116.
15. Циммерман Р. Римское право и европейская культура // Вестн. гражд. права. 2007. № 4.
16. D. 50. 16. 23, 25 // Дигесты Юстиниана : пер с лат. / отв. ред. Л. Л. Кофанов. М. : Статут, 2005. Т. 7, полутом. 2. 564 с.

17. *Eisler R.* Wörterbuch der Philosophischen Begriffe. Berlin, 1910. Bd. 2.

18. *Kohler J.* Lehrbuch der Rechtsphilosophie. Berlin ; Leipzig. 1909.

19. *Radbruch G.* Grundzüge der Rechtsphilosophie. Leipzig, 1914.

ББК 67.400.7

С. П. Коваль

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Конституция Российской Федерации в ст. 2 декларирует, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства. Гл. 2 Конституции целиком посвящена правам и свободам человека и гражданина. Так, ст. 17 данной главы говорит о том, что в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией. Далее, согласно ст. 18, права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием. Ст. 45 в ч. 1 гласит, что государственная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации гарантируется. Таково официальное отношение современного российского государства к правам человека и их месту в государственно-правовой системе страны. Это отношение, несомненно, изменилось за прошедшие пятнадцать лет. Однако трансформация российской государственности еще далека от тех целей, которые были поставлены в начале реформ, и ни для кого не секрет, что конституционные декларации являются пока скорее целевыми установками, чем реальностью. Закрепленные в Конституции и других законах нормы и принципы во многом оказываются на практике пустой декларацией, и гражданам, чьи права нарушены государством, его органами и должностными лицами, крайне сложно добиться справедливости и выполнения своих законных требований. Права человека еще не стали серьезным фактором государственного развития [1, с. 39].

Решению этой сложной задачи способствует развитие одного из важнейших институтов конституционного права — Уполномоченного по правам человека (омбудсмена), который сформировался в рамках европейской правовой традиции и существует сегодня во многих странах мира. Его особая роль состоит в том, что он находится как бы между обществом и властью, являясь своеобразным «мостом» между ними, каналом обратной связи. С одной стороны, это орган государства, имеющий достаточную степень самостоятельности, но в то же время это и агент гражданского общества, призванный реагировать на нарушения прав человека со стороны государственных структур и чиновников и применять предоставленные ему меры воздействия.

© Коваль С. П., 2010

Провозглашение в Конституции Российской Федерации прав и свобод человека и гражданина как высшей ценности предъявляет особые требования к деятельности всех органов государственной власти и должностных лиц. Главным в этой деятельности должен быть принцип обеспечения всех прав и свобод человека и гражданина. Однако в связи с тем, что в настоящее время Российская Федерация делает только первые шаги на пути демократического развития, это объективно влияет на ситуацию с правами человека.

Наибольшую озабоченность вызывают нарушения прав самых незащищенных категорий российских граждан (женщин, детей, пенсионеров). Ущемляются права военнослужащих и сотрудников органов внутренних дел. Президент Российской Федерации на встрече с Верховным комиссаром ООН по правам человека откровенно признал, что проблема обеспечения прав человека на сегодняшний день стоит в Российском государстве достаточно остро. В этой связи необходимо совершенствовать уже существующие и создавать новые процедуры, институты и механизмы правового характера против злоупотребления властью.

Учрежденный в 1993 г. институт Уполномоченного по правам человека в РФ, с одной стороны, должен был решить основную часть имеющихся проблем и противоречий и изменить к лучшему ситуацию с правами человека. Появление государственного защитника прав человека вызвало большой интерес у населения, обеспокоенного не только нарушениями прав и свобод личности, но и широко распространившимся бюрократизмом в деятельности должностных лиц, их пренебрежительным и неуважительным отношением к людям, что подтверждается статистикой поступающих обращений граждан к Уполномоченному по правам человека в РФ.

В 2009 г. к Уполномоченному поступило 54 046 единиц входящей корреспонденции (обращений), содержащей индивидуальные и коллективные жалобы на нарушения прав конкретных лиц, информационные сообщения о нарушениях прав человека, предложения о сотрудничестве, политические заявления, печатные издания по правозащитной тематике и др.

Оставаясь строго в пределах своей компетенции, Уполномоченный не рассматривал и не комментировал политические заявления и предложения о сотрудничестве, имевшие, по его мнению, политическую подоплеку. Во всех таких случаях Уполномоченный разъяснял заявителям, что в соответствии с законом он лишен права прямого или опосредованного участия в политике.

Информационные сообщения о нарушениях прав человека становились объектом внимательного изучения. По многим из них, в том числе по всем, в которых шла речь о массовых нарушениях прав человека, Уполномоченный принимал решения о проведении инициативной проверки с выездом на место или путем направления соответствующих запросов в компетентные органы государственной власти. При подтверждении, по итогам проверки фактов нарушений прав человека, Уполномоченный обращался в компетентные органы государственной власти с предложениями об устранении нарушений. Больше всего в почте Уполномоченного было, естественно, жалоб на нарушения прав конкретных лиц. Общее количество поступивших жалоб в отчетном году составило 32 043 единицы. По сравнению с предыдущим годом данный показатель вырос на 16,2 %, при этом увеличение числа жалоб за отчетный год отмечается в большинстве субъектов Российской Федерации. Подавляющее большинство жалоб (98,6 %) поступило от заявителей с терри-

тории Российской Федерации, остальные — из стран СНГ и Балтии, а также из стран дальнего зарубежья [3, с. 4].

Из Центрального федерального округа поступило 33,8 % от общего объема поступивших жалоб; из Приволжского — 17,2 %; Южного — 16,2 %; Северо-Западного — 12,9 %; Сибирского — 9,5 %; Уральского — 6,6 %; Дальневосточного — 3,8 %.

Что касается субъектов Российской Федерации, то больше всего жалоб поступило из Москвы (11,9 %) и Московской области (5,9 %). Всего же на долю Москвы, Московской области, Санкт-Петербурга, Краснодарского края, Ростовской области (перечислено в порядке убывания) пришлось 32 % всех поступивших жалоб.

В расчете к численности населения федеральных округов и субъектов Российской Федерации поступившие жалобы распределяются чуть более равномерно. В отчетном году на 100 тыс. населения страны приходилось в среднем 22,2 жалобы. Выше среднего значения количества жалоб на 100 тыс. человек были показатели Северо-Западного (30,2), Центрального (28,7) и Южного (22,4) федеральных округов. Ниже среднего значения были показатели Дальневосточного (18,3), Приволжского (18), Уральского (17) и Сибирского (15,4) федеральных округов.

В 30 субъектах Российской Федерации количество жалоб на 100 тыс. населения было выше среднего значения. В том числе в Псковской области этот показатель составил 41,7 жалобы, Ямало-Ненецком автономном округе — 39,8, Санкт-Петербурге — 39,1, Чукотском автономном округе — 36,7, Москве — 35,8, Республике Мордовия — 34,3 и Республике Коми — 31,7 жалобы на 100 тыс. человек.

В отчетном году тематика жалоб в целом соответствовала тенденциям последних лет. Каждая вторая из поступивших к Уполномоченному жалоб касалась нарушений личных (гражданских) прав человека. Внутри этой категории был заметен рост количества жалоб, связанных с неэффективностью судебной системы, нарушением права на судебную защиту и справедливое судебное разбирательство. Не улучшилось положение с обеспечением разумности сроков судебного разбирательства, с реализацией принципов справедливости судебного разбирательства, а также состязательности и равноправия сторон. На уровне прошлого года осталось количество жалоб на нарушения прав человека в ходе процессуальной деятельности органов дознания и следствия, а также на нарушения свободы совести и вероисповедания.

Увеличилось количество жалоб, связанных с условиями отбывания наказаний в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Это позволяет лишний раз напомнить о том, что отбывание осужденными наказания в виде лишения свободы не дает никому правомочий на ущемление права на достоинство, охрану здоровья и квалифицированную медицинскую помощь.

Поступившие к Уполномоченному жалобы указывают на остроту социальных вопросов. Нарушениям социально-экономических прав граждан посвящена каждая четвертая жалоба.

Не менее остро стоят и жилищные проблемы. Они заключаются в необходимости обеспечения жильем военнослужащих, участников Великой Отечественной войны, инвалидов, а также людей, проживающих в ветхих и аварийных домах.

Количество жалоб по проблемам охраны материнства и детства за отчетный год выросло на одну треть.

Доля жалоб на нарушение политических и культурных прав граждан осталась невысокой, составив соответственно 1,6 и 0,6 % от общего числа поступивших жалоб. Впрочем, такие показатели не должны вводить в заблуждение: политические и культурные права обычно востребованы меньшинством, однако их актуальность от этого не снижается.

Все поступающие к Уполномоченному жалобы рассматривались на предмет их приемлемости, а затем по существу. В установленный законом месячный срок каждому заявителю направлялся аргументированный ответ. Во многих случаях этот ответ носил промежуточный характер, поскольку для разрешения поставленных заявителем вопросов требовалось взаимодействие с компетентными органами государственной власти, на что, естественно, уходило дополнительное время.

Уполномоченный был вынужден отклонить 9,3 % поступивших жалоб по причине их несоответствия установленным в законе критериям приемлемости. Заявителям в этой ситуации был направлен мотивированный отказ в их рассмотрении.

По итогам рассмотрения 60,8 % жалоб заявителям, не исчерпавшим правовых средств защиты своих прав, были направлены разъяснения и рекомендации о формах и методах их дальнейших действий.

Во взаимодействии с компетентными органами государственной власти Уполномоченный в отчетном году принимал меры для восстановления прав 29,9 % своих заявителей. Он направлял в суды заявления в защиту их прав и свобод; лично или через своего представителя участвовал в судебных заседаниях; обращался в суды надзорных инстанций с ходатайствами о проверке вступившего в законную силу решения, приговора, определения или постановления суда; присутствовал при судебном рассмотрении дела в порядке надзора; обращался в Конституционный суд Российской Федерации с жалобой на нарушение конституционных прав и свобод граждан законами, примененными или подлежащими применению в конкретном деле. В результате этой работы были восстановлены права 8,6 % заявителей. Много это или мало — вопрос скорее философский, чем существенный. Часть жалоб, находившихся в работе у Уполномоченного, не были завершены в отчетном году и, естественно, остались у него на контроле. Более важно, однако, другое. По мнению Уполномоченного, даже не завершившиеся его полным успехом усилия по восстановлению прав граждан не были напрасны, если смогли побудить компетентные органы государственной власти еще раз осмыслить и объяснить свои действия или решения, ставшие объектом несогласия граждан. А это значит, что в дальнейшем, принимая решения в аналогичных ситуациях, они, хочется верить, будут более внимательны к вопросам обеспечения прав, свобод и законных интересов граждан Российской Федерации.

С другой стороны, приведенная статистика свидетельствует о том, что только законодательным закреплением данного института искоренить нарушения прав человека в российском обществе не представляется возможным.

Наделяя Уполномоченного по правам человека в РФ широкими функциями по обеспечению прав граждан, законодатель во многих случаях не сформировал механизм реализации его полномочий по защите прав человека. Так, Уполномоченный по правам человека в РФ обладает рядом прав при

проведении проверки по жалобе и по результатам ее рассмотрения. Однако соответствующие обязанности государственных органов, которые должны обеспечить ему возможность реализации этих прав, закрепленных в Федеральном конституционном законе от 26.02.1997 г. № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в РФ», не предусмотрены [2, с. 55].

Тем не менее, осуществляя свою деятельность по защите прав человека, Уполномоченный по правам человека в РФ не может действовать обособленно от других государственных органов. Для наиболее эффективной реализации своих полномочий по восстановлению нарушенных прав граждан ему необходимо исполнять возложенные на него функции совместно с государственными, общественными и иными структурами, что в управленческой науке определяется как взаимодействие. Но поскольку именно этот аспект деятельности Уполномоченного по правам человека в РФ является наименее урегулированным, необходимо разрешение проблемных вопросов и противоречий, возникающих при взаимодействии Уполномоченного по правам человека в РФ и органов государственной власти. В связи с тем, что большой объем полномочий по реализации прав человека принадлежит органам исполнительной власти, актуальным является исследование теоретических и правовых основ взаимодействия именно с этими государственными органами, а также анализ их совместной практической деятельности.

Отметим следующий парадокс: по убеждению многих российских ученых (например, В. В. Бойцовой, А. Ю. Сунгурова [1; 7]), учреждение и упрочение института уполномоченного по правам человека во многих европейских странах, государствах Британского Содружества, стало ответом гражданского общества на усиление исполнительной власти, нарушения норм управленческой морали; он позволяет преодолеть глубинные противоречия государства и гражданского общества, легитимирует власть, гарантирует осведомленность граждан об ошибках и злоупотреблениях служащих.

Однако опыт России свидетельствует о том, что правовая природа российского омбудсмана несколько иная — ведь создание данного института в России было санкционировано не гражданским обществом, а государством.

Таким образом, специфика формирования в России институтов гражданского общества носит управляемый (государством) характер, когда сами государственные органы делают попытки искусственно формировать некие (квазиподобные ввиду государственной правовой природы) структуры, действующие на поле гражданского общества постольку, поскольку на этом поле еще не созданы и не развиты институты гражданского общества.

Особенно подробно следует остановиться на поддерживаемой многими учеными и правозащитниками позиции, согласно которой сколько бы ни говорили о важных правозащитных функциях российских уполномоченных, последние никогда не станут независимыми от власти, так как являются государственными чиновниками и, в силу этого, защищая права человека, зависят от государства. А это, в свою очередь, якобы должно означать невозможность отнесения института Уполномоченного по правам человека к институтам гражданского общества. Приведем возражения против данной позиции и собственную аргументацию необходимости отнесения института Уполномоченного по правам человека к гражданскому обществу.

Во-первых, согласно ст. 2 Закона № 1-ФКЗ, Уполномоченный при осуществлении своих полномочий не зависим и не подотчетен каким-либо госу-

дарственным органам и должностным лицам. Омбудсмен охраняет как государственные, так и личные интересы, частную сферу. Благодаря его деятельности нейтрализуется настороженное отношение граждан к администрации, восстанавливается и поддерживается их вера в справедливость власти. Даже незначительный урон, нанесенный личности, создает напряженность в ее взаимоотношениях с государством. Поэтому огромное значение имеют восстановительный и политический эффекты, вызванные действиями уполномоченного по правам человека. Предупредительное воздействие, оказываемое на государственных служащих, обеспечивает недопустимость административных нарушений в будущем [8, с. 6].

Уполномоченный по правам человека выражает точку зрения гражданского общества и доводит ее до сведения исполнительных органов и законодателей. Как верно отмечает В. В. Бойцова, уже сегодня в России власть должна быть «прозрачной» и подконтрольной всему обществу и ответственной перед ним [1]. В современных условиях российской действительности институты гражданского общества всего лишь формируются. Они пока еще не могут в полной мере осуществлять действенный контроль над государственной властью. Однако в дальнейшем они не должны полностью поглотить государство, подменив осуществление его основных функций негосударственными структурами. Без эффективной реализации государством своих

основных функций невозможно создание и развитие полноценного гражданского общества в России. Для достижения гармонии в их взаимоотношениях и интересах необходимо, прежде всего, взаимное стремление и уступки, шаги навстречу друг другу.

Однако положительный результат в данном политическом процессе можно достичь с течением времени, когда произойдет совершенствование экономической базы гражданского общества на основе многообразия форм собственности, включая право собственности на землю, свободу труда, создание социально ориентированной рыночной экономики. Все эти процессы в экономической сфере общества будут сопровождаться коренными изменениями и в социальной, политической и духовно-культурной сферах. Постепенно гражданское общество крепнет и освобождается из-под чрезмерной опеки и всевластия государства. В свою очередь, государство не должно передавать свои основные функции гражданскому обществу.

Во-вторых, согласно ст. 29 Закона № 1-ФКЗ, по результатам рассмотрения жалобы Уполномоченный имеет право совершать вполне конкретные действия по предотвращению обнаруженных нарушений прав человека, в частности обращаться в суд (в том числе, Конституционный суд РФ), компетентные государственные органы и прокуратуру.

Первоочередными задачами Федеральной целевой программы, предлагаемой Уполномоченным по правам человека в РФ, могут быть, например: 1) разработка единых государственных стандартов образования в области прав человека; 2) введение в государственные образовательные стандарты учебных дисциплин по правам человека, в первую очередь по программе подготовки юристов, политологов, государственных и муниципальных служащих, сотрудников правоохранительных органов и пенитенциарных учреждений, военнослужащих; 3) издание и бесплатное распространение основных международных и российских правовых актов в области прав и свобод

человека; 4) включение в ежегодные планы научно-исследовательских учреждений правоохранительных органов тематики обеспечения и защиты прав и свобод человека; 5) проведение министерствами и ведомствами анализа действующего законодательства и внесение предложений о его изменении и дополнении в целях усиления ответственности должностных лиц за нарушение прав и свобод человека и гражданина. Принятие этой Федеральной программы не является узкопрофильной задачей лишь специалистов в области правового просвещения, а преследует цель государственного и национального масштаба — воспитание гражданина демократического общества.

На взгляд большинства российских правозащитников, ряд положений Закона № 1-ФКЗ требует пересмотра. Например, Уполномоченный по правам человека в РФ должен обладать правом законодательной инициативы, что существенно повысит его возможности и авторитет. Но такая коррекция закона невозможна без внесения соответствующих изменений в Конституцию, а именно в ч. 1 ст. 104, устанавливающую круг субъектов законодательной инициативы [6, с. 204].

Это не единственный недостаток закона. Однако и другие возможные предложения по его совершенствованию предполагают изменение самой концепции института омбудсмана в направлении существенного повышения его статуса и роли в государственно-правовой системе страны. Например, стоило бы наделить Уполномоченного правом обращения в Конституционный суд не только в порядке ч. 4 ст. 125, но также и в порядке ч. 2 и 5 той же статьи Конституции, то есть обращаться с запросами о соответствии Конституции указанных нормативных правовых актов и договоров, а также с запросами о толковании Конституции.

Кроме того, важный момент состоит в том, чтобы более четко прописать в законе задачи Уполномоченного. В него необходимо внести дополнения, которые бы подчеркивали контрольную функцию омбудсмана. Удачная формулировка содержится в п. 5 ст. 1 Закона Санкт-Петербурга от 17.12.1997 г. № 227-77 «Об Уполномоченном по правам человека в Санкт-Петербурге» [4]. В варианте Федерального закона это могло бы звучать так: «организация и осуществление контроля за соблюдением прав и свобод человека и гражданина государственными органами, органами местного самоуправления, должностными лицами, государственными служащими». Это — первая задача Уполномоченного по правам человека в РФ [3, с. 4].

Цели также стоит переформулировать. Сейчас они звучат слишком абстрактно: «обеспечение гарантий государственной защиты прав и свобод граждан, их соблюдения и уважения государственными органами, органами МСУ и должностными лицами». Это соразмерно тому, что говорится в Конституции о должности Президента РФ: «гарант Конституции, прав и свобод человека и гражданина». В отношении главы государства допустимо столь широкое толкование, а в отношении Уполномоченного по правам человека в РФ — нет. Гарантировать соблюдение всеми органами и должностными лицами прав человека он, естественно, не может. Он может это контролировать, применяя определенные меры воздействия, предоставленные ему законом.

Нужно выработать определенную концепцию деятельности Уполномоченного по правам человека в РФ — определить, чем он должен заниматься, а чем нет, какие именно жалобы он должен рассматривать. Например, интересное решение в этом смысле найдено разработчиками санкт-петербургского

закона: «В компетенцию Уполномоченного входит защита фундаментальных гражданских и политических прав человека, определенных в статьях 2—21 Всеобщей декларации прав человека, а также иных прав человека в случае их систематического или массового нарушения на территории Санкт-Петербурга» [4, с. 20].

Кроме того, кажется упущением закона тот факт, что в нем несколько странным образом вписаны собственно государственные служащие. Они входят в круг субъектов, действия (решения) которых могут быть обжалованы (ст. 16). Однако по какой-то причине они не вписаны в п. 1 ст. 1, где говорится о целях Уполномоченного, т. е. «обеспечение гарантий государственной защиты прав и свобод граждан, их соблюдения и уважения государственными органами, органами местного самоуправления и должностными лицами». Получается странная вещь: в отношении госслужащих Уполномоченный ничего не гарантирует, но жалобы на них принимает. То же самое касается еще ряда положений, в частности того, что государственному органу, органу местного самоуправления или должностному лицу, чьи решения или действия (бездействие) обжалуются, должна быть предоставлена возможность дать свои объяснения. А почему государственным служащим такая возможность не должна предоставляться? Еще по нормам закона получается, что запрашивать документы и материалы Уполномоченный может в том числе и от госслужащих, а предоставлять их обязывает только должностных лиц. Можно задаться вопросом: эти правовые пробелы — ошибка законодателей или в них есть какой-то смысл? [5, с. 294].

Конституционно-правовой институт Уполномоченного по правам человека является новым для России. Он не имеет аналогов в тысячелетней истории нашей страны. Само учреждение этого института как государственного правозащитного органа знаменует важный этап развития Российского государства, на котором задача защиты прав человека осознается и формулируется как задача государства. Правозащитная деятельность уже не рассматривается только как предмет интереса части «неуравновешенной общественности». Такое восприятие правозащитной функции государства является непривычным для менталитета российской бюрократии. В настоящее время институт Уполномоченного по правам человека в РФ проходит важный этап своего становления — он формируется как федеральный государственный правозащитный орган, вырабатываются стиль и методы работы, определяются его место и роль в национальной системе защиты прав и свобод человека и гражданина.

Библиографический список

1. *Бойцова В. В.* Служба защиты прав человека: мировой опыт. М. : Юрист, 2007. 241 с.
2. *Вагизов Р. Г.* Понятие омбудсмана в современной правовой доктрине // Закон и право. 2007. № 11. С. 55—59.
3. *Грудцына Л. Ю.* Интервью с Уполномоченным по правам человека в РФ // Адвокат. 2009. № 6. С. 4—10.
4. Закон Санкт-Петербурга «Об Уполномоченном по правам человека в Санкт-Петербурге» // Вестник администрации Санкт-Петербурга. 2009. № 4. С. 20—24.

5. *Калашников С. В.* Конституционные основы формирования гражданского общества в РФ : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. 309 с.
6. *Руденко В. В.* Двухуровневая модель института уполномоченного по правам человека в РФ // Политекс. 2006. № 2. С. 204—206.
7. *Сунгуров А. Ю.* Институт омбудсмана : эволюция традиций и современная практика : (опыт сравнительного анализа). СПб. : Норма, 2005. 201 с.
8. *Эмих В. В.* Компетенция уполномоченных по правам человека в РФ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. 24 с.

ББК 67.51

Т. П. Луговенко

ПРЕСТУПНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЖЕНЩИН, СОВЕРШАЮЩИХ КРАЖИ: МОТИВАЦИОННАЯ СФЕРА

В процессе изучения личностных особенностей женщины-воровки невозможно обойти вниманием мотивы совершения преступления. Как известно, именно в мотиве отражаются потребности. Он позволяет глубже понять личностный смысл и значение совершаемых действий, оценить уровень деформации личности и определить направления ее криминологической коррекции. «В мотивах выражается не какая-то отдельная черта личности, — писал Б. С. Волков, — а в определенном смысле весь человек, все характерные для него свойства и особенности»; «Именно мотив цементирует мысль и волю, сознание и действие и служит той основной пружиной, которая направляет волевой процесс, придавая ему определенное содержание» [4, с. 27, 132].

Мотивационная система, формирующаяся в результате жизнедеятельности человека и имеющая многоуровневый характер, представляет определенный сплав из потребностей, влечений, желаний, взглядов, ценностных установок и идеалов. Самыми низшими в иерархии ее структурных компонентов (в отличие от наиболее высших, к которым необходимо отнести систему позитивных нравственных качеств и побуждений, одобряемых обществом) являются побуждения, ориентированные на немедленное удовлетворение биогенной или какой-то ситуативной потребности и не связанные со зрелыми формами мотивации поведения человека. К примеру, «в корыстной мотивации преобладают побуждения антисоциального материально-вещного характера, направленные на извлечение экономической выгоды, обогащение, обращение определенных благ в свою пользу» [17, с. 107].

В разные времена ученые сталкивались со многими трудностями при рассмотрении мотивации человека как психологического феномена. До настоящего времени приходится учитывать и терминологическую неясность в трактовке мотивации, и отсутствие единого мнения в понимании ее сущности со стороны психологов и криминологов. Однако в научной литературе можно выделить два основных направления в определении данного явления. Первое рассматривает мотивацию как совокупность (систему) доминирующих мотивов личности. Второе — как процесс формирования мотива криминального поведения (с учетом психического склада личности, который во

© Луговенко Т. П., 2010

многим

предопределяет характер превращения просоциального поведения человека в асоциальное). Именно в этих значениях употребляется понятие мотивации в настоящем исследовании.

Т. В. Варчук верно отмечает: «Мотивацию нередко считают внутренней причиной преступления, поскольку взаимодействие социальных влияний с особенностями личности через ценностные ориентации, потребности, интересы, условия жизнедеятельности, конкретные ситуации и эмоциональные реакции на них формируют мотивацию» [3, с. 61]. Профессор В. В. Лунеев подчеркивает: «Мотивационная сфера личности преступника, понимаемая как соотношение основных детерминантов, главным образом и определяет содержание его мотивации. Из мотивационной сферы, как из “пакета” сформированных предшествующими воздействиями социальной среды побуждений, черпаются конкретные мотивы поведения человека вообще и преступного поведения в частности» [11, с. 104].

Мотив является центральным звеном мотивации. Под непосредственным мотивом поведения следует понимать устойчивое психическое образование, которое, будучи актуализированным, побуждает человека конкретизировать общую цель и выбрать тот или иной тип поведения в рамках удовлетворения одной и той же потребности (потребностей) [15, с. 90].

В качестве исходного положения в познании мотивов «женских» краж отметим общеизвестный факт, что кража есть корыстное преступление, поэтому ее доминирующим мотивом является именно корыстный мотив. Этот в целом верный тезис нуждается в развертывании и дополнении исходя из особенностей содержания и проявления самой корысти.

Согласно научному подходу в рамках общего корыстного типа личности преступника в зависимости от качественной однородности корысти следует выделять монокорыстный и насильственно-корыстный типы [12, с. 101]. Женщины, совершающие кражи, являются типичными представителями монокорыстного типа личности преступника. Однородная «чистая» корысть монокорыстного типа не связана у них с агрессивностью, насилием и реализуется «тихим» способом — совершением кражи. Причем, как показывают исследования, ни до совершения кражи, ни после нее женщины в большей части случаев не склонны менять свои представления о содержании потребностей и способах их реализации.

Разделяя мнение, согласно которому любое преступление является полимотивированным, мы считаем, что необходимо учитывать существование мотива, лежащего на поверхности, который, как правило, и определяет квалификацию преступления. Но есть более глубинные, более личностные (скрытые) мотивы, имеющие большое значение для познания механизма совершения преступления и выработки мер профилактики, т. к. позволяют выяснить личностный смысл преступного поведения.

В исследуемых нами преступлениях именно корысть находится на видимом уровне. Этот мотив можно трактовать слишком прямолинейно, когда он явно проявляет себя. Обычно такой «прямолинейный» мотив (как внутренний импульс к действию) без особого труда наблюдается в совершаемых кражах. Но сама корысть (как мотив преступления), ее содержание, не однородна, что позволяет проводить классификацию корыстных мотивов (корысть-потребительство, престиж, паразитизм, болезнь, стяжательство, произ-

водственный долг, нужда...). Этот вопрос был более детально освещен нами в одной из публикаций [10].

На сегодняшний день корысть является основным движущим мотивом как всей преступности в целом, так и преступности женщин. По данным Н. В. Сарычевой, 36 % опрошенных ею осужденных женщин назвали именно корысть в качестве мотива совершенного преступления [13, с. 230].

Базисом корыстных устремлений женщины служат материальные потребности, которые имеют множество градаций ввиду многоликости проявлений корыстной мотивации в реальной действительности. Выступая движущей силой криминальной активности, корысть выражается в стремлении человека к удовлетворению либо насущных, либо искаженных, либо явно завышенных материальных потребностей. Еще В. Н. Кудрявцев обоснованно выделял четыре основные степени материальных потребностей: 1) жизненно необходимые; 2) нормальные; 3) завышенные; 4) извращенные потребности, удовлетворение которых объективно противоречит развитию личности и интересам общества (алкоголь, наркотики и др.) [6, с. 48]. В соответствии с этим подходом в системе корыстной мотивации женщин разделяют несколько видов корысти [8, с. 67—71].

В работе Е. Р. Чернышевой отражены следующие результаты проведенного криминологического исследования: в корыстной мотивации женской преступности представлены корысть-нужда (8 %), корысть-потребительство (31 %), корысть-престиж (19 %), корысть-зависимость (11 %), корысть-конформизм (4,3 %) [15, с. 16]. Исследованиями Е. Р. Абызовой также установлено, что в настоящее время в системе корыстной мотивации женщин доминирует корысть-потребительство. У преступниц, руководствующихся данным мотивом, четко прослеживаются такие черты, как преобладание материальных интересов над другими, завышенные притязания на обладание ценными вещами. Преступная деятельность их в основном направлена на удовлетворение непомерно возросших личных потребностей. Они стремятся посредством совершения хищений достичь материального благополучия, приблизиться к западным стандартам потребления, занять высокое устойчивое положение в обществе [1, с. 93]. К аналогичному заключению приходит и С. А. Шоткинов [17, с. 107].

Не оспаривая выводов, сделанных применительно к корыстной преступности женщин в целом, считаем необходимым уточнить, что согласно проведенным нами исследованиям при совершении женщинами тайного хищения чужого имущества сегодня как никогда актуализируется значение мотива «корысть-нужда», который наполняется новым, ранее неизвестным содержанием. Последние исследования подтверждают этот тезис и для насильственных преступлений женщин [18, с. 31—32]. Не требует особых доказательств положение, что период многомерных социальных трансформаций в России затронул интересы всех социально-демографических групп населения. Женщины не только не составляют исключения, но и в большей степени испытывают на себе негативные последствия проводимых преобразований. Женская бедность становится актуальной проблемой современности. Это системное, многомерное явление, не позволяющее отдельному человеку и социуму в целом ни реализовывать свои потенциальные возможности, ни развиваться.

На наш взгляд, справедливо классифицировать бедность на индивидуальном уровне (как и обусловленную ею корысть-нужду) на две разновидности

сти: абсолютную и относительную. По мотиву абсолютной нужды женщины совершают хищения в целях удовлетворения элементарных потребностей в пище и предметах одежды, а по мотиву относительной нужды — в целях поддержания характерного для окружающих уровня жизни. В обоих случаях корысть-нужда порождается тяжелым материальным положением, невозможностью обеспечить честным трудом прожиточный минимум.

Согласно проведенному анкетированию 129 женщин, отбывающих наказание в исправительном учреждении, 13,2 % из них объяснили свое преступление необходимостью получения денежных средств для покупки продуктов питания и одежды; 17,1 % указали, что им нужны были средства для содержания ребенка; 30,2 % отметили, что совершили преступление, потому что находились в состоянии опьянения; 23,3 % не смогли объяснить мотивов своего поведения. Такие варианты ответов, как «хотелось иметь предметы бытовой техники», «хотелось иметь красивую одежду, драгоценности», «хотелось проверить свои возможности», не выбрала ни одна из опрошенных респонденток. На контрольный вопрос «Для чего вы совершили преступление?» были даны аналогичные ответы, что в известной мере свидетельствует о достоверности полученных результатов.

Анализ данных анкетирования позволяет отчетливо классифицировать женщин-воровок на три основные группы: совершающие кражи для удовлетворения нормальных потребностей в жизнеобеспечении; совершающие кражи в целях удовлетворения потребности в содержании детей; совершающие кражи для удовлетворения потребности в алкоголе и наркотиках. При этом преимущественное значение и наибольший удельный вес имеют первые две группы, составляя в совокупности примерно две трети объема мотивации краж, совершенных женщинами.

Для более точной оценки глубины и степени стойкости корыстной направленности личности таких преступниц важно учитывать данные о ситуации совершения преступления, в которой собственно и проявляется корыстный мотив. Анализ данной ситуации позволит выявить и иные, дополнительные данные о социально-психологических особенностях личности преступницы.

В результате проведенного исследования материалов 100 уголовных дел о кражах, совершенных женщинами на территории Ивановской области, установлен преимущественно ситуативный характер «женских» краж. Подтверждается этот тезис и результатами опроса 129 осужденных за кражу женщин. Только 10,1 % опрошенных признали, что решение о совершении кражи они приняли самостоятельно и задолго до совершения преступления; 33,3 % указали, что решение совершить кражу оформилось под влиянием соучастников; оставшиеся 56,6 % пояснили, что решение о совершении кражи возникло у них под влиянием неосмотрительного поведения потерпевшего. 10,1 % женщин указали, что долго обдумывали план совершения кражи и специально подбирали жертву преступления; остальные 89,9 % отметили, что совершили кражу внезапно, потому что представился удобный случай. Выяснилось также, что столько же женщин не предпринимали специальных усилий по поиску будущей жертвы.

Определенный интерес для познания ситуации совершения преступления представляют и результаты ответа на вопрос о том, что, по мнению осужденных, облегчало им совершение кражи. Вот типичные ответы: «ничего», «опьянение жертвы», «сон жертвы», «доверительные отношения с по-

терпевшим», «отсутствие свидетелей», «свободный доступ к имуществу». Никто из опрошенных женщин не признался, что для совершения кражи им потребовалось приготовить орудия или средства ее совершения. Только 10,1 % указали, что им было необходимо подыскать соучастников; 20,2 % признались, что перед совершением преступления возникла необходимость узнать некоторую дополнительную информацию о жертве; оставшиеся 69,7 % ответили, что перед совершением преступления им не пришлось предпринимать дополнительно никаких усилий.

Отсутствие специальной подготовки в совершении кражи, примитивность избранного способа и тот факт, что лишь 10,1 % женщин предпринимали усилия по сокрытию преступления, во многом объясняют довольно короткий срок между моментом совершения кражи и моментом предъявления обвинения: в 20,2 % случаев он составил меньше одной недели, еще в 20,2 % случаев — меньше одного месяца, в 17,1 % случаев — от одного месяца до двух.

Указанные обстоятельства в своей совокупности наводят на мысль о том, что «женские» кражи — это ситуативные преступления, а сами женщины-воровки — представительницы ситуативного типа личности преступника. Специфика ситуативного корыстного преступника заключается в том, что проявление им корысти и выражение ее вовне возможно только при доминирующем криминогенном влиянии обстоятельств, совокупность которых составляет ситуацию совершения преступления. Однако такое утверждение справедливо лишь частично.

Для определения удельного веса ситуации в механизме совершения женщинами краж будут полезными предложенные Г. Келли параметры оценки индивидуальности действия: 1) степень согласованности данного действия с действиями большинства людей в этой же ситуации (чем меньше соответствие, тем больше влияние ситуации); 2) степень соответствия данного действия действиям этого человека в других ситуациях (чем меньше соответствие, тем больше влияние ситуации); 3) степень соответствия данного действия действиям человека в сходных ситуациях в прошлом (чем меньше соответствие, тем меньше влияние ситуации) (см.: [9, с. 8]). Исследование доказывает, что по первому и третьему из указанных параметров действия женщин-воровок в большей мере определяются их индивидуальными особенностями, а не сложившейся ситуацией.

В этой связи принципиально важны указания Ю. М. Антоняна о том, что следует отличать случайное совершение кражи от эпизодического [2, с. 255]. Кража, совершенная женщиной, даже в ситуации, когда последняя осуждается за одну единственную кражу, чаще всего не представляет собой случайный эпизод в ее биографии. Вот почему (согласно результатам проведенного опроса) 66,7 % женщин-воровок до совершения преступления, за которое они отбывают наказание, совершали иные преступления, о которых правоохранительным органам неизвестно. Можно утверждать, что для исследуемого контингента преступников кража в большей части случаев является закономерным этапом на жизненном пути и порождается не только и не столько особенностями ситуации, сколько личностными особенностями представительницы женского пола. Женщина не просто попадает в зависимость от ситуации, но зачастую либо сама создает, либо не препятствует созданию неблагоприятной жизненной ситуации. Оказавшись же в этой ситуации, она уже не может ей противостоять. Данная ситуация актуализирует

глубинные и наиболее значимые переживания женщины. Преступление становится практически неизбежным.

Сказанное ни в коей мере не означает, что имеется фатальная предрасположенность отдельных женщин к кражам или жесткая зависимость между ситуацией и кражей. Оно лишь подчеркивает, что в случае совершения женщинами краж само преступление не является просто реакцией на сложившуюся ситуацию, реакцией, которая не имеет внутреннего, личностного содержания. Формула «стимул — реакция» в данном случае усложняется значительным «вмешательством» личностных, характерологических особенностей женщины-преступницы. Эти характерологические нарушения приводят к тому, что субъект становится зависимым от привычных способов поведения, стереотипов, присущих его личности. Более того, высокая степень выраженности личностных качеств приводит к снижению мотивационно-потребностной сферы и является жестким, фиксированным личностным конструктом, предрасполагающим в определенных критических ситуациях к дезорганизации и неадаптивному поведению.

Необходимо дополнить и учесть, что в криминологии (в зависимости от характера ситуации) в рамках ситуативного типа корыстного преступника выделяют две категории преступников: 1) лиц, совершающих корыстные преступления вследствие недостаточной материальной обеспеченности и отсутствия (либо резко сниженной) возможности легальным путем существенно улучшить свое материальное положение (эту ситуацию можно назвать личностно-ситуативной, поскольку она коррелирует с обстоятельствами жизни конкретного человека и его личностными качествами); 2) лиц, совершающих корыстные преступления под влиянием объективных обстоятельств, внешних относительно личностных характеристик виновного (например, бесхозность в самых разных проявлениях) [12, с. 104].

Женщины-воровки (в силу присущих им особенностей) чаще всего попадают в ситуации первого либо смешанного типа. Эти ситуации не только не исключают вклада личностных особенностей в детерминацию кражи, но и подчеркивают их. Прав Ю. М. Антонян, когда заключает: «Собственно мотивы корысти исключительно социального происхождения и формируются они путем восприятия норм и стандартов среды — семьи, неформального окружения. Но те же социальные условия жизни конкретного лица в сочетании с его природными задатками приводят к образованию и функционированию таких его психологических особенностей, которые также обладают значительной мотивирующей силой и активно включены в детерминирующий комплекс конкретного преступного поведения» [2, с. 259].

Некоторые выводы «напрашиваются» при анализе предпреступной, преступной и постпреступной ситуации совершения женщинами краж. Получается, что сами по себе корыстные мотивы, движущие большей частью преступниц, хотя и имеют глубинные основания в структуре личности, не гарантируют устойчивой антисоциальной направленности этой личности, а преимущественно ситуативный характер совершения преступлений практически исключает явления, названные В. Н. Кудрявцевым конкуренцией преступных мотивов и борьбой позитивного и негативного мотивов в поведении [7, с. 69]. Женщины-воровки почти не колеблются в выборе формы преступного поведения, которая и определяется мотивом. Они не ориентированы внутренне на открытое, а тем более насильственное противостояние с преступником. Кража для них единственно приемлемый тип криминального поведения, который

предопределяется их психологической установкой. Что же касается борьбы «преступного» и «непреступного» мотивов, то она, во-первых, в силу личностных особенностей выражена относительно слабо, а во-вторых, проявляется далеко не у всех преступниц. Это вполне объяснимо тем обстоятельством, что у женщин-воровок имеется крайне непродолжительное время между создавшейся благоприятной для совершения кражи ситуацией и решимостью совершить преступление. Таким образом, можно констатировать, что корыстная мотивация женщин глубинна, но актуализируется лишь при наличии удобной криминогенной ситуации.

Результаты проведенного исследования и обобщенная оценка отрицательных (криминогенных) качеств личности женщины-воровки не позволяют в полной мере согласиться с высказанным в науке мнением о том, что у большинства женщин, совершивших корыстные преступления, имеются устойчивые отклонения в нравственной сфере, выражающиеся в отсутствии положительных установок [16, с. 51]. Нам более близка позиция О. С. Кирсановой, проводившей исследование нравственных установок осужденных женщин с помощью сокращенного варианта методики С. М. Петрова «Диагностика полимотивационных тенденций в “Я-концепции” личности». Она пишет: «Бытует мнение, что люди, преступившие закон, это безнравственные и аморальные личности, не имеющие ничего святого, не признающие никаких общечеловеческих принципов и норм. Мы считаем, что это утверждение следует подвергать сомнению, когда речь идет об осужденных женщинах. Наше исследование показало, что только небольшая часть осужденных женщин имеют высокий уровень негативной нравственной мотивационной направленности. Высокий отрицательный результат по двум и более шкалам, свидетельствующий о низком уровне нравственных мотивационных тенденций, показали только 15 % женщин. В то же время важно отметить, что многие осужденные женщины имеют установку на труд, доброе отношение к людям, альтруизм» [5, с. 204].

Подтвердим сказанное результатами анкетирования женщин, отбывающих наказание за тайное хищение чужого имущества. Подавляющее большинство преступниц в качестве безусловно значимой для себя ценности отмечают семью и детей. 93 % опрошенных респонденток признались, что очень переживают разлуку с семьей и детьми; 80 % указали, что наиболее сильное влияние из всех обстоятельств, связанных с нахождением в колонии, на них оказывает отрыв от семьи и родственников. Только 3,1 % женщин остались равнодушны к разлуке с семьей в результате осуждения.

Весьма показательны ответы респонденток на вопросы, связанные с потерпевшим от преступления. Несмотря на то что практически все уголовные дела в отношении опрошенных женщин возбуждались по заявлению потерпевшего от преступления, ни одна из осужденных не держит на него обиды или злобы. Самое «негативное» по ценностной шкале отношение, которое присутствовало в 7,8 % анкет, — равнодушие. В основной массе преступницы указали, что примирились с потерпевшим. Очевидно, что примирение это не всегда искреннее. Порой оно представляет собой формальный акт, ограниченный возмещением причиненного ущерба (если 59,7 % женщин возместили ущерб полностью, то 17,1 % — частично). На вопрос «Важно ли лично вам, чтобы жертва вашего преступления вас простила?» категоричное «да» высказали 46,5 %; «пожалуй, да» — 23,3 %; 30,2 % признались, что им это не важно. Но все же в большей части случаев женщины-воровки испытывают

чувство вины и сожаления по поводу случившегося. Много значит и то, что 23,3 % женщин признались, что переживают чувство стыда перед потерпевшим; а 33,3 % женщин указали, что из всех вытекающих из содержания в колонии обстоятельств, наиболее сильное влияние на них оказывают упреки совести и чувство стыда.

Способность к раскаянию можно оценить и исходя из восприятия осужденной назначенного ей по приговору суда наказания. Очевидно, что принятие данного наказания осужденным является одним из важнейших условий его эффективности. Опрос показал, что 56,6 % женщин считают назначенное им наказание справедливым и заслуженным; 30,2 % — таковым его не считают. При этом большая часть опрошенных (46,5 %) отметила, что на месте судьи назначила бы себе более мягкое наказание, в том числе и не связанное с лишением свободы. Таким образом, женщины-воровки склонны считать наказание вполне заслуженным, но суровым. Представляется, что это стандартная реакция любого осужденного. Однако в совокупности с иными полученными результатами эти данные могут свидетельствовать о наличии в структуре личности воровок вполне определенных позитивных характеристик.

Значимыми для познания нравственно-психологических особенностей личности женщины-воровки представляются их оценки характера взаимоотношений между людьми и установка на будущее. Здесь отчетливо прослеживается неверие преступниц в искренность человеческих отношений. 13,2 % женщин указали, что люди, по их мнению, всегда готовы прийти на помощь в трудную минуту; столько же считают, что люди готовы помочь, если рассчитывают получить что-то взамен; большая же часть воровок (73,6 %) полагают, что во взаимоотношениях с другими людьми следует полагаться исключительно на себя и не ждать помощи со стороны. Поэтому не удивительно, что согласно опросу никто из осужденных после освобождения из мест лишения свободы не надеется на помощь трудового коллектива, государственных органов, общественных организаций, друзей и знакомых. 40,3 % женщин рассчитывают на помощь со стороны родственников, а 59,7 % — только на свои собственные силы. Эти цифры являются следствием почти врожденной отчужденности женщин-воровок от основных социальных институтов. Однако вряд ли можно оценивать их однозначно негативно. В современном индивидуализированном обществе, которое к тому же переживает период избавления от всеобъемлющего государственного патронажа, расчет каждого человека на свои собственные силы во многом является залогом его благополучия и развития. Наличие этого качества следует только приветствовать и поддерживать. Проблема в рассматриваемом случае в том, что у женщин есть лишь уверенность в своих силах, а самих этих сил нет.

Показательны в данном отношении ответы респонденток на вопрос «От чего, по вашему мнению, больше всего зависит успех в жизни?». 59,7 % женщин уверены, что успех в жизни в большей степени зависит от настойчивости и умения добиваться цели; 17,1 % женщин считают, что успех зависит от положения родителей, родственников или супруга. Однако образование как условие успешности назвали только 13,2 %, а способности и талант — 10,1 %.

Проводя анкетирование осужденных женщин, мы попросили их ответить на несколько вопросов, позволяющих выяснить оценку ими самих себя как лиц, преступивших уголовный закон. Характерно, что только 33,3 % опрошенных видят в себе преступника; 43,4 % преступницами себя не считают,

еще 23,3 % затруднились с выбором. По мнению подавляющего большинства опрошенных (86,8 %), преступник — это обычный, но оступившийся человек; только 3,1 % женщин указали, что преступник обладает явно выраженными отрицательными свойствами. Конечно, эти данные можно оценить как попытку самооправдания, стремление переложить тяжесть вины за преступление на плечи общества и демонстрацию завышенной самооценки. Однако даже с поправкой на эти обстоятельства в них усматривается некий позитивный элемент. Женщины, несмотря на объективную исключенность из подавляющего числа социальных связей и отношений, все же не ставят на себе клеймо преступницы; не рассматривают себя вне рамок общества, в котором они проживают; признают факт отступления от социальных стандартов, но не отказываются от них. А это, безусловно, важный фактор как в характеристике нравственной позиции воровок, так и в организации профилактики совершаемых ими краж.

Таким образом, при позитивном рационально-индивидуалистическом настрое женщины, осужденные за кражу, в первую очередь в силу собственных личностных характеристик не имеют реальной возможности этот настрой реализовать. Их социальная маргинальность и психологическая отчужденность являются существенными препятствиями на пути ресоциализации. Однако этика заботы, сострадания и позитивная самоуверенность выступают теми точками опоры в структуре их личности, которые возможно и необходимо использовать как для организации воспитательной работы во время отбывания наказания, так и для последующей постпенитенциарной профилактической деятельности.

Библиографический список

1. *Абызова Е. Р.* Типология личности женщин-преступниц // Актуальные проблемы уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии : материалы международного круглого стола. М., 2005. С. 92—97.
2. *Антонян Ю. М.* Почему люди совершают преступления : причины преступности. М. : Камерун, 2006. 304 с.
3. *Варчук Т. В.* Криминология : учеб. пособие. М. : ИНФРА-М, 2002. 298 с. (Сер. «Высш. образование»).
4. *Волков Б. С.* Мотивы преступлений. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1982. 197 с.
5. *Курсанова О. С.* Нравственные установки в структуре криминальной мотивации осужденных женщин // Преступность и духовность. М. : Рос. криминол. ассоц., 2008. С. 201—205.
6. *Кудрявцев В. Н.* Генезис преступления : опыт криминологического моделирования : учеб. пособие. М. : Форум ИНФРА-М, 1998. 216 с.
7. *Кудрявцев В. Н.* Борьба мотивов в преступном поведении. М. : Норма, 2007. 128 с.
8. *Кузнецова Н. Ф.* Проблемы криминологической детерминации / под ред. В. Н. Кудрявцева. М. : Изд-во МГУ, 1984. 208 с.
9. Личность преступника : (социально-психологические аспекты) : метод. пособие / сост. И. Р. Сушков, Ю. В. Макарова. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2006. 26 с.
10. *Луговенко Т. П.* Особенности мотивации женщин, совершающих корыстные преступления // Тр. фил. Моск. гос. юрид. акад. в г. Кирове : сб. ст. Киров, 2001. № 5. С. 103—112.
11. *Лунев В. В.* Личностные условия мотивации преступного поведения // Криминальная мотивация / отв. ред. В. Н. Кудрявцев. М. : Наука, 1986. Гл. 2, § 5. С. 98—115.

12. Миненок М. Г., Миненок Д. М. Корысть : криминологические и уголовно-правовые проблемы. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. 267 с.
13. Сарычева Н. В. Мотивация преступлений, совершаемых женщинами // Российский криминологический взгляд. 2007. № 2.
14. Скляр С. В. Вина и мотивы преступного поведения. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. 326 с.
15. Чернышева Е. Р. Криминологическая характеристика современной женской преступности и ее предупреждение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2007. 27 с.
16. Шиян В. И. Предупреждение корыстных преступлений, совершаемых женщинами : моногр. / под ред. В. Д. Филимонова. М. : ВНИИ МВД России, 2006. 176 с.
17. Шоткинов С. А. К вопросу о мотивации корыстной женской преступности // Государство и право. 2004. № 9. С. 106—108.
18. Щербакова Л. М. Женская насильственная преступность в современной России: криминологические проблемы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. 59 с.

ББК 67.405

Н. Ю. Куприна

РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРУДА РУКОВОДИТЕЛЕЙ ПРЕДПРИЯТИЙ

В действующем Трудовом кодексе РФ регулированию труда руководителя посвящена глава 43 «Особенности регулирования труда руководителя организации и членов коллективного исполнительного органа организации». В отличие от старого КЗоТа труду руководителя уделяется больше внимания и нормы, регулирующие трудовые правоотношения с участием руководителя как работника, выделяются в специальную главу. Положительным моментом данной главы является то, что она начинается с определения понятия «руководитель». В статье 273 ТК РФ руководитель рассматривается как физическое лицо, которое в соответствии с действующим законодательством, учредительными документами юридического лица (организации) и локальными нормативными актами осуществляет руководство данной организацией, в том числе выполняет функции единоличного исполнительного органа. Этот термин является обобщающим и распространяется на всех руководителей, независимо от формы собственности и целей создания организации (коммерческая или некоммерческая), т. е. и на руководителей муниципальных предприятий. Закрепление в Трудовом кодексе РФ специальных статей, посвященных регулированию труда руководителей, — достижение действующего трудового законодательства. Но особенность статуса руководителя предприятия связана с тем, что, с одной стороны, он выступает как представитель работодателя и выполняет функции работодателя, а с другой стороны, является работником и его права как работника должны защищаться законом наравне с другими наемными работниками. Двойственная природа договора с руководителем позволяет применять к регулированию отношений с ним и нормы гражданского права. После опубликования Конституционным Судом Российской Федерации Постановления от 15 марта 2005 г. № 3-П вновь появилось мнение о том, что «коллизия между трудовым и гражданским правом разрешена в пользу последнего. Более того, ввиду специфики механизма расторжения

трудового договора с руководителем, признанной Конституционным Судом Российской Федерации, такой договор приобрел черты комплексного правового инструмента, сочетающего в себе признаки как гражданского, так и трудового права» [1, с. 182].

Трудовой кодекс закрепляет два основных критерия, характеризующих правовое положение руководителя организации, а именно:

1) руководитель организации является работником, состоящим в трудовых отношениях, выполняющим в соответствии с заключенным с ним трудовым договором особую трудовую функцию;

2) в трудовую функцию руководителя организации включается реализация компетенции юридического лица в гражданском обороте.

Именно эти особенности правового положения руководителя организации позволили законодателю установить особенности в правовом регулировании труда данной категории работников.

Специфика трудовой функции руководителя организации дает возможность говорить о наличии его особого правового статуса, который требует специального правового регулирования, установления особенностей заключения с ним трудового договора, предъявления к руководителю требований, отличных от требований к другим работникам, повышенной ответственности, а также определения особенностей прекращения трудовых отношений.

Среди особенностей труда руководителей следует отметить:

1) право работодателя заключать с ним срочные трудовые договоры (ст. 59 ТК РФ);

2) увеличенный срок испытания при приеме на работу (6 месяцев) (ст. 70 ТК РФ);

3) возможность нового собственника имущества организации не позднее трех месяцев со дня возникновения у него права собственности расторгнуть с руководителем организации трудовой договор (ст. 75 ТК РФ). Увольняемые работники согласно ст. 181 ТК РФ имеют право на получение компенсации в размере не ниже трех средних месячных заработков;

4) полная материальная ответственность за прямой действительный ущерб, причиненный организации (ст. 277 ТК РФ). Случаи полной материальной ответственности руководителя организации могут быть установлены заключаемым с ним трудовым договором (ст. 243 ТК РФ);

5) наличие дополнительных оснований для расторжения трудового договора с руководителем организации (ст. 278 ТК РФ):

а) в связи с отстранением от должности руководителя организации-должника в соответствии с законодательством о несостоятельности (банкротстве) (п. 1 ст. 278 ТК РФ);

б) в связи с принятием уполномоченным органом юридического лица, либо собственником имущества организации, либо уполномоченным собственником лицом (органом) решения о досрочном прекращении трудового договора (п. 2 ст. 278 ТК РФ);

в) по иным основаниям, предусмотренным трудовым договором (п. 3 ст. 278 ТК РФ);

б) выплата компенсации в размере, определяемом трудовым договором, в случае расторжения трудового договора с руководителем организации до истечения срока его действия по решению уполномоченного органа юридического лица, либо собственника имущества организации, либо уполномо-

ченного собственником лица (органа) при отсутствии виновных действий (бездействия) руководителя (ст. 279 ТК РФ). Предусмотренная данной статьей формулировка, согласно которой размер компенсации за досрочное расторжение трудового договора с руководителем определялся трудовым договором, позволяла включать в трудовые договоры минимальные размеры компенсации, что приводило к обращениям в суд с заявлениями о незаконном увольнении и нарушении трудовых прав. Проанализировав судебную практику, законодатель Федеральным законом от 30 июня 2006 г. № 90-ФЗ внес изменения в ст. 279 ТК РФ, установив, что размер компенсации не может быть ниже трехкратного среднемесячного заработка. Оставив право работодателю уволить руководителя в любое время и без объяснения причин, законодатель предусмотрел для аналогичных случаев увольнения, связанных с невиновным поведением работника, минимальную компенсацию.

Статья 81 ТК РФ содержит следующие основания для расторжения трудового договора:

— принятие необоснованного решения руководителем организации (филиала, представительства), его заместителями, повлекшего за собой нарушение сохранности имущества, неправомерное его использование или иной ущерб имуществу организации (п. 9 ст. 81 ТК РФ);

— однократное грубое нарушение руководителем организации (филиала, представительства), его заместителями своих трудовых обязанностей (п. 10 ст. 81 ТК РФ).

Руководитель организации при осуществлении возложенной на него функции управления организацией выступает от имени организации и обязуется действовать в ее интересах добросовестно и разумно, представлять собственнику имущества организации или уполномоченному органу организации отчет о результатах своей деятельности в порядке и в сроки, которые установлены федеральными законами, иными нормативными правовыми актами Российской Федерации и нормативными правовыми актами организации.

Руководитель организации при осуществлении управления организацией обладает следующими полномочиями:

— самостоятельно решать все вопросы, связанные с деятельностью организации и отнесенные к его компетенции учредительными документами организации или другими нормативными правовыми актами организации;

— без доверенности действовать от имени организации, в том числе представлять ее интересы;

— совершать сделки от имени организации с соблюдением условий, установленных учредительными документами организации в части ограничения распоряжения имуществом организации;

— утверждать штатное расписание, заключать трудовые договоры (контракты), издавать приказы и давать указания, обязательные для исполнения работниками организации;

— выдавать доверенности, открывать в кредитных организациях расчетные и другие счета.

Суды при разрешении трудовых споров, вытекающих из трудовых отношений, возникающих между руководителем и управляемой им организацией, должны учитывать два основных фактора:

1) особенности правового положения руководителя организации как работника, выполняющего специфическую трудовую функцию;

2) особенности исполнения руководителем предоставленных ему полномочий, обусловленных организационно-правовой формой юридического лица.

Правовое положение руководителя муниципального предприятия определяется, кроме Трудового кодекса РФ, еще и Федеральным законом от 14 ноября 2002 г. № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» [2]. Согласно ст. 21 указанного закона руководитель унитарного предприятия (директор, генеральный директор) является единоличным исполнительным органом данного предприятия. Основная задача руководителя унитарного муниципального предприятия — организация выполнения задач собственника предприятия. Права руководителя унитарного муниципального государственного предприятия более ограничены по сравнению с правами руководителей других юридических лиц, что, безусловно, связано со статусом муниципального, государственного предприятия:

— руководитель не имеет права заниматься предпринимательской деятельностью;

— он не вправе быть участником, учредителем юридического лица;

— не имеет права занимать должности и заниматься другой оплачиваемой деятельностью, кроме преподавательской, научной или иной творческой деятельности;

— не имеет права быть единоличным исполнительным органом или членом коллегиального органа коммерческой организации;

— подлежит аттестации в порядке, установленном собственником имущества;

— отчитывается о деятельности предприятия в порядке и сроки, которые определяются собственником имущества, как правило, раз в год на балансовой комиссии заслушивается отчет руководителя по итогам работы за данный период.

Наличие достаточно больших ограничений в правах руководителя муниципального предприятия приближает его к статусу муниципального служащего, но только в части ограничений. Недостаточность законодательных гарантий для руководителей муниципальных предприятий или их нечеткость приводят к тому, что этих руководителей не рассматривают как работников и не применяют к ним нормы трудового законодательства. Даже наличие в Трудовом кодексе РФ ст. 274 «Правовые основы регулирования труда руководителя организации», согласно которой права и обязанности руководителя организации в области трудовых отношений определяются не только трудовым законодательством, но нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, нормативными правовыми актами органов местного самоуправления, учредительными документами организации, локальными нормативными правовыми актами, трудовым договором, не закрепляет права и обязанности руководителя как работника. Скудность нормативного правового регулирования труда данной категории работников на муниципальном уровне не позволяет сделать вывод о достаточной защищенности их трудовых прав. Органы муниципальной власти чаще всего регулируют оплату труда руководителей в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 21 марта 1994 г. № 210 «Об условиях труда руководителей государственных предприятий» при заключении с ними трудовых договоров (контрактов), устанавливая своими постановлениями размеры кратности должностного оклада руководителя к тарифной ставке первого разряда рабочего основной профессии отрасли. В настоящее время данное Постановление уже идет в

разрез со ст. 274 ТК РФ, предусматривающей применение локальных нормативных правовых актов. Если руководитель является работником, то на него должны распространяться нормы коллективного договора, регулирующие оплату труда работников, и применяемая система оплаты труда на предприятии. Если руководитель в рамках коллективного договора не рассматривается как работник, то возникает необходимость в регулировании его оплаты труда и других условий на муниципальном уровне. Такое неясное положение руководителя предприятия позволяет нарушать его трудовые права и использовать при регулировании его деятельности нормы гражданского права, что не повышает социально-трудовых гарантий последнего.

Библиографический список

1. Защита трудовых прав граждан и прав в сфере социального обеспечения в судебной практике / сост. А. Л. Благодир, И. Л. Дубровина. Киров : Дом печати, 2005. 334 с.
2. Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 48. Ст. 4746.
ББК 67.405

А. В. Хохлов

ПРИЧИНЫ И ЗНАЧЕНИЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ТРУДОВОГО («ФАБРИЧНОГО») ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РОССИИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Законодательство о труде было вызвано к жизни отменой крепостного права в России в 1861 г. и последовавшими за ней реформами местного самоуправления, судебной, военной и другими [12, с. 5].

Наличие вольного найма имело огромное значение для развития капиталистических отношений. Еще в 1851 г., т. е. за 10 лет до отмены крепостного права, В. Борисов писал: «Капиталы в Шуе начали возникать и образовываться большею частью с 1800 г. переселившимися сюда вольноотпущенными торговыми крестьянами Шуйского уезда. С сего-то времени г. Шуя, в течение полувека своего бытия, начала постепенно обогащаться капиталистами и фабрикантами» [2, с. 139].

60—70-е гг. XIX в. — начало больших перемен и время возникновения попыток решения «рабочего вопроса». Падение крепостничества явилось одним из величайших событий в истории России XIX в. С реформой 1861 г. были связаны коренные изменения в политической и социально-экономической жизни страны [5, с. 28]. Одним из важнейших ее итогов было образование свободного рынка наемного труда людей, лишенных средств производства и живущих исключительно продажей своего труда.

Фабриканты получили дешевую рабочую силу. Из раскрепощенной деревни, где после реформы ускоренно начал развиваться процесс расслоения крестьянства, в города на фабрики и заводы в поисках заработка устремились обезземеленные, потерявшие средства производства крестьяне, готовые взять

работу на любых условиях. Создалась благоприятная среда для быстрого накопления капитала [5, с. 29].

Система наемного труда стала основой народного хозяйства России. Быстрое развитие капитализма в пореформенный период умножало ряды наемных рабочих, превращало их в класс российского общества. Последнее было неразрывно связано и с промышленной революцией, происходившей в стране в 50—90-е гг. XIX в.

Рабочие подвергались жестокой эксплуатации. Рабочий день в 70-х гг. XIX в. продолжался 14—16 ч. в сутки, в 80-х гг. — 12—14 ч. Но и этот чрезмерно продолжительный рабочий день на фабриках удлинялся путем применения сверхурочных работ. Условия труда были чрезмерно тяжелыми [9, с. 575]. Многие трудовые процессы выполнялись ручным способом. Широко применялся почти даровой детский труд [5, с. 33].

Вплоть до 1880-х гг. наем рабочих на фабрично-заводские предприятия практиковался на основе «словесного» или письменного договора сроком на один год, чаще всего «от Пасхи до Пасхи» [1, с. 31]. До истечения установленного срока у рабочих забирались в контору паспорта и они фактически лишались свободы, не имея права требовать досрочного расчета. Произвол предпринимателей ничем не ограничивался, хотя правительство и делало некоторые шаги в направлении «попечения» о рабочих. Предприниматели имели право по своему усмотрению уволить рабочего в любое время за «дурную работу» или за «дурное поведение». Регламентировался не только их труд, но и личная жизнь: на многих предприятиях рабочие обязаны были в принудительном порядке покупать товары в хозяйственной лавке по завышенным ценам; проживавшие в фабричных казармах могли отлучаться лишь в определенные сроки. Рабочие не были защищены от издевательств и оскорблений со стороны хозяина и его администрации.

Однако уже к концу 1850-х гг. в правительственных кругах, среди наиболее либеральных их представителей, зрело понимание того, что с освобождением крестьян нельзя сохранять прежние законы о рабочих, что необходимость разработки фабрично-заводского законодательства очевидна. В периодической печати всех направлений раздавались голоса, призывающие к решению «рабочего вопроса» с умеренно-либеральных позиций.

В 60—70-х гг. XIX в. положение рабочих оставалось бесправным и характеризовалось жестокими формами труда. Зачастую на фабрично-заводских предприятиях действовали правила внутреннего распорядка, составленные самими владельцами и вводимые без всяких объяснений.

Ухудшение положения фабрично-заводских рабочих усугублялось снижением заработной платы. В целях ее сокращения фабриканты нередко расплачивались с рабочими купонами процентных бумаг, по которым срок платежа наступал через несколько месяцев, при этом рабочие теряли до 20 % своего заработка. Снижение зарплаты делало еще более невыносимым для рабочих гнет инфляционной дороговизны, особенно в промышленных районах страны. Так, в крупнейшем центре российской текстильной промышленности — Иваново-Вознесенске цены на продукты питания возросли к началу 1880-х гг. (за 20 пореформенных лет) на ржаной хлеб на 100 %, на мясные продукты более чем на 220 %, в то время как заработная плата рабочих за этот же период увеличилась на 15—20 % [4, с. 100]. Резко снижался уровень зарплаты из-за применяемой повсеместно (особенно на крупных предприяти-

ях) изоциренной системы штрафов. До середины 1880-х гг. не существовало никаких ограничений во взимании штрафов. Бесконтрольность хозяев и подневольное положение работника почти везде вели к злоупотреблениям фабричной администрации в штрафованиях. Однако суть этого явления далеко не однозначна. Штрафы, взимаемые с рабочих по самым разнообразным поводам и без повода, без указания причины, поступали в полное распоряжение предпринимателя [4, с. 109]. Они доходили иногда до половины заработка (по официальным данным — до 40 %) [12, с. 7].

Фабриканты считали себя вправе уменьшать заработную плату в любое время по своему усмотрению вопреки закону, запрещавшему им самовольно понижать ее до истечения срока договора. Рабочие страдали от крайней неопределенности сроков выплаты зарплаты [5, с. 19]. Как правило, эти сроки не оговаривались в рабочем договоре, и хозяин выдавал деньги или два раза — на Пасху и Рождество, или три-четыре раза в год (иногда чаще). Все зависело от его воли. Рабочие должны были выпрашивать у фабриканта заработанные ими деньги как особую милость. На некоторых фабриках деньги не выдавались рабочим на руки в течение года (до окончания срока по найму). При таких порядках рабочий вынужден был кредитоваться в фабричных лавках, неплатным должником которых он зачастую был весь год. Фабричные лавки давали доход фабрикантам, поэтому некоторые их владельцы ставили в условие найма рабочих обязательство брать продовольствие только у хозяина. При этом санитарные и гигиенические условия работы и жизни рабочих на фабриках были ужасны [5, с. 23]. Конец 1860 — начало 1870-х гг. ознаменовались нарастанием недовольства рабочих и усилением рабочего движения. Особенно обостряются их отношения с предпринимателями в текстильной промышленности, прежде всего хлопчатобумажной, — одной из ведущих отраслей в стране.

Комплекс буржуазных реформ 1860—1870-х гг., осуществленных вслед за отменой крепостного права в России, мало затронул рабочих. Попытки создания рабочего законодательства, предпринимавшиеся в это время, не принесли результатов. Поскольку внутренняя политика, проводившаяся правительством, была крайне неустойчивой, а реформы осуществлялись непоследовательно, то отсутствовал и сколько-нибудь определенный план в реформах по «рабочему вопросу».

Новая система производственных отношений в капиталистической России с особой остротой давала о себе знать в годы экономических кризисов (1873 г., 1880—1886 гг.), длительность которых в России была особенно велика. В этих условиях нарастало широкое недовольство правительственной политикой со стороны различных общественных слоев, все больше обострялись социальные противоречия [5, с. 40], все жестче ставился «рабочий вопрос», привлекавший внимание и волновавший все круги российской общестственности, что заставляло правительство искать меры для выхода из социально-экономического кризиса.

На жесточайшую эксплуатацию и бедственное положение рабочие стали отвечать протестом и стачками [13, с. 122]. Морозовская стачка 1885 г. — самое крупное событие в рабочем движении России 1880-х гг., которое, несомненно, сыграло большую роль в становлении фабричного законодательства. Требования бастующих (о полном изменении условий найма и пересмотре системы штрафов) впервые в истории этого движения вышли за пределы отдельного предприятия, приобрели общероссийское звучание и

результативность. Главные требования бастующих — увеличение (или сохранение) заработной платы, отмена (или уменьшение) штрафов, протесты против снижения расценок, улучшение условий труда. В связи с этой стачкой 3 июня 1886 г. был принят закон [12, с. 29]. Сильно расширилась география стачечного движения, охватив фактически все районы России от Польши и до Восточной Сибири включительно.

О необходимости введения в России фабрично-заводского законодательства высказывались публицисты на страницах демократических и либеральных изданий «Отечественные записки», «Слово», «Дело», «Русское богатство» и других.

Политическая обстановка после Морозовской стачки, волнения на фабриках Московской и Владимирской губерний, глубокие кризисные явления в промышленности заставляли правительство торопиться с изданием закона. 3 июня 1885 г. был обнародован закон, по которому с 1 октября текущего года запрещались ночные работы для несовершеннолетних (15—17 лет) и женщин. Он определялся как временный, срок его действия предположительно должен был составлять три года, т. е. охватывать период кризиса.

О медленном принятии законов о труде говорит и то, что 9 января 1905 г., т. е. более чем через 20 лет, Николай II в своей речи к народу заметил, что жизнь рабочего «нелегка» и что «многое надо улучшить и упорядочить» [3, с. 613].

Положение рабочих на фабриках и заводах по законодательству 80—90-х гг. и по Уставу о промышленном труде 1913 г. До реформ 1861 г. общественное производство в России основывалось главным образом на принудительном труде крепостных крестьян. Промышленность как заводская, так и ремесленная была развита относительно слабо, а удельный вес работников, полностью свободных от крепостной зависимости, был невелик. Законодательство, регулировавшее труд, отражало черты феодально-крепостнической системы, преобладавшего натурального хозяйства, почти полного отсутствия свободного рынка труда капиталистического типа.

Фабричное (трудовое) законодательство сформировалось в России в весьма короткие сроки. С 1882 по 1903 г. были последовательно приняты девять главных законов, составивших костяк промышленного (рабочего) права.

Закон от 1 июня 1882 г. «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах» открывает собой формирование в России фабричного законодательства капиталистического типа, одна из главных задач которого — охрана труда детей и женщин. Издание закона приняло форму высочайше утвержденного мнения Государственного совета и было приурочено к манифесту от 1 июня 1882 г. о рождении дочери Александра III, когда в виде особой милости «всем верным нашим подданным» было принято решение о сокращении рабочего времени для несовершеннолетних и ограничении возраста найма их на работу [12, с. 11].

Закон 1882 г. не только запретил применение труда детей в возрасте до 12 лет на фабриках, заводах и мануфактурах, но и установил специальные правила по охране труда малолетних от 12 до 15 лет (ограничение продолжительности рабочего дня, запрет ночной работы, работы в воскресные и праздничные дни, привлечения малолетних, а также подростков от 15 до 17 лет к вредным и опасным работам), обязал фабрикантов предоставлять малолетним рабочим, не имевшим образования, возможность посещать народные учили-

ща. Фабриканты были обязаны регистрировать малолетних рабочих в особой книге.

Закон 1882 г. учредил специальную фабричную инспекцию численностью в 20 человек, находившуюся в ведении министра финансов и призванную наблюдать за исполнением правил и запретов, установленных в данном законе, составлять при участии полиции протоколы о нарушениях законодательных норм и передавать их в суд, поддерживать там обвинение против нарушителей. За нарушение владельцами или руководством фабрик правил, касавшихся труда малолетних, была установлена ответственность (арест или штраф). Закон не применялся на казенных предприятиях, но мог быть распространен на ремесленные заведения, если такое распространение власти находили возможным и полезным.

Закон от 12 июня 1884 г. «О школьном обучении малолетних, работающих на фабриках, заводах и мануфактурах» рекомендовал владельцам фабрик открывать при своих предприятиях школы, порядок посещения и программы преподавания которых должны были определяться директорами народных училищ по соглашению с фабричной инспекцией.

Закон от 3 июня 1885 г. «О воспрещении ночной работы несовершеннолетним и женщинам на фабриках, заводах и мануфактурах» явился еще одним шагом на пути развития законодательства об охране труда. Он запрещал привлекать женщин и подростков, не достигших 17 лет, к ночным работам на хлопчатобумажных, полотняных и шерстяных фабриках и предоставлял министру финансов по согласованию с министром внутренних дел право распространить этот запрет и на другие промышленные предприятия. Закон 1885 г. носил экспериментальный (временный) характер и вводил запрет ночного труда женщин и подростков в виде опыта на 3 года. Окончательное решение данного вопроса было отложено «до лучших времен». В 1890 г. был принят новый Закон о работе малолетних и женщин, который придал этим запретам (в ухудшенном для работников виде) постоянный характер.

Закон от 3 июня 1886 г. «Об утверждении проекта правил о надзоре за фабричной промышленностью, о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих и об увеличении числа чинов фабричной инспекции» был принят в связи со стачкой в январе 1885 г. на Никольской мануфактуре Морозова в Орехово-Зуеве, когда две тысячи рабочих прекратили работу [12, с. 29]. Закон представлял собой сводный комплексный акт, содержащий большое число правил, относившихся к самым различным институтам фабрично-трудового законодательства: регулированию договора трудового найма (общие положения, форма, срок, прием на работу, увольнение), охране заработной платы, внутреннему трудовому распорядку и дисциплине труда, регламентации штрафов, ответственности работников за самовольный отказ от работы до истечения срока найма, за участие в забастовке и ответственности нанимателей за нарушения закона.

Большое место в законе от 3 июня 1886 г. занимали положения, касающиеся административного надзора за соблюдением порядка на предприятиях, за охраной жизни и здоровья работников, за работой фабричных харчевых лавок (разрешение на их открытие, утверждение цен). Министру финансов по соглашению с министром внутренних дел было предоставлено право в случае необходимости распространять действие данного закона на значительные ремесленные заведения и исключать из его действия незначительные фабрики и заводы. На фабриках, имеющих более 100 рабочих, вводилась

бесплатная медицинская помощь, охватывающая 70 % общего числа фабричных рабочих [9, с. 140]. Закон несколько ограничил произвол капиталистов при найме и увольнении рабочих, регламентировал систему штрафов в размере взысканий, которые не должны были превышать 1/3 заработка. Закон предписывал, чтобы собранные штрафные деньги шли не в карман предпринимателя, а на нужды самих рабочих. Были расширены права фабричной инспекции и несколько увеличена ее численность [12, с. 30]. В законе отменялись старые условия найма и вводились новые единые условия (ст. 1, разд. I), сущность которых состояла в том, что работник, заключая договор, заранее обговаривал срок найма, это ограничивало злоупотребления хозяев [12, с. 31].

Положение от 12 июня 1886 г. о найме на сельские работы регулировало трудовые отношения в сельском хозяйстве и содержало нормы, касавшиеся трудового договора, рабочего времени, времени отдыха, дисциплины труда. Условия труда для сельскохозяйственных рабочих, нормы по охране их труда, установленные в указанном положении, были, как правило, хуже, чем в промышленности. В сельском хозяйстве в большей мере использовались элементы внеэкономического принуждения к труду.

Закон от 24 апреля 1890 г. «Об изменении постановления о работе малолетних, подростков и лиц женского пола на фабриках, заводах и мануфактурах и о распространении правил о работе и обучении малолетних на ремесленные заведения» придал Закону «О воспрещении ночной работы несовершеннолетним и женщинам» 1885 г. постоянный характер, но одновременно скорректировал его содержание в пользу фабрикантов, расширив возможности применения труда малолетних, в том числе в ночное время, в выходные и праздничные дни, а также допустив в ряде случаев ночную работу для женщин.

Закон от 2 июня 1897 г. «О продолжительности и распределении рабочего времени в заведениях фабрично-заводской и горной промышленности» заложил основу регламентации рабочего времени и времени отдыха для работников наемного труда. Этим законом в России была впервые установлена максимальная продолжительность рабочего дня для взрослых рабочих (11,5 ч. в сутки), предусмотрено сокращение продолжительности рабочего времени в ночные смены, по субботам, в канун праздников (до 10 ч.), допущены при определенных условиях сверхурочные работы и определена (за некоторыми исключениями) их максимальная продолжительность; установлены дни еженедельного отдыха (воскресенье) и праздничные (нерабочие) дни [12, с. 48]. Закон не содержал положений о ежегодных отпусках. В нем отсутствовало указание о санкциях за его нарушения, что давало возможность предпринимателям уклониться от его выполнения [12, с. 51].

Закон от 10 июня 1903 г. «Об учреждении старост в промышленных предприятиях» предусмотрел образование на предприятиях представительств работников (фабричных старост), призванных быть посредниками между работниками и администрацией и представлять работников в их отношениях с властями, но они не пользовались популярностью у рабочих, подозревавших старост в сговоре с хозяевами.

Перечисленные законы — главные акты фабричного законодательства Российской империи. В период с 1903 г. по февраль. 1917 г. указанные акты в определенной мере корректировались. Но новые крупные законы не прини-

мались, за исключением Временных правил о профессиональных обществах от 4 марта 1906 г., которые легализовали профессиональные союзы.

Как известно, в первой трети XIX в. в России под руководством М. М. Сперанского была проведена крупномасштабная систематизация всего законодательства и подготовлено Полное собрание законов Российской империи (45 томов), в котором в хронологическом порядке были помещены нормативные акты, принятые начиная с Соборного уложения 1649 г. и заканчивая 12 декабря 1845 г. Одновременно был составлен менее объемный Свод законов Российской империи. Он содержал акты действовавшего законодательства, причем принятые с XVIII в. и сгруппированные по отраслевому принципу. Акты о трудовом найме работников были первоначально разбросаны в разных частях Свода, в различных уставах, главным образом в Уставе о промышленности, Горном уставе, Уставе путей сообщения, а также в Положении о найме на сельские работы.

В редакции Свода 1913 г. законоположения, относившиеся к регулированию труда работников в промышленности, в том числе горнодобывающей, были выделены из различных уставов и объединены в отдельный акт, получивший название «Устав о промышленном труде» (УПТ). Вне УПТ остались нормы о труде рабочих и служащих, имевшиеся в Уставе путей сообщения, Положении о найме на сельские работы и ряде других актов, вошедших и не вошедших в Свод законов.

Устав представляет собой специализированный инкорпорационный акт, в котором составлявшие его законы подверглись определенной самой минимальной обработке и редактированию.

Устав о промышленном труде стал главным источником фабрично-трудоу законодательства, и с момента его выпуска юридическая наука и практика ссылались не столько на Полное собрание законов и на тексты соответствующих актов, сколько на статьи данного Устава. Это позволяет рассматривать его как прообраз будущих российских кодексов законов о труде.

Содержание УПТ показывает, что он не выходил за рамки действовавшего в момент его создания законодательства, не дополнял его новыми нормами, не корректировал и не изменял его по существу. УПТ представлял собой лишь сводку по определенной системе имевшегося нормативного материала с минимальными редакционными поправками, т. е. был актом инкорпорационного характера. Вместе с тем создание УПТ значительно облегчило анализ и практическое использование законодательства о труде, ранее разбросанного по различным томам Полного собрания и Свода законов.

Почти все основные нормы, регулировавшие применение наемного труда, были сконцентрированы в едином акте, произведена систематизация этих норм, позволившая обозреть фабрично-трудоу законодательство в целом, выделить его основные институты, ясно увидеть его пробелы и недостатки. Следует признать, что и того и другого в законодательстве о труде и в УПТ было немало, особенно если оценивать этот акт с позиции сегодняшнего дня. Но для своего времени появление УПТ было выдающимся явлением в развитии правового регулирования труда не только в России: такого свода действующего трудового законодательства на тот момент не было ни в одной другой стране [7, с. 201].

Разработку УПТ можно с полным основанием рассматривать как первый шаг на пути превращения трудового права с самостоятельную отрасль, имеющую собственный систематизированный источник правового регулиро-

вания, специфический и отличный от других отраслей юридической инструментарий. Можно считать, что УПТ подготовил почву для кодификации трудового права в России после октября 1917 г.¹

Значение трудового и социального законодательства для развития экономики и повышения жизненного уровня населения. В пореформенный период в России был совершен «прорыв» в регулировании трудовых правоотношений [11, с. 80]. Законы о труде, принятые в конце XIX — XX в., заложили основу юридического положения рабочих на предприятиях. С незначительными изменениями они просуществовали вплоть до свержения самодержавия [12, с. 60].

Фабрично-заводское законодательство о труде с 80—90-х гг. XIX в. по 1917 г. проделало немалый путь в своем развитии. Основное его направление характеризовалось опекой и охранительным началом. Немало было сделано и в области мотивации труда, но почти исключительно в той части, которая касалась «дисциплины», а не стимулирования производства.

Один из самых распространенных мифов в истории труда в России — это миф о нищенской оплате трудящихся по сравнению с западноевропейскими странами [9, с. 100]. Однако академику Струмилину удалось доказать, что в начале XX в. заработки российских рабочих в крупной и средней промышленности были одними из самых высоких в мире и занимали второе место после заработков американских рабочих. Уровень оплаты труда в промышленности России опережал уровень оплаты труда в Англии, Германии, Франции (см.: [9, с. 106]). Довольно высокий уровень зарплаты русских рабочих сочетался с большим, чем в других странах, количеством выходных и праздничных дней [11, с. 81]. Совершенно не случайно президент США Тафт (1909—1913) хвалил российское законодательство о труде и считал его самым совершенным в мире (см.: [11, с. 81]).

Законодательство о труде способствовало налаживанию характерных для капитализма отношений предпринимателя и наемного рабочего, прежде всего условий найма и дисциплины труда, и, в конечном счете, упорядочению самого производственного процесса, повышению квалификации рабочей силы и производительности труда, увеличению выпускаемой продукции и улучшению ее качества, а вместе с тем и некоторому улучшению быта рабочих (жилье, питание, досуг). Однако российское фабрично-заводское законодательство «опаздывало» с фиксацией норм, реальность в отдельных случаях обгоняла законодательство. Так было с законом 1897 г. о предельной норме рабочего времени в 11,5 часов, хотя на многих предприятиях столицы средний рабочий день был на час ниже указанной нормы. К тому же фабричное законодательство всегда давалось в урезанном виде [12, с. 61].

И современники, и исследователи политики царизма по «рабочему вопросу» отмечали отставание российского фабрично-заводского законодательства от западноевропейского. Особенно это касалось такого сектора законодательства, как вопрос о стачках и профсоюзах. В этом отношении отставание от европейских стран и США определялось несколькими десятилетиями. Нельзя не констатировать и низкий уровень реализации в условиях России конца XIX — начала XX в. фабрично-заводского законодательства о труде

¹ Некоторые нормы, положения и формулировки УПТ вошли в советские КЗоТы 1918 и 1922 гг. и дошли до наших дней в действующем российском законодательстве (см.: [6, с. 37]).

в части, касавшейся привлечения к ответственности предпринимателей. Это законодательство отражало несовершенство и отставание экономической, социальной и правовой структур России.

Но российское законодательство о труде имело и положительное значение, так как нормативные акты регулировали права и обязанности сторон при заключении трудовых соглашений, сдерживали самовластие работодателей и в какой-то мере ограждали права трудящихся (см.: [11, с. 81]).

Законы о страховании ограничивали круг страхуемых как по территориальному, так и производственному признакам, охватывая только часть рабочего класса. Они касались лишь двух видов страхования: в результате несчастных случаев и по болезни. Значительным пробелом в законе, чрезвычайно снижавшим его значение, было исключение страхования по старости, в связи с инвалидностью и смертью. К тому же законом предусматривались очень низкие размеры пособий и пенсий, а на практике они зачастую еще более урезывались. По своей сути страховые законы были противоречивы: элементы буржуазного права сочетались в них с полицейско-охранительными мерами, что лишало страховые учреждения известной самостоятельности и отдавало их во власть чиновников, полиции и предпринимателей (см.: [8, с. 140]). Реализация страховых законов шла медленно, зачастую тормозилась и нарушалась предпринимателями, ограничивалась административным вмешательством и контролем. Но, несмотря на все издержки, необходимо учесть, что это был первый опыт осуществления государственного (обязательного) страхования в России, проводившийся в русле либерально-буржуазных реформ и сочетавшийся с попытками утверждения правовых норм в рабочем и трудовом законодательстве. Поэтому страховые реформы, несомненно, облегчали экономическое и правовое положение части рабочих.

Хотя российское трудовое и социальное законодательство запаздывало в своем развитии по сравнению с теми задачами, которые выдвигались экономическим и социальным развитием самой России, оно проделало за вторую половину XIX — начало XX в. заметный поступательный путь и постепенно становилось составной частью европейской системы.

В основном критика данного законодательства проводилась по следующим направлениям. Во первых, отмечалась излишняя опека рабочих и работниц администрацией предприятий путем регламентации, к примеру введения правил внутреннего распорядка, в которых владельцы предприятий устанавливали только запретительные нормы и руководствовались принципом «Что не разрешено, то запрещено».

Даже беглый обзор состояния трудовой дисциплины, условий труда и быта рабочих на предприятиях Иваново-Вознесенска свидетельствует об ущемлении прав трудящихся. Конечно, среди рабочих были лентяи, лодыри, любители «хмельного», но их было меньшинство. Из приведенных данных о нарушениях общественного порядка в городе можно отметить, что большинство из них совершалось одними и теми же лицами, а ограничения прав касались всех работающих².

Во-вторых, законодательство о труде явилось уступкой правительства рабочим, имеющей цель ослабить рабочее движение и направить их недо-

² См., например, Штрафную книгу отбельной фабрики Гарелина (фонд Музея Первого Совета).

вольство на путь экономической борьбы. В своей основе эволюционный путь развития без революционных потрясений (все лимиты «революции» в России многократно исчерпаны) был правильный путь, но этот путь не устраивал экстремистские партии, которые добивались захвата власти только путем насилия.

В-третьих, законодательство о труде всегда давалось в урезанном виде, отличалось непоследовательностью, стремлением угодить как рабочим, так и предпринимателям, в результате чего вызывало недовольство и тех и других.

Но российское законодательство о труде имело и положительное значение, так как нормативные акты регулировали права и обязанности сторон при заключении трудовых соглашений, сдерживали самовластие работодателей и в какой-то мере ограждали права трудящихся.

После переворота 25 октября 1917 года Ленин, большевики заняли жесткую позицию по отношению к нарушителям трудовой дисциплины. 4 сентября 1919 года Ленин подписал «Положение о дисциплинарных товарищеских судах», которое устанавливало за нарушение дисциплины на производстве суровое наказание — вплоть до заключения в концлагерь.

Таким образом, законодательство о труде царской России не предусматривало ни введения трудовой повинности для населения, ни принудительного труда «на стройках коммунизма», ни уголовной ответственности за самовольный уход с производства, известные советскому трудовому праву и ставшие методом регулирования трудовых правоотношений в тоталитарном государстве.

Библиографический список

1. *Балдин К. Е., Ильин Ю. А.* Ивановский край в истории Отечества. 2-е изд., доп. / Иван. гос. ун-т. Иваново, 1998.
2. *Борисов В.* Описание города Шуи и его окрестностей, с приложением старинных актов. М., 1851. 475 с.
3. *Витте С. Ю.* Воспоминания. М. : Соцэкгиз, 1960. Т. 2. 639 с.
4. *Гарелин Я. Н.* Город Иваново-Вознесенск или бывшее село Иваново и Вознесенский посад (Владимирской губернии) : в 2 ч. Шуя, 1885. Ч. 2. 143 с.
5. *Глебов Ю. Ф., Соколов В. М.* История фабрики большой Ивановской мануфактуры. Иваново : Облгиз, 1952. 156 с.
6. *Иванов С. А.* Российское трудовое право: история и современность // Государство и право. 1999. № 5. С. 35—45.
7. *Киселев И. Я.* История развития трудового законодательства М. : Новый век, 2000. 285 с.
8. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1961. Т. 21.
9. *Платонов О. А.* Русский труд. М. : Современник, 1991. 335 с.
10. *Плевако Ф. Н.* Речь в защиту рабочих Коншинской фабрики // Судебные речи известных русских юристов : сб. М. : Госюриздат, 1957. С. 575—582.
11. *Хохлов А. В.* История трудовых правоотношений в России // Суд и правосудие. 2002. № 2.

12. *Хохлов А. В.* Российское законодательство о труде в конце XIX — начале XX в. : учеб.-метод. коммент. / Иван. гос. ун-т. Иваново, 1993. 340 с.
13. *Экземлярский П. М.* История города Иваново. Иваново : Иван. кн. изд-во, 1958. Ч. 1. 396 с.

СОЦИАЛЬНОЕ НАСТРОЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ г. ИВАНОВА (По материалам социологического исследования 2010 г.)

Исследования социального настроения в России

Последние десятилетия, ставшие для России этапом глубоких качественных перемен, изменили не только политическую и экономическую ситуацию в стране, но и сознание россиян. Одним из важнейших аспектов социологического анализа современных тенденций развития общества является изучение социального настроения людей. Социальное настроение выступает индикатором определения уровня благополучия, социальной устроенности или неустроенности общества. Именно социальное настроение, будучи отражением социальной реальности, хранит в себе все множество противоречий современного общества.

Несмотря на то что в данной области исследования накоплен богатый теоретический и эмпирический материал, региональных исследований социального настроения недостаточно. Понятие «социальное настроение» может быть отнесено к кругу социологических терминов, значение которых считается само собой разумеющимся. Многие исследователи вкладывают в него — с учетом специфики своей науки и своего научного интереса — самое разнообразное содержание.

Феномен социального настроения долгое время изучался в рамках исследований общественного сознания и коллективной психологии (Г. Лебон, Г. Тард, Ч. Кули, Э. Дюркгейм и др.) [1, 6, 7]. Социологическая трактовка социального настроения распространилась в 70—80-е гг. XX в. Среди наиболее фундаментальных исследователей социального настроения особого внимания заслуживают социологи Ж. Т. Тощенко и С. В. Харченко, которые не только определили сущность, но также обозначили структурные компоненты и виды социального настроения. По их мнению, «социальное настроение есть целостная система жизнеощущения, доминантная форма реально функционирующего общественного сознания и поведения, отражающая уровень, продолжительность и степень эмоционально-рационального восприятия индивидом, социальной группой и населением, различными организациями и институтами социальных установок, социальных целей и интересов, формирующихся под воздействием реальных экономических, политических и духовных процессов и в потенции реализуемых (или нереализуемых) в процессе практической деятельности» [13, с. 23].

Автор статьи также придерживается данной трактовки социального настроения и определяет его как отношение ко всему, что происходит в обществе. Социальное настроение складывается под воздействием всей информации, которая поступает к человеку и отражает действительность, реаль-

ность, исходя из содержания коренных его интересов, его конечных целей и идеалов. Роль социального настроения состоит в том, что оно способно выступать в одних случаях в качестве ускорителя, катализатора, а в других, наоборот,

в качестве сдерживающего рычага социальной деятельности индивидов и социальных групп. Это, в свою очередь, зависит от очень многих обстоятельств, охватывающих всю совокупность политических, экономических, социальных и духовных процессов, от структуры психики личности, темперамента, ценностей и убеждений индивида, а также от отношений между людьми. Социальное настроение как важнейшее проявление общественного сознания способствует регулированию как отдельных поступков, действий людей, так и функционирования социальных групп, общественных институтов.

Индексы социального настроения россиян

С 1990-х гг. получили широкое распространение эмпирические исследования социального настроения россиян. Их позитивный момент — мониторинговый характер. Они позволили выйти на типологию групп населения, отличающихся по характеру и окраске их социального самочувствия, оценке социальных реформ и жизненным стратегиям. Акцентировалась и динамика социальных настроений и социального самочувствия этих групп. Привлекает масштабность этих исследований, проводившихся ведущими социологическими центрами страны (ИС и ИСПИ РАН, ВЦИОМ, Левада-Центр, ФОМ и др.).

В частности, во ВЦИОМ был разработан индекс социального настроения (ИСН), который содержит оценку фактической динамики состояния общества и отражает влияние массового сознания на его развитие. Методология построения этого показателя исходит из предпосылки о том, что частные мнения людей о различных сторонах собственной жизни, отношение к экономическим и социальным событиям, действующими лицами которых они являются, формируют обобщенную оценку восприятия социально-экономической и политической действительности. Общий характер этих оценок и, что наиболее важно, тенденции их изменения определяют, насколько благоприятна текущая общественная ситуация для дальнейшего социально-экономического и политического развития страны [3; 4, с. 125].

При построении ИСН внимание уделяется следующим индикаторам:

- оценке людьми материального положения своей семьи;
- оценке экономического и политического положения страны в целом;
- мнениям о будущем развитии страны;
- социально-психологическому состоянию людей.

Частные индексы (индекс положения семьи, индекс положения России, индекс ожиданий и индекс настроений) строятся по данным определенных вопросов следующим образом: из числа (процента) позитивных ответов вычитается число негативных ответов, к полученному результату для удобства расчетов добавляется 100. Обобщенные индексы (например, оценок положения в стране, собственного положения респондента, ожиданий на будущее) вычисляются аналогичным образом по средним значениям ряда выделенных показателей.

Наконец, *сводный индекс* социального настроения для каждого момента измерения может быть получен в результате суммирования показателей

обобщенных индексов. Таким образом, индивидуальные индексы и сводный ИСН изменяются в интервале значений от 0 до 200, причем показатели менее 100 означают преобладание отрицательных оценок в обществе.

ВЦИОМ проводит ежемесячные построения индексов социального самочувствия. Эмпирической базой для расчета индексов, лежащих в основе динамических рядов, служат данные ежемесячных экспресс-опросов, проводимых по репрезентативной общероссийской выборке в 39 областях, краях и республиках России в 100 населенных пунктах (количество респондентов — 1600 человек) [2, 9]. Обратимся к динамике сводного индекса социальных настроений россиян за последние годы (табл. 1).

Таблица 1

Динамика индекса социального настроения и его компонентов [9]

Индексы	Июнь 2009	Авг. 2009	Окт. 2009	Дек. 2009	Февр. 2010	Апр. 2010
Индекс текущего положения семьи	103	106	109	111	116	110
Индекс текущего положения страны	106	108	108	110	112	109
Индекс ожиданий	109	105	112	109	113	108
Индекс оценки власти	143	142	139	142	136	131
Сводный индекс социального настроения	113	112	115	115	117	112

В апреле 2010 г. индекс социального настроения снизился до 112 пунктов (падение на 4 % по сравнению с февралем). С начала текущего года общественное настроение ухудшилось, т. е. так и не реализовался слабый положительный потенциал роста общественного оптимизма. Пока рано говорить о наличии отрицательной тенденции, но выжидательное состояние, характерное для настроений населения страны в последние полгода, все с большей вероятностью может закончиться развитием негативной динамики настроений. А это означает, что население страны все менее готово согласиться с тезисом о том, что экономический кризис закончился.

Социальное настроение ивановцев: данные социологического опроса

В социологическом исследовании, цель которого — изучить социальное настроение жителей г. Иванова, приняло участие 210 респондентов, среди них 50 % женщин и 50 % мужчин. Так же равно в выборочной совокупности формировались и возрастные категории (по 16,6 % мужского и женского пола в каждой возрастной группе: 18—29, 30—54, 55 лет и старше). Время проведения опроса — май 2010 г. Рассмотрим основные индикаторы социального настроения ивановцев.

1. Специфика отношения ивановцев к своему городу

Город выступает основной средой жизнедеятельности людей. От того, какое отношение он вызывает у жителей, во многом зависит и отношение к жизни в целом, а значит, и социальное настроение респондентов. Отношение респондентов к г. Иванову характеризуется следующим образом: 15,7 % рады, что живут здесь; 51,4 % в целом довольны, но есть моменты которые их не устраивают; 14,3 % не испытывают особых чувств по этому поводу;

7,6 % не нравится жить здесь, но они привыкли; 10,0 % хотели бы уехать из г. Иванова; 1,0 % затруднились ответить.

Вместе с тем мужчины (12,4 %) более оптимистичны в своих оценках городской среды, чем женщины (3,3 %). Это можно объяснить тем, что мужчины, вероятно, менее зависимы от среды обитания, чем женщины, и им проще найти работу на новом месте жительства.

Наблюдаются также различия в оценках города респондентами разных возрастных групп: респонденты в возрасте от 18 до 29 лет проявили больше негатива по отношению к г. Иванову, и значительная часть хотела бы уехать из города. Среди респондентов в возрасте 30—54 лет большинство довольны тем, что живут здесь, и лишь небольшая часть хотела бы уехать из города. То же самое можно сказать и про респондентов старше 55 лет, среди них в основном работающие, состоящие в браке респонденты, которые не готовы к переменам. Людям с высшим и незаконченным высшим образованием в основном не нравится жить в Иванове, и они хотели бы уехать, так как не видят перспектив для развития карьеры, дальнейшего саморазвития или им просто не нравится город.

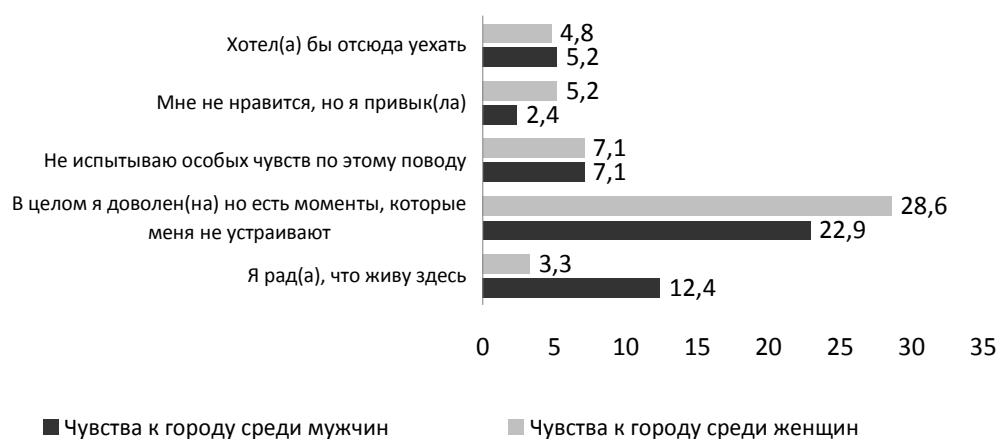

Рис. 1. Чувства, которые вызывает г. Иваново у респондентов в зависимости от пола, % (n = 210)

От оценок городской среды зависят миграционные настроения населения г. Иванова. Определяющими факторами желания покинуть город выступают семейное и материальное положение, а также образование респондентов. Так, среди тех, кто никогда не состоял в браке, 69,4 % отметили, что хотят уехать из г. Иванова, их здесь ничего не держит. Большинство из них — это респонденты в возрасте от 18 до 29 лет с высшим образованием.

Следует отметить, что большинство респондентов, ответивших на вопрос «Куда бы вы предпочли уехать на постоянное место жительства, если бы могли выбирать?», выбрали более крупные города, такие как Санкт-Петербург (13,8 %), Москва (8,6 %), Нижний Новгород (15 %), Ярославль (10,7 %), кто-то предпочел бы уехать в другие страны, например в Германию. Другие города и районы Ивановской области названы респондентами не были.

Таким образом, полученные данные прямо или косвенно говорят о том, что жители города хоть и положительно оценивают свою жизненную среду, но эти оценки являются скорее всего эмоциональными. Миграционные

настроения свидетельствуют о скрытой негативной оценке городской среды, связанной прежде всего с нестабильностью в экономическом плане.

2. Оценка социального самочувствия жителей г. Иванова

Социальное самочувствие является важнейшей характеристикой социального настроения. При анализе социального самочувствия жителей Иванова мы изучали следующие его компоненты: степень удовлетворенности опрошенных своей жизнью, настроения, преобладающие у жителей города, а также социальные страхи и их возможные причины.

Оценивая основные страхи жителей города, отметим, что доминирующую позицию заняли «экономические» страхи: остаться без средств к существованию опасаются 50,5 % опрошенных, 29,0 % боятся проблем с устройством на работу или потери работы, 23,3 % — экономического кризиса и его последствий. Более оптимистичной можно назвать возрастную категорию от 18 до 29 лет. У молодых людей этой группы значительную роль играют страхи не суметь создать семью, не встретить любимого человека, потерять друзей, распространения СПИДа — т. е. личные страхи.

Страхи мужчин и женщин также различаются. Так, мужчины (32,4 %) больше опасаются проблем с устройством на работу (для мужчин свойственно стремление к независимости), чем женщины (25,7 %). Женщины больше опасаются внешних воздействий: преступности и криминализации общества, войны, террористических актов. Большой процент как мужчин, так и женщин боятся остаться без средств к существованию.

Рис 2. Опасения жителей г. Иванова в зависимости от пола, % (n = 210)

Важным компонентом социального самочувствия является социальная позиция личности, которая показывает общий настрой человека, сформиро-

вавшийся под влиянием окружающей ситуации. Полученные данные свидетельствуют о том, что у многих респондентов присутствует надежда на лучшее (39,5 %), 29,5 % имеют нейтральное настроение, 10,0 % находятся в состоянии раздражения, протеста; 7,1 % испытывают уверенность, спокойствие; 5,7 % — страх, неуверенность в завтрашнем дне; 5,2 % — эмоциональный подъем, оптимизм; 2,9 % — пессимизм и подавленность. Тем не менее большая часть ответивших на этот вопрос оценили свое настроение положительно.

Зависимость социального самочувствия от уровня материального достатка также присутствует: так, например, различия были обнаружены только в увеличении доли «оптимистов» среди более обеспеченных людей. Это говорит о том, что материальное благополучие — не единственный фактор, влияющий на социальное самочувствие жителей города. Социальное самочувствие также существенно различается в зависимости от возраста. Более молодые настроены более оптимистично и отличаются более активной жизненной позицией, нацеленной на собственные силы.

3. Оценка жителями г. Иванова сфер повседневной жизни

Важным элементом социального настроения любой группы населения является оценка различных сфер жизнедеятельности. В ходе опроса было выявлено отношение респондентов к экономической и политической жизни города и региона.

По результатам исследования можно сделать вывод о том, что большинство респондентов считают, что в экономике города наблюдается спад (32,4 %). Затруднились ответить на этот вопрос треть опрошенных, тем самым показав низкую осведомленность о процессах, происходящих в городе. На стабильную экономику указали 25,2 % респондентов.

Рис. 3. Оценка работы муниципальных и региональных властей, % (n = 210)

Для оценки политической сферы жизнедеятельности выяснялись мнения респондентов об эффективности работы региональных и муниципальных органов управления. Анализ данных показал, что большинство опрошенных выше оценивают работу муниципальных органов власти, чем региональных (рис. 3). Вероятно, это связано с тем, что в г. Иванове сосредоточена и региональная, и муниципальная власть и жители города зачастую не отличают деятельность городской власти от региональной.

Таким образом, оценки экономической и политической сфер жизнедеятельности достаточно низкие, что свидетельствует о негативных социальных

процессах, происходящих в г. Иванове, и о росте недовольства населения своей жизнью и проводимой политикой.

4. Социальные ожидания и планы жителей г. Иванова

Для анализа социальных ожиданий респондентов необходимо было выявить их прогнозы в отношении дальнейшего развития различных сфер общества: экономики, политики и культуры.

Наиболее оптимистичны прогнозы культурной и экономической сфер. Несмотря на то что 47,6 % респондентов отметили, что ситуация в области экономики улучшится через 10—15 лет, 12,4 % опасаются, что ситуация может ухудшиться, и 40,0 % указали на то, что ситуация останется неизменной. В культурной сфере большинство респондентов также не ожидают изменений, но довольно большое количество респондентов (39,0 %) считают, что культурный уровень города повысится. Это можно объяснить тем, что сейчас в городе очень часто проходят выставки, концерты и другие мероприятия. Особый резонанс среди населения имеет Международный кинофестиваль имени Андрея Тарковского «Зеркало», что отмечалось респондентами в открытых вопросах.

Наиболее нейтральны ожидания в сфере политики: 64,3 % опрошенных считают, что ситуация в этой сфере через 10—15 лет не изменится, но 23,3 % все-таки надеются на улучшение.

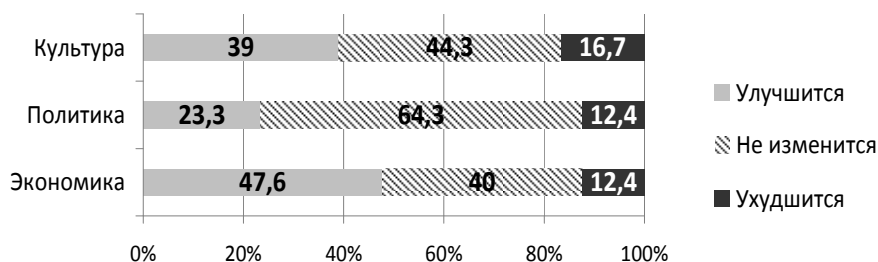

Рис. 4. Прогнозы развития различных сфер жизни среди респондентов, % (n = 210)

Выявлена интересная закономерность: наиболее оптимистические прогнозы в отношении будущего страны наблюдаются именно среди молодежи, причем они характерны для всех сфер общества (экономической, политической и культурной). Молодое поколение всё раньше стремится реализовать свой потенциал, пытаясь проявить себя в той или иной отрасли.

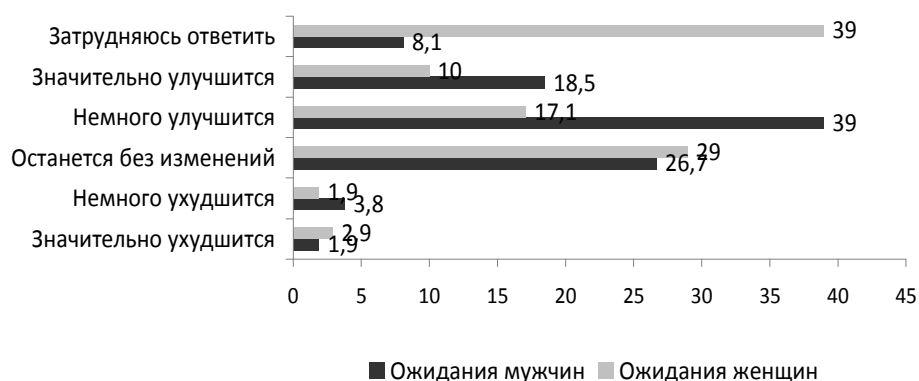

Рис. 5. Ожидания изменений в собственной жизни в зависимости от пола респондентов, % (n = 210)

Социальное самочувствие формирует социальные ожидания населения в отношении собственной жизни и в отношении развития страны. На оценку собственных перспектив в ближайшем будущем наибольшее влияние оказывает уровень дохода человека в настоящий момент.

Таким образом, экономическая и политическая жизнь страны и города оценивается респондентами в большей степени нейтрально, но отмечается надежда на улучшение. На социальное настроение оказывают влияние настроения в семье и в ближайшем окружении. Нейтральные оценки будущего членами семьи приводят к тому, что и сами респонденты считают, что оно останется без изменений.

5. Ценностные ориентации и жизненные стратегии жителей г. Иванова

Одним из важнейших компонентов социального настроения являются ценностные ориентации, установки и убеждения людей.

На первое место в системе жизненных ценностей большинство респондентов поставили здоровье, вторую по значимости позицию занимает семья, причем ценностная ориентация на семью у большинства респондентов не отождествлялась с любовью, которую в основном ставили на четвертое место. Третьей по значимости ценностью является материальное благополучие. Стабильность, как и любовь, респонденты поставили на 4-е место. Последние места заняли такие ценности, как развлечения, образование, религия. Ценностные ориентации напрямую связаны с жизненными стратегиями, которые проявляются через способы реализации людьми своих жизненных целей.

Исследование показало, что наиболее успешной для жителей города является реализация таких жизненных целей, как организация собственного дела (6,2 % уже его имеют), богатство (5,2 %). Также мы отметим, что большинство респондентов хотели бы получить престижную работу (36,2 %), создать семью (26,7 %), получить хорошее образование (21,4 %), жить в более крупном городе (16,7 %).

При решении возникающих проблем большинство жителей г. Иванова рассчитывают на родственников (69 %), на помощь друзей (26,2 %), на Бога (27,6 %) а также на собственные силы (65,2 %). Следует отметить, что жители

города не рассчитывают на государство при решении проблем, что иллюстрирует отсутствие патерналистских ориентаций. Мужчины больше ориентируются на собственные силы, чем женщины, которые в большей степени надеются на помощь родственников, а также на органы социальной защиты. На родственников полагаются все возрастные группы (18—29, 30—54 и старше 55 лет); это значит, что люди склонны надеяться на помощь извне (дружескую или родственную). Более самостоятельна возрастная группа 30—54 года, которая рассчитывает в большей степени на собственные силы (табл. 2).

Исследование показало, что большинство молодых людей ориентировано на стратегию развития, для которой характерны отказ от иждивенческих настроений, опора на собственные силы в достижении целей, самообеспечение и саморазвитие. А респонденты средних возрастных групп имеют ориентации на повышение уровня благосостояния и жизненного успеха.

Таблица 2

Источники помощи для ивановцев, % (n = 210)

На чью помощь вы рассчитываете в большей степени?	Возрастные группы, лет		
	18—29	30—54	Старше 55
На родственников	81,4	57,1	68,6
На друзей, коллег	55,7	15,7	7,1
На президента РФ	1,4	0,0	0,0
На Бога	18,6	27,1	37,1
На органы социальной защиты	4,3	0,0	14,3
Только на себя	65,7	75,7	54,3
На соседей	0,0	5,7	2,9
Свой вариант	0,0	0,0	0,0

6. Расчет индекса социального настроения ивановцев

Проведенное социологическое исследование социального настроения жителей г. Иванова позволяет построить сводный ИСН. В основе расчета — действующая методика расчета сводного показателя динамики социальных настроений населения России [3].

Отметим, что положительные оценки респондентов проявляются лишь в индексе ожиданий (130,2), внутри которого выше всего оценивается улучшение в сфере экономики (135,2) и культуры (122,3). Самые низкие показатели проявляются в индексе оценки власти (города — 84,5), причем эффективность муниципальных органов (78,5) оценивается ниже, чем региональных (90,5).

Сводный индекс социального настроения ивановцев достигает лишь 103,7. Сравнивая этот показатель с общероссийскими значениями, отметим, что он находится на более низком уровне (рис. б).

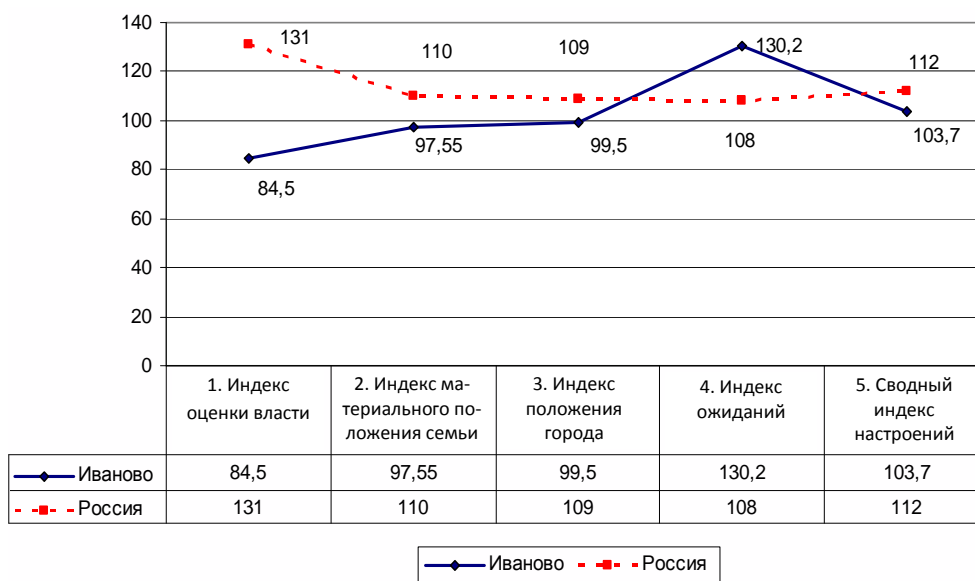

Рис. 6. Сравнительные значения ИНС по России и г. Иванову, абс. значение
Выводы и рекомендации

Изучение всех компонентов социального настроения показывает, что оно характеризуется негативными тенденциями, однако потенциал территории и человеческий потенциал остается достаточно высоким.

Исходя из этого, необходимо дать рекомендации различным социальным институтам.

1. Организациям, работающим с населением г. Иванова (к ним относятся службы занятости, благотворительные организации, коммерческие организации и пр.), следует учитывать социальное настроение жителей.

2. Департаменту социальной защиты Ивановской области необходимо и целесообразно проводить мониторинг социального настроения всех групп населения. Следует также учитывать территориальный признак и размер населенного пункта, поскольку именно этот фактор является определяющим в общей структуре социального настроения населения региона.

3. Региональным и городским властям необходимо принимать во внимание ИСН населения при разработке социальных программ и программ развития.

Таким образом, социальное настроение представляет собой многоплановое, многокомпонентное явление, оказывающее важное, а порой решающее воздействие на общественные процессы, с одной стороны, и зависящее от характера этих процессов — с другой.

Библиографический список

1. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Прогрессивное преобладание органической солидарности и последствия этого // Западно-европейская социология XIX — начала XX века. М. : Наука, 1996. С. 256—309.
2. Индексы социальных настроений. URL: <http://wciom.ru/novosti/otkrytye-proekty/indeks-socialnykh-nastroenii.html> (дата обращения: 17.04.2010).
3. Красильникова М. Д. Динамика социальных настроений и их влияние на поведение населения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2002. № 1 (57). С. 24—34.

4. Красильникова М. Д. Изучение социальных настроений и потребительского поведения населения России // Проблемы прогнозирования. 2003. № 2. С. 124—134.
5. Красильникова М. Показатели индекса социальных настроений. URL: www.levada.ru (дата обращения: 25.04.2010).
6. Кули Ч. Х. Общественная организация. Изучение углубленного разума // Тексты по истории социологии XIX—XX вв. : хрестоматия / сост. и отв. ред. В. И. Добреньков, Л. П. Беленькова. М. : Наука, 1994. С. 373—382.
7. Лебон Г. Психология народов и масс. М. : АСТ, 2000. 542 с.
8. Левада Ю. Индексы социальных настроений в «норме» и в кризисе // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1998. № 6. С. 3—7.
9. Показатели индекса социальных настроений / Левада-Центр. URL: <http://www.levada.ru/indexisn.html> (дата обращения: 25.04.2010).
10. Смирнова А. В. Мониторинг социального настроения г. Иваново. URL: <http://www.fntk.ru/tezisy/cociologiya.htm> (дата обращения: 25.04.2010).
11. Тоценко Ж. Т. Социальное настроение — феномен современной социологической теории и практики // Социс. 1998. № 1. С. 21—34.
12. Тоценко Ж. Т. Теоретико-методологическое осмысление социального настроения как феномена современной общественной практики. М. : Интеллект, 1998. С. 33—49.
13. Тоценко Ж. Т., Харченко С. В. Социальное настроение. М. : Academia, 1996. 196 с.
14. Хасбулатова О. А., Егорова Л. С. Социальное самочувствие женщин и мужчин в средних городах России // Социс. 2002. № 11. С. 48—54.

ББК 60.526.1

Е. В. Панкратова

ЗДРАВООХРАНЕНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ КАК КОМПОНЕНТЫ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ

(По материалам статистики и социологического опроса населения городского округа Кинешма)

Социальная сфера — это то «пространство» общественной жизнедеятельности, где обеспечивается воспроизводство, развитие и самореализация составляющих общество социальных субъектов (индивиды, семьи, коллективы и другие человеческие общности) [6]. Исходя из данного определения, можно утверждать, что в социальной сфере находят свое отражение условия жизни человека и удовлетворение его потребностей, стимулируется жизненная энергия и регулируются отношения с другими субъектами. Однако такое определение сложно применить к конкретному местному сообществу, например городу. Социальная сфера местного сообщества, представленная в аспекте качества жизни населения, оценивается по трем основным показателям: качество медицинской помощи, условия получения образования и качество услуг, предоставляемых органами социальной защиты [5].

Социальная сфера города является одной из главных жизнеобеспечивающих сфер, но, несмотря на свою высокую значимость, зачастую наиболее проблемной и неразвитой. Нами было проведено комплексное обследование социальной сферы как составляющей качества жизни населения г. Кинешмы. Для этого были изучены статистические материалы, характеризующие образование и здравоохранение как компоненты социальной сферы в городе [1, 2, 3, 4], а также проведен опрос населения.

© Панкратова Е. В., 2010

• Серия «Естественные, общественные науки»

Обратимся к оценке различных показателей функционирования сферы здравоохранения. Сначала проследим динамику некоторых демографических показателей.

По сравнению с 2005 годом численность населения городского округа Кинешма уменьшилась на 1,7 тыс. человек, или на 1,8 %. При этом снижение численности населения Кинешмы происходит менее интенсивно, чем в среднем по области. Это обуславливает рост доли среднегодовой численности населения города в среднегодовой численности населения области на 0,1 %. Демографическая ситуация в городском округе Кинешма, как и в Ивановской области в целом, характеризуется продолжающимся процессом естественной убыли населения. Это происходит из-за превышения числа умерших над числом родившихся (почти в 2 раза), хотя в последние годы в городском округе наблюдается положительная тенденция роста уровня рождаемости населения.

Рождаемость увеличилась за три года на 1,2 % (промилле) и к 2008 году стала выше среднеобластной. На 1000 жителей в Кинешме приходится 10 человек родившихся, по области этот показатель — 9,8, по стране в целом — 11,3. Смертность снизилась за три года на 2,2 % (промилле) и стала ниже среднеобластной. В Кинешме в 2008 году смертность на 1000 человек составила 18,3, по области — 18,8, по стране в целом — 14,6. Средняя продолжительность жизни населения города находится на уровне показателей как области, так и страны (65 лет). В структуре причин смертности населения первое место занимают болезни системы кровообращения (63,3 %), второе место — травмы и отравления (11,7 %), третье место — онкологические заболевания (10 %).

Количество врачей к 2008 году несколько увеличилось. Это может быть связано, во-первых, с системой расчета показателя — на 10 тыс. человек населения (вследствие снижения его численности), во-вторых, с некоторым ростом заработной платы врачей. Ее уровень у работников медицинских учреждений увеличился по сравнению с 2007 годом, однако остается низким, в особенности у младших медицинских работников.

Имеющаяся положительная динамика по отдельным показателям, характеризующим состояние здоровья населения, во многом связана с активной деятельностью учреждений здравоохранения и территориальных органов управления здравоохранения: улучшается материально-техническая база лечебно-профилактических учреждений города, внедряются новые медицинские технологии. Все показатели работы муниципальных учреждений здравоохранения городского округа близки к среднеобластным.

Следует сказать, что профилактика заболеваний и охрана здоровья населения является одним из приоритетных направлений социальной политики администрации городского округа Кинешма. Медицинскую помощь населению города оказывают пять муниципальных учреждений здравоохранения: «Центральная городская больница», «Детская городская больница», «Городская поликлиника», «Станция скорой помощи» и «Стоматологическая поликлиника». Также в городе работает 21 частное медицинское учреждение, большинство из которых предоставляют стоматологические услуги населению.

Одним из важнейших направлений в плане совершенствования медицинской помощи населению является охрана репродуктивного здоровья, профилактика и снижение аборт, младенческой и детской смертности. Впервые за много лет в 2007 году число родов превысило число абортов. В ре-

зультате реализации различных федеральных и муниципальных программ наблюдается улучшение ряда основных показателей здоровья женщин и детей: растет рождаемость, снижается младенческая смертность и заболеваемость (статистические показатели, характеризующие различные аспекты здравоохранения, представлены в табл. 1).

Несмотря на некоторую положительную динамику развития здравоохранения в городском округе Кинешма, проблемы медицины, по данным социологических опросов, остаются одними из самых актуальных, интересующих жителей города.

Обратимся к данным социологического опроса населения. Необходимость исследования субъективной оценки собственного здоровья и факторов, влияющих на него, определяется негативными процессами в состоянии психического здоровья населения, обусловленными снижением качества жизни и дефицитом финансовых ресурсов здравоохранения.

По данным опроса, наибольшее влияние на здоровье респондентов оказывают такие факторы, как качество питания (53,5 %), экологическая обстановка (49,5 %), материальная обеспеченность (42 %), а также качество услуг здравоохранения (32 %) и образ жизни (28,5 %) (рис. 1). Абсолютное большинство работающего населения отметили варианты «полноценный отдых и уровень рабочей нагрузки» (82,3 %) и «условия труда» (71,4 %).

Таблица 1

Некоторые статистические показатели по г. о. Кинешма

Показатели	2007 г.	2008 г.
Население по данным Госстат Ивановской области, чел.	93 448	92 897
Рождаемость (на 1000 человек)	9,2	10,0
Смертность (на 1000 человек)	19,9	18,3
Средняя продолжительность жизни, лет	65,4	65,0
Средняя продолжительность жизни мужчин, лет	58,5	60,4
Средняя продолжительность жизни женщин, лет	72,5	69,8
Смертность населения трудоспособного возраста (на 100 тыс. человек населения трудоспособного возраста):	985,7	977,9
от болезней кровообращения	326,0	–
от инфаркта миокарда	12,1	–
от травм, отравлений и воздействий других внешних факторов	242,7	–
Число врачей всего (абсолютные показатели физические лица; на 10 тыс. человек)	264	272
Число средних медицинских работников (абсолютные показатели физические лица; на 10 тыс. человек)	985	911
Средний уровень заработной платы, р.:		
врачей	8742	13700
средних медицинских работников	4258	6900
младших медицинских работников	2482	3500
прочего персонала	3418	6100

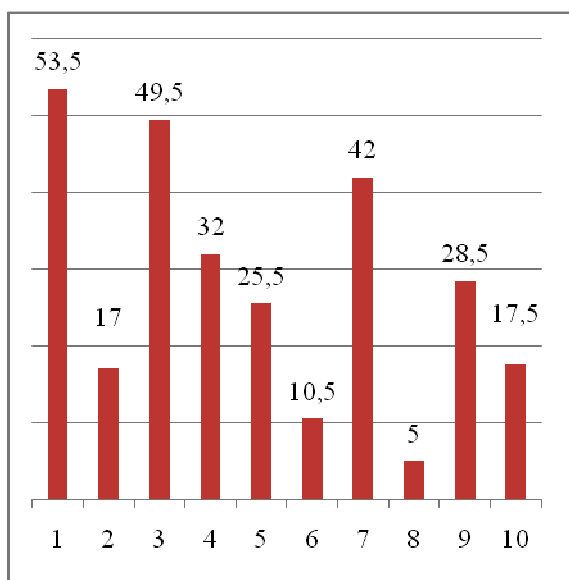

Рис. 1. Факторы, влияющие на здоровье респондентов, % (N = 200 чел.):

- 1 — качество питания
- 2 — комфорт и качество жилья
- 3 — экологическая обстановка
- 4 — качество услуг здравоохранения
- 5 — полноценный отдых и уровень рабочей нагрузки
- 6 — условия труда
- 7 — материальная обеспеченность
- 8 — семейное положение
- 9 — образ жизни
- 10 — возможность стресса

Респондентам было предложено оценить удовлетворенность состоянием своего здоровья по пятибалльной шкале, где 1 баллу присваивалось значение «совершенно не удовлетворен», а 5 баллам — «полностью удовлетворен». Около половины жителей города (42,5 %) оценили удовлетворенность состоянием здоровья на 3 балла из пяти возможных. 30 % респондентов выбрали оценку 4 балла, 16,5 % — 2 балла, 7 % — 1 балл и лишь 4 % опрошенных ответили, что полностью удовлетворены состоянием своего здоровья.

Мужчины оценивают свое здоровье выше, чем женщины. Исследование показало, что позитивные оценки здоровья характерны для молодого возраста (от 18 до 30 лет), а негативные — для людей пожилого возраста. Если среди молодежи вариант «полностью удовлетворен» отметила половина респондентов (50 %), то среди пенсионеров в возрасте от 60 лет и старше этот вариант не указал никто.

Кроме того, выявилась зависимость состояния здоровья от дохода респондентов. Чем выше доход, тем выше удовлетворенность жителей города состоянием своего здоровья. Это подтверждается тем, что менее всего удовлетворены здоровьем кинешемцы, имеющие доход до 3000 р. и от 3001 до 5000 р. в месяц. Среди этих респондентов 42,8 % абсолютно не удовлетворены здоровьем. В числе материально обеспеченных респондентов с доходом от 7001 до 10 000 р. и от 10 001 до 20 000 р. больше половины (80 %) высказали удовлетворенность здоровьем выше заданной средней градации (в 3 балла из 5 возможных).

В настоящее время является актуальной проблема качества и доступности медицинских услуг. Поэтому в ходе опроса респондентам предлагалось ответить на вопрос: «Удовлетворяет ли Вас качество услуг, предусмотренных обязательным медицинским страхованием?» Около половины опрошенных (46,5 %) отметили вариант «скорее нет», 18 % респондентов совсем не удовлетворяет качество услуг, 23,5 % участников опроса указали вариант «скорее да», лишь 2,5 % — довольны качеством услуг, остальные затруднились с ответом.

Мнения мужчин и женщин различны: мужская половина населения в большей степени удовлетворена качеством услуг, которые предусмотрены обязательным медицинским страхованием, чем женская. Это объясняется тем, что мужчины выше, чем женщины, оценивают уровень своего здоровья, а также реже обращаются за медицинской помощью. Следует отметить, что 74 % респондентов в возрасте от 44 до 59 лет не устраивает качество услуг, предоставляемых муниципальными учреждениями здравоохранения. Также высок процент неудовлетворенных медицинским обслуживанием (по 64 %) среди респондентов в возрасте от 31 до 44 лет и пожилого населения.

При анализе данных выяснилось, что основными причинами неудовлетворенности услугами государственных медицинских учреждений является система (71,4 %) и качество обслуживания (64,3 %). 38,8 % опрошенных указали на плохую техническую оснащенность медицинских учреждений, 34 % — на проблему высокой стоимости многих медицинских услуг. Профессиональные знания и навыки врачей не удовлетворяют каждого пятого опрошенного (25 %) (рис. 2).

Стоит заметить, что респондентам предлагалось вписать также свой вариант ответа на вопрос. Самыми распространенными ответами были: график приема специалистов, грубость медицинских работников и неспособность поставить диагноз.

14,5 % участников опроса часто пользуются платными медицинскими услугами, а 35 % — иногда. Намного чаще к этим услугам прибегают женщины (62,1 %). На частоту обращения к платным медицинским услугам влияет уровень дохода респондента. К платным медицинским услугам «довольно часто» прибегают 37,9 % респондентов с доходом на одного члена семьи от 7001 до 10 000 р. и от 10 001 до 20 000 р. Только 13,8 % жителей с доходом до 3000 р. часто пользуются подобного рода услугами.

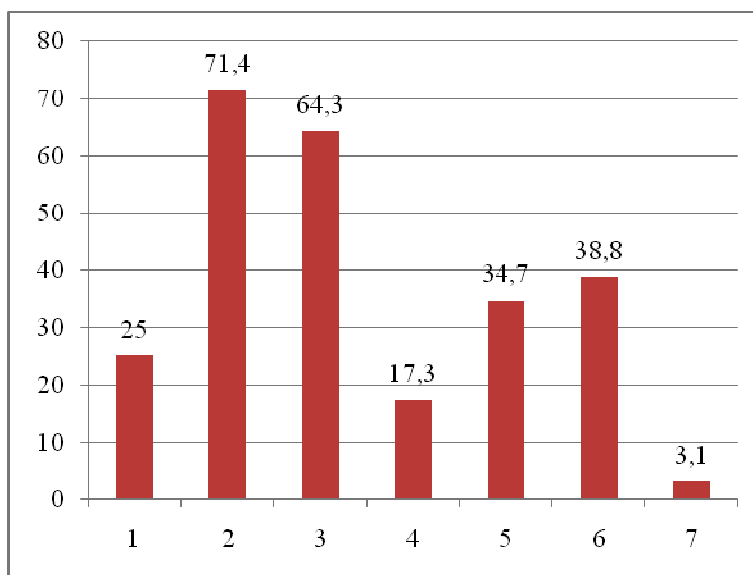

Рис. 2. Причины неудовлетворенности услугами государственных медицинских учреждений, % (N = 200 чел.):
1 — квалификация врача, 2 — система обслуживания (очередь к врачу, система заблаговременной записи к специалисту), 3 — качество обслуживания

(недостаточное внимание врача к пациенту, нетщательная диагностика), 4 — обеспеченность лекарствами льготников, 5 — некоторые медицинские услуги оказываются только за плату, 6 — плохая техническая оснащенность, 7 — свой вариант

Таким образом, удовлетворенность населения состоянием своего здоровья находится на среднем уровне. Кроме того, большинство жителей города не устраивает качество услуг, предусмотренных обязательным медицинским страхованием, по причинам как неудовлетворительной системы (очередь к врачу, порядок заблаговременной записи к специалисту), так и качества обслуживания (недостаточное внимание врача к пациенту, нетщательная диагностика), а также плохой технической оснащенности.

Обратимся к анализу сферы образования. Основная деятельность Управления образования Ивановской области в 2008 году осуществлялась с учетом задач модернизации российского образования, национального проекта «Образование», комплексного проекта модернизации российского образования, целевых программ.

На 1 января 2009 года в городском округе функционировало 34 дошкольных образовательных учреждения (среди них — 3 коррекционных детских сада), которые посещали 4029 детей. Статус центра развития ребенка имеют 3 детских сада. Число детей, занимающихся в 2 учреждениях дополнительного образования, составляет 3103 человека. Дошкольным образованием с 0 до 7 лет охвачено 68 % детей, с 3 до 7 лет — 91 % детей, дополнительным образованием в детских садах и в группах центра развития для дошкольников — 74 % детей.

Количество общеобразовательных учреждений в городе сократилось, количество средних (полных) общеобразовательных школ по сравнению с 2005/06 учебным годом в 2008/09 уменьшилось на 2. Город имеет развитую сеть образовательных учреждений различного уровня. В городе работают 4 профессиональных училища, которые ежегодно выпускают специалистов разных профессий. Но, несмотря на то что в 2008 году в городском округе была построена и открыта новая школа, численность учащихся сокращается, что вызвано демографическими процессами.

В городе представлены и высшие учебные заведения: Кинешемский филиал Московского современного гуманитарного университета, филиал Московского государственного индустриального университета, филиал Ивановской государственной текстильной академии.

С 1 сентября 2008 года три школы города, являющиеся базовыми в рамках реализации комплексного проекта модернизации образования, перешли на новую систему оплаты труда. Средняя заработная плата педагогов в этих школах значительно возросла к 2008 году по сравнению с 2007 годом: с 8100 до 11 900 р. (на 47 %).

Одним из важнейших параметров качества жизни населения выступает удовлетворенность полученным или получаемым образованием.

В ходе исследования респондентам предлагалось ответить на вопрос о том, довольны ли они образованием, которое получили или получают в настоящее время. Оказалось, что удовлетворенность образованием находится на очень высоком уровне. Так, 80 % респондентов довольны уровнем своего образования. Больше всего неудовлетворенны уровнем образования респонденты в возрасте от 18 до 30 лет, а также опрошенные от 45 до 59 лет. Этот

момент объясняется тем, что респонденты молодого возраста в настоящий момент еще только получают образование, а респонденты среднего возраста столкнулись с высокой конкуренцией на рынке труда.

Удовлетворенность образованием зависит от сферы экономики, в которой работает респондент. Самая высокая оценка удовлетворенности им у управленцев (94,1 %), что объясняется как содержательными характеристиками труда, так и более высоким уровнем его оплаты, а также у работников образования и науки (88,3 %). Больше всего недовольных образованием среди тех, кто занят в охранной деятельности (42,9 %), сфере обслуживания (38,5 %), армии и милиции (27,3 %).

Оценка удовлетворенности образованием напрямую зависит от его уровня. Среди респондентов, имеющих высшее образование, 93,7 % опрошенных «удовлетворены» и «скорее удовлетворены» своим образованием. В числе участников опроса со средним специальным образованием такую же оценку высказали 66,7 %.

39,9 % опрошенных хотели бы повысить уровень своего образования. Большинство респондентов (75 %), имеющих неоконченное высшее образование, выразили желание совершенствовать свой уровень образования. Следует отметить высокий процент стремящихся к совершенствованию образования среди тех, кто уже имеет высшее образование (50 %). В числе работающего населения желание повысить уровень образования присутствует у представителей армии и милиции (72,7 %), здравоохранения (66,7 %), а также у респондентов, работающих за пределами городского округа Кинешма (85,7 %).

Участникам опроса предлагалось обосновать причину желания повысить уровень своего образования. Более половины респондентов (51,3 %) в качестве основной причины отметили необходимость получения профессиональных знаний и навыков. Также респонденты указали на возможность повышения заработной платы (18,8 %), улучшение возможностей карьерного роста и «собственное моральное удовлетворение» (по 11,3 %). Среди социально-демографических факторов, которые влияют на выбор причин повышения уровня собственного образования, выделяются пол и возраст респондентов (табл. 2).

Таблица 2

**Причины желания повысить уровень образования
в зависимости от возраста респондентов (N = 200 чел.), %**

Причины желания повысить уровень образования	Возраст, лет			
	18—30	31—44	45—59	От 60 и старше
Повышение социального статуса	5,6	4,2	11,8	33,3
Рост заработной платы	16,7	29,2	11,8	—
Совершенствование собственных профессиональных знаний и навыков	41,7	62,5	52,9	66,7
Собственное моральное удовлетворение	16,7	—	17,6	—

Увеличение возможностей карьерного роста	19,3	4,1	5,9	–
<i>Итого</i>	100	100	100	100

Пол респондентов определяет выбор причин желая совершенствовать свой образовательный уровень. Мужчины считают, что благодаря повышению собственного уровня образования, совершенствуются профессиональные навыки и знания (50 %), а также возрастает уровень заработной платы (25 %). Женщины же в первую очередь ожидают получения дополнительных знаний (52,5 %), высокого уровня оплаты труда (12,5 %), перспектив карьерного роста (10 %) и высокого социального статуса (по 10 %). Кроме того, именно женщины отмечают в качестве основной причины моральное удовлетворение (15 %).

Таким образом, анализ качества социальной сферы региона показал неоднородность оценок субъективных показателей. В большей степени жители города удовлетворены своим образованием, высока доля тех респондентов, которые хотели бы совершенствовать свой уровень образования. Качество оказываемых учреждениями здравоохранения услуг не удовлетворяет жителей города. Респонденты не довольны как системой, так и качеством обслуживания, отмечают плохую техническую оснащенность. Кроме того, низкий уровень жизни не позволяет жителям города прибегать к услугам платных медицинских учреждений. Недостаточное финансирование и плохое состояние учреждений здравоохранения обуславливают их неудовлетворительную оценку жителями города и по-прежнему остаются наиболее актуальными проблемами в социальной сфере.

Библиографический список

1. Города Ивановской области : стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Ивановской области. Иваново, 2009. 71 с.
2. Ивановская область в 2008 году : стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Ивановской области. Иваново, 2009. 487 с.
3. Ивановская область в цифрах: 2008 : краткий стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Ивановской области. Иваново, 2009. 39 с.
4. Информационная справка о социально-экономическом положении городского округа Кинешма в 2008 году / Администрация городского округа Кинешма. Кинешма, 2009. 87 с.
5. Панкратова Е. В. Комплексная методика оценки качества жизни региона // Вестник Иван. гос. энерг. ун-та. 2009. Вып. 1. С. 31—37.
6. Социологический словарь / сост. А. Н. Елсуков, К. В. Шульга. Минск : Университетское, 1991. 527 с.

ББК 60.56

Т. П. Белова

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПРОЦЕССА ВИРТУАЛИЗАЦИИ

Современный социум стремительно меняется под влиянием глобализации. Социальные процессы в той или иной степени определяются тенденцией общепланетарного объединения людей, стран, народов, их культур и социальных потенциалов [4, с. 90]. Мы живем в условиях глобальной информационно-технологической революции, интенсивного внедрения компьютерных, теле- и радиовещательных, телефонных технологий, развития коммуникативных сетей, что ведет к формированию глобального информационного общества [24].

Воздействию глобальных изменений подвергаются не только события мирового масштаба, но и частная повседневная жизнь [5]. Сегодня люди значительный объем информации получают не при непосредственном межличностном контакте, а при помощи многообразных технических средств (телевизора, мобильного телефона, компьютера и т. д.) и, как следствие, живут одновременно в двух мирах — с одной стороны, в действительном, реальном, а с другой — виртуальном (от лат. *virtualis* — возможный, потенциальный), основанном «на силе воображения, идеализации, приемах ухода от воздействия материальности» и *системном* распространении этого процесса на все сегменты социальной структуры общества и институты путем сознательного и «инженерно» сфокусированного конструирования «условных феноменов, приобретающих статус основных». Создание этой «другой», идеально-фантазийной (имагинативной) реальности, замещающей повседневную жизнь и воздействие материальных факторов на жизнь общества, получило в научной литературе название «виртуализация» [16].

В методологическом плане для социологического изучения данного процесса важно опираться на социально-конструктивистскую парадигму, которая «задает совершенно новые ориентиры в формировании познавательной деятельности путем включения обыденного мышления в процесс производства знания» [22, с. 75]. Интерес представляют, например, идеи родоначальника феноменологической социологии А. Шютца о том, что любое знание начинается с обыденного уровня и не может быть отделено от социального контекста, подлежащего смысловой интерпретации. При этом непосредственное и опосредованное переживание действительности существенно отличаются, т. к. при переходе «от ситуации лицом-к-лицу к ситуациям, включающим просто современников» возрастают степени удаленности и анонимности [28, с. 115, 132—137].

П. Бергер и Т. Лукман с позиций феноменологической социологии знания провели подробное исследование процесса социального конструирования общества как объективной и субъективной реальностей. В социальном мире они выделили три существенные характеристики: «Общество — человеческий продукт. Общество — объективная реальность. Человек — социальный продукт» [2, с. 102]. Это означает, что человек (как человеческая общность) и его продукт (социальный мир) взаимодействуют друг с другом, а следова-

тельно, необходимыми составляющими диалектического процесса являются экстернализация (конструирование институционального социального порядка в ходе человеческой деятельности), объективация (его восприятие в качестве внешней, объективной реальности) и интернализация (посредством которой объективированный социальный мир переводится в сознание в ходе социализации) [2, с. 88—103].

Для анализа виртуализации общества эвристической значимостью обладают идеи Бергера и Лукмана о «символических универсумах» как системах «теоретической традиции, впитавшей различные области значений и включающей институциональный порядок во всей его символической целостности», как матрицах «всех социально объективированных и субъективно реальных значений», а также их замечания о том, что «способность к наделению смыслом дает индивиду возможность так далеко выйти за пределы социальной жизни, что он может найти себе место в символическом универсуме, даже в своем крайне уединенном существовании» [2, с. 157—158].

На основании социально-конструктивистского подхода отечественный исследователь Б. С. Сивиринов делает вывод о том, что «феноменологическая социальная реальность имеет почти все атрибуты виртуальности, прежде всего — ее рефлексивную основу», но подчеркивает при этом, что по отношению к действительной реальности виртуальная является «квазиреальностью» [21, с. 39—40]. Однако подобное видение предполагает обращение не только к социально-конструктивистской, но и к постмодернистской парадигме, к основным принципам которой относятся, в частности [15, с. 156]:

— герменевтизация мира и культуры, восприятие мира как глобального текста;

— построение новой концепции субъекта, согласно которой он лишается своей субстанциональной сущности и предстает как совокупность различного рода детерминант;

— восприятие мира — социального и природного — как «разорванной», «фрагментарной» реальности, лишенной единого основания и закономерной причинности;

— «симулятизация» реальности: понимание социума как совокупности знаков, не имеющих связи с действительностью.

В рамках данной парадигмы прежде всего обратимся к тезису Ж. Бодрийяра об «утрате реальности» и переходе к «гиперреальности», стирающей противоречие реального и воображаемого в результате превращения представлений и знаний о мире в симулякры — знаки или образы, отрывающиеся по смыслу от конкретных объектов, явлений, событий, к которым они изначально относились, и тем самым выступающие как подделки, фальсифицированные копии, не соответствующие оригиналу, приобретающие автономный смысл, не соотносимый с действительностью, но заключающие в себе особые социальные отношения и особую инстанцию власти [3, с. 116].

Характерная черта современности, по Бодрийяру, — «гиперреализм симуляции», слияние «реального и воображаемого в единое целое», утверждение иллюзии реальности вследствие замещения реального знаками реального (например, подмены чувства виновности, страха и смерти чистыми знаками виновности, отчаяния, насилия и смерти) [3, с. 151—153].

Петербургский социолог Д. В. Иванов подчеркивает, что симуляции определяют логику виртуальной реальности. В начале XXI в. на первый план

вышли компьютерные симуляции и были разработаны социологические концепции, признающие эти технологические изменения в качестве основной детерминанты социальных трансформаций. Данные концептуальные подходы Иванов определил как техноцентристские модели виртуализации и указал на близость позиций их создателей — А. Бюля, А. Крокера, М. Вэйнстэйна, М. Паэтау — историческому материализму, т. к. они также полагают, что развитие новых технологий вызывает изменения в системе общественных отношений: появляются новые отношения собственности, на их базе — новые социальные классы, новые формы политической власти, идеологии, искусства и т. д., поэтому отмечается переход к новой фазе капитализма, когда классические структуры индустриального общества устраняются по мере внедрения компьютерных технологий [8, с. 144—154].

Автор модели «виртуального общества» А. Бюль акцентирует внимание на создании посредством компьютерных технологий «параллельных» миров, в которых функционируют виртуальные аналоги реальных механизмов воспроизводства общества: экономические интеракции и политические акции в сети Интернет, общение с персонажами компьютерных игр и т. п. В отличие от него авторы теории «виртуального класса» А. Крокер и М. Вэйнстэйн прежде всего занимаются разоблачением киберкапитализма как системы, порождающей новый тип неравенства и эксплуатации. Виртуализацию они понимают как процесс отчуждения нового типа в результате опосредствования восприятия и мышления компьютерными сетями и передачи рабочих функций тела электронным устройствам, что ведет к превращению «социобиологически-лингвистического организма» в ресурс для технологий переработки образов, к которым кроме компьютерных относятся торговые центры (shopping malls), телевизионные ток-шоу, факсовые аппараты, видеокамеры

и т. д. При этом виртуализации как новой форме отчуждения подвержены и господствующий, и подчиненный классы (см.: [7, с. 23—25; 8, с. 144—152]).

Модель «виртуализации социального» М. Паэтау базируется на теории Н. Лумана, в которой общество определяется как система коммуникаций [12, с. 31]. Возникновение гиперпространства сети Интернет Паэтау объясняет использованием обществом новых форм коммуникации для самовоспроизводства (аутопойесиса, по Луману). Изменение общества связывается со структурной дифференциацией системы вследствие появления в ней новых элементов (виртуальных аналогов реальных коммуникаций), а «виртуализация социального рассматривается как просто очередной системный эффект» (см.: [7, с. 25—26]).

К техноцентристским моделям Д. В. Иванов также относит теорию «культуры реальной виртуальности» М. Кастельса, согласно которой «сама реальность (т. е. материальное/символическое существование людей) полностью схвачена, полностью погружена в виртуальные образы, в выдуманный мир, мир, в котором внешние отображения находятся не просто на экране, через который передается опыт, но сами становятся опытом» [10, с. 351—352]. Культура, по Кастельсу, оказывается в значительной мере включенной в электронный гипертекст, который комбинирует, артикулирует и выражает смыслы в виде аудиовизуальной мозаики, способной к расширению или сжатию, обобщению или спецификации в зависимости от аудитории (см.: [26, с. 25]).

Поскольку Кастельс исходит из понимания виртуального как существующего «на практике, хотя не строго в данной форме или под данным именем», а реального — как фактически существующего, то, с его точки зрения, «реальность, так, как она переживается, всегда была виртуальной» в силу того, что «она переживалась через символы, которые всегда наделяют практику некоторым значением, отклоняющимся от их строго семантического определения» [10, с. 351].

Однако «в новой коммуникационной системе, организованной вокруг электронной интеграции всех видов коммуникации», специфическим моментом «является не формирование виртуальной реальности, а строительство реальной виртуальности». Этот процесс обусловлен характерными чертами социокультурной структуры новой электронной (мультимедийной) среды, к которым Кастельс относит следующие [10, с. 349—351]:

1) *широкая социальная и культурная дифференциация*, ведущая к сегментации пользователей/зрителей, читателей/слушателей;

2) *рост социальной стратификации* среди пользователей, ограничение выбора мультимедиа не столько людьми, имеющими время и деньги для доступа, и странами с достаточным рыночным потенциалом, сколько культурными/образовательными различиями, двумя популяциями: «теми, кто способен выбирать свои мультинаправленные цепи коммуникации, и теми, кого будут снабжать ограниченным количеством заранее “упакованных” вариантов выбора»;

3) «коммуникация... индуцирует интеграцию всех видов сообщений в общей когнитивной структуре»;

4) «мультимедиа... охватывают в своей сфере большинство видов культурного выражения во всем их разнообразии. Их пришествие равносильно концу разделения, даже различия между аудиовизуальными средствами и печатными средствами массовой информации, общедоступной и высокой культурой, развлечениями и информацией, образованием и пропагандой».

По отношению к виртуальной реальности цели социальных субъектов могут находиться в трех позициях: в основном в реальной сфере; в основном в виртуальной сфере; распределяться более-менее равномерно и гармонично между реальной и виртуальной сферами. В соответствии с ними В. Е. Луценко выделяет три социальных типа [14]: 1) «реалы», составляющие большинство; 2) «виртуалы», для которых обычная реальность кажется серой, неинтересной и абсолютно непривлекательной, но, к сожалению, необходимой для поддержания жизни, а виртуальное пространство, напротив, представляет сферу личностной самореализации; 3) наиболее гармоничный тип, который свободно ориентируется как в реальном, так и в виртуальном пространстве; полно и адекватно присутствует в виртуальном пространстве (имеет свой сайт или активно общается на форумах и в чатах, публикуется в сетевых изданиях и СМИ); использует возможности реального и виртуального пространств для достижения целей и реализации интересов, гармонично распределенных между этими пространствами.

Свое видение виртуализации Д. В. Иванов относит к социоцентристской модели и утверждает, что говорить о виртуализации применительно к обществу можно «постольку, поскольку общество становится похожим на виртуальную реальность, т. е. может описываться с помощью тех же характеристик» [8, с. 155].

В качестве универсальных свойств виртуальной реальности он выделяет следующие:

- нематериальность воздействия (изображаемое производит эффекты, характерные для вещественного);
- условность параметров (объекты искусственны и изменяемы);
- эфемерность (свобода входа/выхода обеспечивает возможность прерывания и возобновления существования).

На основе данных характеристик виртуализацию петербургский социолог определяет как «любое замещение реальности ее симуляцией/образом — не обязательно с помощью компьютерных технологий... Например, виртуальной экономикой можно назвать и ту, в которой хозяйственные операции ведутся преимущественно через Internet, и ту, в которой спекуляции на фондовой бирже преобладают над материальным производством. Виртуальной политикой можно назвать борьбу за власть и посредством агитации с помощью web-страниц или пресс-конференции в Internet, и посредством рекламных акций в телестудии или на концертной площадке» [там же].

По мнению Д. В. Иванова, определение «социальных феноменов с помощью понятия “виртуальность” уместно тогда, когда конкуренция образов замещает конкуренцию институционально определенных действий — экономических, политических или иных». Он подчеркивает, что «социальное содержание виртуализации — симуляция институционального строя общества — первично по отношению к содержанию общества». Стало быть, «не компьютеризация жизни виртуализирует общество, а виртуализация общества компьютеризирует жизнь» [8, с. 155—156].

Например, в новой экономике социолог отмечает превращение в симулякры базовых элементов модернистского нормативного комплекса (товар, труд, инновация, деньги): на рынке теперь обращаются не реальные вещи, а образы; доля занятых в сфере «реального» производства снижается, а доля занятых в сфере услуг, включая масс-медиа, маркетинг, консалтинг и рекламный бизнес, растет; в стратегии ведущих фирм центральным звеном становится создание модельного ряда (серии изделий, главное предназначение которых — быть информационным поводом) как искусной симуляции технологического прогресса; организация труда в форме «рабочего дня» утрачивает экономическое содержание, но сохраняет социальное значение, т. к. новые информационные/коммуникационные технологии делают возможной организацию рабочего места практически везде; офисный дизайн, корпоративный имидж, PR-акции становятся не только фактором стоимости продукции фирмы, но и обретают собственную стоимость и в качестве специфического товара выбрасываются на фондовый рынок; деньги превращаются из вещественного заменителя товаров в права заимствования, в связи с чем от человека требуется предъявление не столько металла, бумаги или пластика, сколько образа платежеспособности, а развеществление денег приводит к тому, что исполнение ролей плательщика, кредитора и заемщика становится виртуальным; в результате виртуализации экономики коммерциализируется киберпространство, компьютерные сети обретают роль не только главного средства, но и среды экономической деятельности, в которой может осуществляться полный цикл сделки, функционируют виртуальные супермаркеты и виртуальные банки, оперирующие собственной виртуальной валютой, причем Интернет позволяет снижать так называемые транзакционные из-

держки
[8, с. 159—168].

Виртуализация политики проявляется в том, что конкуренция программ действий сменяется борьбой образов (политических имиджей); избирательная кампания становится кампанией рекламной; политика перемещается в PR-агентства, в телестудии и на концертные площадки; апелляция к общественному мнению замещается манипуляциями с рейтингами; разделение властей, парламентаризм, многопартийность теперь остаются лишь символами/образами; партии из представителей классовых, этнических, конфессиональных региональных интересов превратились в «марки» — эмблемы и рекламные слоганы, привлекающие электорат; практически все политические акции и кампании сопровождаются созданием специализированных серверов и web-страниц, посредством которых формируется имидж политика (акции, организации), ведется агитация, осуществляется коммуникация со сторонниками и т. д.; государственная бюрократия (прежде всего министерства, налоговые и иммиграционные службы) все чаще представлена в сети Интернет web-страницами, стимулирующими взаимодействие граждан (или неграждан) с госслужащими [8, с. 170—173].

Наука из предприятия по поиску истины превратилась в род языковых игр, состязаний в манипулировании моделями научного дискурса. Виртуализации подвергается объект науки, ее процедуры, институциональный строй. Академический статус становится производной от образа компетентности, заслуживающей финансирования, и определяется по числу публикаций и ссылок на них, а не по истинности результатов. Использование web-страниц для обнародования научных идей, теорий, эмпирических данных, в том числе отвергаемых академическим сообществом, позволяет ученым, преподавателям и студентам не следовать сложившимся в сфере науки институциональным нормам. С помощью компьютерных средств происходит симуляция ролевых систем «автор — рецензент», «преподаватель — студент», «докладчик — оппонент» и т. п. А в целом то, что научная коммуникация посредством сети Интернет осуществляется в форме участия в виртуальной конференции или обучения в виртуальном университете, по мнению Д. В. Иванова, означает компенсацию таким образом не только дефицита научной информации, но и дефицита социальной реальности [8, с. 174—178].

Н. Е. Покровский, напротив, полагает, что информационно-коммуникативные технологии задают позитивный вектор развитию как науки, так и высшей школы. Он подчеркивает, что производители научных и образовательных продуктов теперь «одновременно становятся и их распространителями, владеющими всеми средствами коммуникаций. В этих условиях учебный процесс в университетах превращается в инфокоммуникационный процесс, требующий сложных настроек, ранее не присутствовавших в арсенале университетов». В качестве самоочевидных виртуальных отношений и процессов, опосредованных «цифровыми технологиями перенесения информации и контроля», Покровский называет широкую компьютеризацию и отцифровку учебных материалов, использование визуальных медийных средств подачи текстов и сопровождения лекций, а также «продолжение диалога студента и преподавателя по учебным вопросам в среде Интернета». К более радикальным новшествам он относит развитие «дистантного образования в формате онлайн телеконференций и спутникового телевидения». Таким об-

разом, по мнению Покровского, «университет постепенно и частично уходит “в виртуал” в том смысле, что учебный процесс преодолевает физические дистанции, во многих случаях не требуя очного присутствия в одном пространстве и в одно время всех вовлеченных субъектов действия» [17, с. 7—9].

Еще одной сферой виртуализации является искусство. По замечанию Д. В. Иванова, его виртуализационные изменения коррелируют с распространением эстетики постмодернизма и ведут к экспансии симуляций художественных практик в киберпространстве [8, с. 178—183].

И наконец, в отношении виртуализации институтов брака и семьи петербургский социолог указывает на ее обусловленность сексуальной революцией середины XX в., вследствие которой сексуальность «как совокупность биопсихических реакций и переживаний», как составляющая институционального комплекса брачно-семейных отношений «замещается практиками создания, поддержания и варьирования образа сексуальности», отделяется от репродукции, от «официального принятия обязательств в отношении партнера и потомства» и становится формой «самоидентификации, самовыражения и самоутверждения личности». К эмпирическим показателям виртуализационных трансформаций брака и семьи Д. В. Иванов относит: увеличение числа детей, чьи родители не находятся в брачном союзе; снижение доли нуклеарных семей в общем числе домохозяйств; стабильное существование неполных семей; превращение родительства в симулякр — в образ материнства/отцовства, не имеющий референтов в реальности; симуляция брачного поведения и супружества в гомосексуальных союзах; создание и активное продвижение на рынке эротической продукции интерактивных игр на CD-ROM, симулирующих сексуальный контакт с партнером/партнершей; развитие индустрии «виртуального секса» в сети Интернет [8, с. 185—189].

В целом, согласно концепции Д. В. Иванова, «виртуализация предстает не как единый процесс, а скорее как серия разнородных, но направленных сходным образом тенденций в различных сферах жизнедеятельности» [8, с. 158—159]. На примере анализа данных тенденций в экономике, политике, науке, образовании, искусстве, в семейно-брачных отношениях петербургский социолог раскрывает факторы и механизмы симуляции этих разнообразных институциональных порядков как в «реальном» социуме, так и в электронно-компьютерном пространстве. Однако за пределами его исследования оказываются религиозные институты и практики.

Сложность изучения виртуализационных изменений в религиозной сфере обусловлена, в частности, определенной общностью понятий «виртуальное» и «религиозное». Так, в философском и психологическом дискурсах религиозный мир (мир сакрального) рассматривается в качестве виртуальности, трактуемой либо как непредметный мир, образуемый полями сознания вне человека, либо как его внутренний мир [23, с. 105—106].

В социологии религия изучается в контексте социальных интеракций и коммуникаций, через призму социального поведения, образования и функционирования религиозных общностей и групп. Религиозные представления и ценности трансцендентного характера не входят в предмет социологической науки, однако полностью не элиминируются и, в частности, включаются в сферу анализа мотивационной структуры религиозных действий. Поэтому тезис Д. В. Иванова о виртуализации как замещении реальности ее симуляцией (образом) в отношении религиозного институционального порядка требует уточнений. Особенно это касается православного культа, получившего в оте-

чественной религиозно-философской мысли определения «умозрение в красках» и «богословие образа».

Итак, виртуальность — атрибутивный признак системы религиозных верований и ритуалов. Но это не означает, что данная сфера общества не подвержена виртуализации как симуляции «реальных» социальных ролей и трансформации посредством электронно-компьютерных и коммуникационных технологий.

В первом смысле к показателям виртуализации религиозных институтов и практик можно отнести, например: 1) фиксируемое во всех массовых социологических опросах несоответствие между высоким уровнем религиозности (долей называющих себя религиозными в общей совокупности респондентов) и ее низкой степенью (интенсивностью и частотой проявления религиозных признаков у опрошенных); 2) отношение процесса конфессиональной самоидентификации прежде всего к этнокультурному, а не религиозному комплексу.

В силу того что указанные моменты достаточно подробно освещены в исследованиях по социологии религии, остановимся на второй составляющей виртуализации религиозной жизни, т. е. на ее трансформации под воздействием технических средств и каналов конструирования электронно-виртуальной реальности — Интернета и электронных СМИ (радио и телевидения),

к результатам которой относится появление таких феноменов, как кибер- и медиарелигии.

Киберрелигии — это системы, возникающие и существующие на основе компьютерных и интернет-технологий. В западном религиоведении они типологизируются по различным основаниям. Так, на основе анализа веб-страниц А. Карафлджка разделяет религиозный дискурс киберпространства на объективный (научный), конфессиональный и субъективный типы (см.: [18, с. 110—111]). Первый тип образуют веб-страницы университетов, научных институтов и журналов, второй — официальные веб-страницы различных традиционных и новых религиозных и духовных образований, третий — веб-страницы, созданные отдельными верующими для трансляции своих взглядов, для общения, а также в целях критики религиозных традиций (например, сайт Талибана).

Кроме того, А. Карафлджка различает «религию вне киберпространства» и «религию в киберпространстве». Первая основана на отношении религиозного объединения или отдельного верующего к Интернету как средству распространения информации о себе, вторая — на использовании Интернета в качестве своеобразной среды обитания. «Религия в киберпространстве» представляет собой, по мнению исследовательницы, «религиозные образования, созданные и существующие исключительно в киберпространстве». К ним она относит: 1) феномены, вносящие «новое понимание в постмодернистскую религиозность», такие как космофилософия, технофилософия и др.; 2) «новые киберрелигиозные движения» (НКРД), которые «могут быть формой отклика, реакции, призывом к действию или даже бунтом против религий, закрепляющихся в мире вне Интернета», например движение Пантениа, существующее исключительно в киберпространстве, и система совершенствования души и тела Фалуныгун (Фалуны Дафа), находящаяся между «в» и «вне» (цит. по: [18, с. 111]). Возникновение и функционирование подобных киберрелигиозных сообществ обусловлено тем, что Интернет обеспечивает

горизонтальный, неконтролируемый и при этом сравнительно недорогой канал связи «от одного к одному» и «от одного ко многим» [9, с. 186].

Эти социальные и технологические возможности Интернета определяют и то, что К. Хелланд и П. Максвелл называют «религией-онлайн» и «онлайн-религией». Однако в данные понятия они вкладывают разные смыслы. Первый исследователь понимает под «религией-онлайн» форму односторонней коммуникации, когда пользователь не имеет возможности прореагировать на информацию, предложенную ему религиозной организацией, и только пассивно воспринимает ее, находясь под полным контролем со стороны иерархичной организационной структуры. Второй же относит к ней различные религиозные образования и проявления в киберпространстве в целом.

«Онлайн-религия», по мнению К. Хелланда, обеспечивает веб-пользователей интерактивной средой, позволяющей взаимодействовать как с религиозной организацией, так и с другими пользователями. Она представлена в киберпространстве, во-первых, официальными веб-сайтами институциональных религиозных организаций, обладающими программными средами, где пользователи могут обсуждать свои верования, делиться религиозным опытом, вместе молиться и т. д.; во-вторых, неофициальными религиозными сайтами, например, «техноязыческих групп», которые параллельно с онлайн-молитвами предлагают услуги по гаданию и разнообразным ритуалам; в-третьих, внеконфессиональными «коммерческими начинаниями» и веб-сайтами, «создающимися специально для религиозного взаимодействия», но за рамками церковной иерархии, а также для оккультных и магических верований (см.: [18, с. 111—113]).

П. Максвелл использует выражение «онлайн-религия» лишь «в тех ситуациях, когда люди пытаются практиковать свои религии в киберпространстве, особенно в случае сетевого поклонения, отправления ритуалов в сети, сетевых молитвенных собраний и сетевых панихид» (см.: [18, с. 113]).

В целом можно констатировать, что типологии А. Карафлджки, К. Хелланда и П. Максвелла базируются на общем моменте, а именно на том, что отношение Интернета и религиозных субъектов и институтов имеет двойственный характер: с одной стороны, Всемирная сеть выступает средством информирования о религии, а с другой — является сферой религиозных коммуникаций, удовлетворения религиозных потребностей, а также функционирования конфессиональных и киберрелигиозных сообществ.

В инструментальном и функциональном плане использование Интернета религиозными индивидами, группами и организациями (как институциональными, официальными, так и неформальными, сетевыми; как реальными, так и виртуальными) происходит «с миссионерскими целями, а также для поддержания целостности религиозной общины и ее развития, обеспечения необходимой в современных условиях интенсивности информационного обмена» [13].

Еще одной средой, способствующей виртуализации религиозной жизни, является медийное пространство, образуемое электронными СМИ (телевидением и радио). Как и киберпространство, оно приобрело общепланетарный масштаб. Поэтому новейший этап развития электронных СМИ в социологии определяется как «медиаглобализация» [25, с. 291]. Но отмечается и тот факт, что одновременно происходит процесс фрагментации целевой аудитории, обусловленный «диверсификацией и увеличением числа доступ-

ных каналов, когда каждый находит собственное коммуникативное средство в зависимости от интересов, вкусов, социального статуса». Вследствие этого электронные медиа сегодня превратились в неотъемлемый элемент повседневной жизни значительной части людей [11, с. 94].

В настоящее время отмечается устойчивая тенденция к увеличению религиозного теле- и радиоконтента. Так, все больше появляется религиозных теле- и радиоканалов. В постсоветский период в нашей стране начали вещание различные спутниковые православные телеканалы («Спас», «Союз», «Три ангела», «Радость моя» и др.) и каналы других конфессий. Крупнейшей конфессиональной радиостанцией стало православное радио «Радонеж». Существуют и другие конфессиональные общероссийские радиоканалы (например, «Голос надежды» Церкви адвентистов седьмого дня). Появляются региональные конфессиональные радиостанции (прежде всего православные, охватывающие вещанием территории епархий). В качестве примера можно назвать епархиальное радио «Град Петров».

На общедоверальных, региональных и кабельных телеканалах и различных радиостанциях есть немало передач, содержащих религиозную тематику:

— трансляции религиозных богослужений, проповедей и других культовых действий. Как говорят сами священнослужители, эти трансляции рассчитаны прежде всего на людей, которые не имеют возможности быть в храме по разным причинам (нездоровье, командировка, маленькие дети), а также на тех телезрителей, которым происходящее интересно, но они еще не созрели, чтобы переступить порог храма [19];

— конфессионально ориентированные просветительские и информационные программы (например, телепередача «Православная энциклопедия» на канале ТВЦ, «Церковь и мир» на канале «Россия 24», «Мусульмане» на канале «Россия 1»; радиопередачи «Верую», «Голос ислама» («Саут уль ислам») на «Радио России»);

— культурологические программы с религиозной тематикой («Библейский сюжет» на канале «Россия. Культура», передачи о религиозных традициях и обычаях народов мира на телеканале «Моя планета»; передачи российского радио: «Во что верит Россия» и др.);

— освещение религиозных событий в информационно-аналитических, новостных и других передачах;

— телешоу документальных и художественных фильмов, радиорепортажи, чтение художественных текстов, радиотрансляции спектаклей на религиозные сюжеты.

Также в нашей стране появились специализированные межконфессиональные радиоканалы. Например, в январе 1993 г. в Санкт-Петербурге при информационной и финансовой поддержке ряда пятидесятнических и католических организаций начала вещание христианская радиостанция «ТЕОС». В июне 1995 г. на аудиторию Москвы и Московской области стал работать Христианский церковно-общественный канал, объединивший программы православной радиостанции «София», католического радио «Дар», молодежной студии «Пролог». В 1997 г. в эфире России начала вещание международная христианская радиостанция «Радио Мария». При этом следует заметить, что межконфессиональный радиоконтент имеет значительное светское наполнение (концерты по заявкам, шоу-викторины и т. п.).

По аналогии с классификацией по характеру включенности религиозных сообществ и практик во Всемирную сеть можно выделить «религию в

медиапространстве» и «религию вне медиапространства». «Религия вне медиапространства» ограничивается информированием о религиозных субъектах посредством СМИ. «Религия в медиапространстве» включает трансляции богослужений, проповедей и других культовых действий, т. е. позволяет верующему удовлетворять свои религиозные потребности.

В результате широкого использования современных коммуникационных средств и технологий, интенсивного освоения интернет-пространства крупнейшая религиозная организация России Русская православная церковь стала значимым социальным институтом информационного общества [30]. Но в какой мере этот коммуникационно-технологический ресурс востребован россиянами, идентифицирующими себя как православные?

Поскольку наиболее высокие показатели компьютерной грамотности отмечаются у учащейся молодежи, а ее социализация с детских лет проходит в условиях интенсивного развития масс-медиа и религиозного плюрализма, то позиции данной социальной общности прежде всего важны для ответа на поставленный вопрос.

В апреле 2010 г. было проведено анкетирование студентов различных вузов, колледжей и учащихся профессиональных лицеев г. Иванова (N = 216 чел.). Доли респондентов по полу, возрасту и типу учебного заведения в выборочной совокупности были равными. Необходимым условием участия в опросе являлось наличие православной идентичности. При дифференциации респондентов по степени воцерковленности в адаптированном и дополненном виде использовалась методика В. Ф. Чесноковой [27]. Полевой этап исследования проводила С. Н. Борисова.

Согласно полученным результатам, 74,9 % опрошенных ежедневно смотрят телевизор, 36,7 % — слушают радио, но знают о телепередачах религиозного содержания 13,4 % участвовавших в анкетировании, а об аналогичных радиопередачах — лишь 0,9 %. Во Всемирную сеть опрошенные юноши и девушки выходят ежедневно, но с православными интернет-ресурсами знакомы только 4,6 % из них. В целом полученные данные свидетельствуют о совсем незначительной включенности респондентов в православное медиа- и киберпространство, об их крайне редком вхождении в электронно-виртуальную реальность как с целью получения и углубления знаний о православной традиции, так и для совершения религиозных практик.

В то же время результаты нашего эмпирического исследования позволяют говорить о следующей тенденции: опыт участия и потенциальные установки на участие юношей и девушек в медиа- и киберрелигиозных практиках прямо пропорциональны степени их воцерковленности. Для того чтобы выяснить, характерна ли эта тенденция для других социальных категорий, необходимы соответствующие социологические опросы.

Важно отметить, что медиапространство, в целостном его понимании, конструируют не только радио и телевидение, но и другие СМИ, а также кинематограф, рекламные и другие коммуникационные технологии (в том числе компьютерные). Следовательно, киберпространство может рассматриваться как его составная часть, а киберрелигия — как одна из форм медиарелигии.

В условиях общества потребления происходит специфическая «секулярная сакрализация» медиасреды. Она сама становится заместителем религиозных образов и смыслов, порождает богов, жрецов и адептов, которые в поисках «сакрального» обращаются «не к церкви, а, например, к телевизионной рекламе, сулящей здесь и теперь то, что религии обещают лишь в загроб-

ной жизни» [20, с. 125]. В результате шопинг превращается в своеобразное ритуальное действие «псевдолитургийного» характера.

Эта сторона виртуализации религии начинает осмысливаться в отечественной социологии [6]. Ее генетический анализ приводит к выводу, что истоки шопинг-религии восходят к протестантизму, но в некоторой степени в ее сферу включаются и другие христианские конфессии, в том числе православие [1, с. 40].

В заключение следует подчеркнуть, что виртуализация общества — это процесс, носящий двойной характер. С одной стороны, он выступает показателем неспособности социальным пространством функционально обеспечивать новые общественные запросы и потребности. Вместе с тем виртуальная реальность «является естественным компонентом, введенным в действие жизненного, т. е. потенциального, ориентированного в будущее, пространства, которое не исключает никаких возможных изменений» [29, с. 312]. При этом ориентация не на реальные предметы, а на их образные, символические заместители может обернуться симуляцией социальных институтов, поскольку следование социальным ролям становится виртуальным.

Библиографический список

1. Белова Т. П. Отношение христианских конфессий к обществу потребления // Потребление как коммуникация — 2009 : материалы V Международной конференции / под ред. В. И. Ильина, В. В. Козловского. СПб. : Интерсоцис, 2009. С. 39—41.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности : трактат по социологии знания. М. : Медиум, 1995. 324 с.
3. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М. : Добросвет, 2000. 387 с.
4. Владимиров А. А., Зеленев Л. А., Степанов Е. И. Современная глобализация: состояние и перспективы. М. : ЛЕНАНД, 2010. 304 с.
5. Гидденс Э. Ускользающий мир : как глобализация меняет нашу жизнь. М. : Весь мир, 2004. 120 с.
6. Губницына О. Религия и современное общество потребления: введение в проблему // Потребление как коммуникация: российский и американский контексты / под ред. В. И. Ильина. СПб. : Интерсоцис, 2007. С. 77—86. (Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. Специальный выпуск).
7. Иванов Д. В. Виртуализация общества. Версия 2.0. СПб. : Петербург. востоковедение, 2002. 224 с.
8. Иванов Д. В. Императив виртуализации. Современные теории общественных изменений. СПб : Изд-во СПбГУ, 2002. 212 с.
9. Кастельс М. Галактика Интернет : размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург : У-Фактория, 2004. 328 с.
10. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М. : ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
11. Климов И. А. Телевидение: модальности существования // Социс. 2005. № 10. С. 93—100.
12. Луман Н. Понятие общества // Проблемы теоретической социологии / отв. ред. А. О. Бороноев. СПб. : Петрополис, 1994. С. 25—42.
13. Лученко К. В. Интернет и религиозные коммуникации в России // Релга : науч.-культурол. журн. 2008. № 12 (175). URL: <http://www.relga.ru> (дата обращения: 30.09.2010).
14. Луценко Е. В. Виртуализация общества как основной информационный аспект глобализации : (основы информационно-функциональной теории развития техники и информационной теории стоимости) // Политемат. сетевой электрон.

- науч. журн. Кубан. гос. аграр. ун-та. 2005. № 9. URL: <http://www.ej.kubagro.ru/2005/01/02/pdf/02.pdf> (дата обращения: 05.11.2009).
15. *Мецержакова Л. Ю.* Неклассические социологические теории. М. : Уникум-Центр, 2003. 192 с.
 16. *Покровский Н. Е.* Путь от предметного к виртуальному и обратно. URL: http://www.sociolog.net/virt_NPokrovsky.pdf (дата обращения: 10.02.2010).
 17. *Покровский Н. Е.* Университет уходит в виртуальную реальность // Виртуализация междуниверситетских и научных коммуникаций: методы, структура, сообщества / под. ред. Н. Е. Покровского. М. : СоПСо, 2010. С. 7—9. URL: http://www.sociolog.net/1Pokrovsky_Virtualization.pdf (дата обращения: 30.09.2010).
 18. *Пратына Д. А.* Киберрелигия: проблема интерпретации // Религиоведение. 2008. № 4. С. 104—117.
 19. *Рожаева Е.* Пасхальная служба — не повод для застолья. Как правильно смотреть праздничное богослужение // Комсомольская правда. 2010. 1 апр.
 20. *Рыжов Ю. В.* Медиарелигиозность: основа будущей религии? // Человек. 2006. № 4. С. 119—126.
 21. *Сивирин Б. С.* Социальная квазиреальность или виртуальная реальность? // Социс. 2003. № 3. С. 39—44.
 22. *Смагина М. В.* Социально-конструктивистская парадигма в социальном знании как альтернатива традиционной методологии // Журн. социологии и соц. антропологии. 2007. № 2. С. 73—84.
 23. *Стерледева Т. Д., Стерледев Р. К.* XXI век: религия в аспекте виртуальной реальности // Религиоведение. 2007. № 3. С. 104—110.
 24. *Чернов А. А.* Становление глобального информационного общества: проблемы и перспективы. М. : Дашков и К^о, 2003. 232 с.
 25. *Черных А. И.* Социология массовых коммуникаций : учеб. пособие. М. : ГУ ВШЭ, 2008. 452 с.
 26. *Черныш М. Ф.* Новая социальная группа — «информационные» работники // Социс. 2002. № 11. С. 61—68.
 27. *Чеснокова В. Ф.* Тесным путем: процесс воцерковления населения России в конце XX века. М. : Академический проект, 2005. 304 с.
 28. *Шютц А.* Аспекты социального мира // Шютц А. Смысловая структура повседневного мира : очерки по феноменологической социологии. М. : Институт фонда «Общественное мнение», 2003. 114—162.
 29. *Щеглов И. А.* Виртуализация как фактор социализации // Социально-гуманитарные знания. 2003. № 5. С. 311—319.
 30. *Яхонтова Е. С.* Православная Церковь как социальный институт в современном информационном пространстве. СПб. : СПбИВЭСЭП, 2008. 133 с.
- ББК 60.561.51; 67.404**

А. Е. Звонарёва

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАКТИК ОТЦОВСТВА

Сегодня многие исследователи семьи говорят о кризисе института отцовства, об «отцовской некомпетентности». Нам кажется, что необходимо разобраться в изменениях, постигших институт отцовства в связи с социальными, экономическими и политическими процессами модернизации обществ. «Урбанизация и индустриализация влияли не только на социально-экономические аспекты индивидуальной, семейной и общественной жизни,

но и на характер и способ ведения домохозяйства, внутрисемейные отношения, демографическое поведение, структуру и размер семей, способствовали становлению малых или нуклеарных форм семьи, состоящих из родителей и несовершеннолетних детей», — отмечает М. В. Рабжаева [5, с. 89].

Для того чтобы оценить изменения, произошедшие в институте отцовства, необходимо проследить за изменением функций, выполняемых отцом на каждом историческом этапе.

Нам представляется, что основными функциями отца являются:

- 1) экономическая,
- 2) статусная,
- 3) представительская,
- 4) защитная,
- 5) правовая,
- 6) функция сохранения и укрепления рода,
- 7) функция контроля,
- 8) функция сохранения стабильности семьи,
- 9) социализирующая и воспитательная.

Каждая функция предполагает набор практик, т. е. социальных действий по реализации определенных *прав* и *ответственности*. Поскольку практики отцовства участвуют в конструировании социальной ткани, они, кроме того что являются непосредственной сферой межличностного взаимодействия, также служат целям поддержания социального господства. П. Бурдьё отмечает, что любое господство строится на сочетании открытого (физического или экономического) принуждения с утонченным символическим принуждением [3, с. 250]. Таким образом, вслед за Бурдьё мы можем условно разделить отцовские практики на *реальные* и *символические*. Содержание и характер отцовских практик различаются в зависимости от эпохи и культуры. Поскольку социальные практики не просто локализованы в пространстве и во времени, но и изменяются в зависимости от них, будет вполне оправданным рассмотрение их в контексте исторического процесса.

Для этого мы воспользуемся схемой социального развития Д. Белла. В ней выделяются три этапа в историческом процессе — доиндустриальное, индустриальное, постиндустриальное общество — на основе двух критериев: типа производства и разновидности используемого знания. Каждое общество имеет свой осевой принцип и осевую структуру. Идея осевых принципов и структур, по мнению автора, является попыткой выяснить не причинность, а центральность, т. е. тот организующий остов, вокруг которого группируются прочие институты [1]. Основной методологический принцип, реализуемый ученым, состоит в том, что каждой исторической форме производственных технологий соответствуют определенные социальные институты. Технологический (техносоциальный) детерминизм Белла имеет целью «проследить, к каким социальным изменениям приводят новые технологии и какие проблемы общество и его политическая система должны в результате решать» [1, с. 14]. Нас же будет интересовать вопрос об основном содержании социальных практик отца и тенденциях их трансформации в каждую из эпох.

Доиндустриальное общество было организовано вокруг взаимодействия с природой, в нем господствовали аграрные технологии, производительность труда была низкая. Главный производственный ресурс представляла земля. Доиндустриальное общество было в подавляющей массе крестьян-

ским или обществом с доминировавшим крестьянским образом жизни [4]. Поэтому будет оправданным рассмотрение отцовских практик на примере крестьянских семей. Экономическая функция отца включала ряд практик, обусловленных спецификой крестьянского хозяйства. Крестьянское хозяйство характеризовалось единством производства, потребления и семейной жизни. Муж, жена и дети, а также родственники, главным образом братья, сестры и родители крестьянской супружеской пары, жили и работали в хозяйстве. Такая форма производства требовала в высокой степени «семейственной», т. е. основанной на взаимодополняющих и соответствующих полу ролях мужа, жены и детей, организации труда [там же].

Руководил этим замкнутым производственным коллективом глава семьи — старший мужчина в доме, отец женатых сыновей. Подчинение ему было беспрекословным и полным [2, с. 152]. Практики *управления крестьянским хозяйством* предполагали целый ряд действий. К их числу относится распределение видов хозяйственной деятельности между членами семьи. Только хозяин семьи держал в своей голове все мельчайшие детали хозяйства, определяя каждому работу. Труд членов семьи распределялся очень тщательно, дифференцировался в зависимости от пола, возраста, склонностей. Важна была посильность труда. Отец, как и другие мужчины в доме, *непосредственно участвовал* в хозяйственной деятельности, выполняя целый ряд главных сельскохозяйственных и домашних работ. Мужчинам предназначались те виды деятельности, которые требовали пребывания вне дома, более высокого риска и большей физической силы. В ходе трудового процесса отец выполнял социализирующую функцию. Он всегда находился в поле зрения домочадцев, дети видели труд отца и учились у него. Таким образом, выполняя вместе с детьми трудовые операции, отец воспитывал детей, прививал им навыки жизни в обществе.

Определенное содержание экономической функции, особенности социального строения доиндустриального общества влекли за собой реальное исполнение главой семьи отцовских функций. Все перечисленные функции (экономическая, статусная, представительская, защитная, правовая, сохранения и укрепления рода, контроля, сохранения стабильности семьи, социализирующая) были стереотипно закреплены в общественном сознании за отцом.

Индустриальная и постиндустриальная эпохи, основанные на массовом способе производства и на новых технологиях, принесли с собой и новые варианты исполнения практик отцовства. Если, говоря о доиндустриальном обществе, мы рассматривали крестьянский образ жизни как преобладающий, то при анализе индустриального и постиндустриального обществ, следуя этой же логике, будем рассматривать городской образ жизни как преобладающий для данных этапов развития.

Отец, уходя работать на массовое производство, покидает мир семьи. В связи с массовым выходом женщин на работу он перестает быть единственным кормильцем. Теперь дети и домочадцы не видят трудовой деятельности главы семьи. Отец не воспитывает детей в процессе выполнения трудовых функций. Часть социализирующих функций берет на себя государство.

Таким образом, в связи с изменением сущности экономической функции и практик, ее наполняющих, изменяется и сущность остальных функций отца. Некоторые функции, выполняемые отцом, из разряда «реальных» пере-

ходят на этапе индустриального и постиндустриального общества в разряд «символических». Например, функция контроля, сохранения и укрепления рода, правовая, защитная (в основном берет на себя государство), представительская, статусная. Отец перестает быть единственным исполнителем многих функций, пользуясь помощью государства и супруги.

Итак, мы проследили влияние способов производства на практики отцовства. Эволюция практик шла по пути их количественного изменения и качественного перехода из «реальных» в «символические». В результате экономических и социальных изменений функции отца и практики, выполняемые им, значительно сократились. А стереотипное представление продолжает рисовать нам идеального отца, соответствующего доиндустриальной эпохе и патриархальной семье. Сегодня перед нами предстает отец, утративший ведущую экономическую роль в семье (по причине возросших возможностей женщины), основную социализирующую роль (по причине развития социальных институтов образования, которые берут ее на себя, и появления возможности сосуществования в обществе множества моделей мужественности), защитную (ее на себя тоже берут социальные институты), правовую (т. к. права женщин и мужчин становятся равными). Интересен тот факт, что представительская функция и ее практики, доставшиеся нам от доиндустриальной эпохи в том же виде, также начинают изменяться под воздействием социально-экономических параметров. Теперь представлять семью на арене общественных отношений может и женщина.

Напрашивается вывод об объективной обусловленности так называемого «кризиса отцовства», констатируемого российскими и зарубежными социологами. Дело в том, что в общественном сознании продолжают существовать стереотипные представления о тех функциях и практиках, которые должен выполнять отец, но, как мы выяснили, в полном объеме они осуществлялись отцом лишь в условиях доиндустриальной эпохи. На сегодняшний день многие функции отца взяли на себя другие агенты социализации ребенка. Современный отец перестал выполнять определенные функции и производные от них практики по причине того, что реалии современного общества объективно не требуют от него этого. Видимо, противоречие между стереотипными представлениями общественного сознания и объективным процессом трансформации функций и практик во многом способствует формированию мнения ученых о «кризисе отцовства». Скорее всего обществу еще только предстоит выработать новые представления о функциях и практиках как современного, так и будущего отца.

Библиографический список

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество : опыт социального прогнозирования. М. : Academia, 1999. С. 12—14.
2. Бердинских В. А. Крестьянская цивилизация в России. М. : Аграф, 2001. 432 с.
3. Бурдые П. Практический смысл. СПб. : Алетейя, 2001. 562 с.
4. Зидер Р. Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII — XX вв.). М. : Владос, 1997. 302 с.
5. Рабжаева М. В. Историко-социальный анализ семейной политики в России XX века // Социс. 2004. № 6. С. 89—97.

«ОРГАНИЗОВАННОЕ ЛИЦЕМЕРИЕ» В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

В новейшей западной литературе о современных международных отношениях термин «лицемерие» (*hypocrisy*) уже несколько десятилетий перемещается из публицистического дискурса в научный, отражая как место соответствующего ему феномена в современной мировой политике, так и усилия академического сообщества, направленные на его исследование. В этой работе мы сосредоточимся на попытках концептуализации «организованного лицемерия»¹ как атрибута современных международных отношений в новейшей западной научной литературе.

Английское «*hypocrisy*» — калька древнегреческого «*hypokrisis*», означавшего вначале пророчество, т. е. исполнение жрецом воли божества, знающего наперед дальнейший ход событий, судьбу. Затем термин вошел в театральные обороты и означал исполнение роли, что подразумевало наличие маски (по-русски «личины»), скрывающей истинное лицо актера. Наконец, еще в Древней Греции так стало именоваться притворство, двуличие, лицемерие. Любому, кто изучает политику, со времен Макиавелли и Гоббса очевидно, что лицемерие есть неперемный атрибут как публичной, так и международной политики². Интересы субъекта и объекта политики внутри общества не бывают полностью тождественными, что, в свою очередь, исключает тождество слова и дела, декларируемых целей политики и ее реальных результатов. Во внешней политике государственный деятель, следующий принципам «реальной политики», прежде всего призван защищать национальные интересы, лавируя в анархическом окружении себе подобных, что также обуславливает применение «двойных стандартов».

Политическое лицемерие отличается от обмана и лжи, к которым также прибегают политики как во внутригосударственных, так и во внешнеполитических действиях. Обман является одной из составляющих лицемерия и состоит в том, что актер, совершающий аморальное и/или противоправное деяние, выдает его за действие, направленное на поддержание порядка, или следование моральным нормам. Политик-лицемер не только обманывает, но и рассчитывает получить при этом моральное одобрение определенной аудитории. Если ложь — это сознательное искажение фактов, то лицемерие всегда сопровождается отсылками к морали. Интерес политологов к лицемерию определяется его неразрывной связью с политикой, особыми функциями в ней.

© Польшанский Д. И., 2010

¹ Термин «организованное лицемерие» был употреблен в речи Бенджамена Дизраэли в британской палате представителей 3 марта 1845 г.: «Консервативное правительство есть организованное лицемерие».

² *Runciman D. Political Hypocrisy: the Mask of Power from Hobbes to Orwell and beyond. Princeton University Press, 2008.*

Джудит Шкляр (1928—1992), автор наиболее часто цитируемого эссе о политическом лицемерии, считала его укорененной и неотъемлемой частью публичной политики и предлагала в практических целях выделять из повсеместного политического лицемерия его непереносимую (*intolerable*) часть, «то, что нельзя терпеть». Основой лицемерия в политике, считала она, является различие между декларируемыми целями политического актора и его стремлением сохранить и укрепить свое положение во власти. Из-за неразрешимости данного противоречия «борьба с лицемерием — прекрасное оружие в психологической борьбе, но оно не может быть принципом управления»³.

Исследовав исторические корни лицемерия в европейской традиции политической мысли, специалист в области политической этики Рут Грант сделала вывод, что «лицемерие возникает в отношениях взаимозависимости между людьми с конфликтующими интересами, которые вряд ли могут положиться на следование моральным предписаниям. Природа политических отношений вместе с морально ретроградным характером человеческой природы диктует необходимость лицемерного поведения»⁴. Ее тезис о том, что лицемерие является одним из средств преодоления политиком своего так или иначе зависимого положения, особенно важен в наши дни, когда поле принятия самостоятельных политических решений для любого актора международных отношений максимально сужено.

Историк Дэвид Рансимен полагает, что в наше время политическое лицемерие стало более очевидным в связи с публичным характером политики и освещением ее в массовых СМИ: «В современной политике много лицемерия, но было бы ошибкой утверждать, что его больше, чем было когда-либо». Он также видит одну из задач политической науки с ранних стадий ее возникновения в том, чтобы предостеречь и удержать политиков от худших форм лицемерия⁵. «О лицемерах, которые претендуют на то, чтобы выглядеть лучше, чем они есть, можно сказать, что они на самом деле лучше, чем могли бы быть, т. к. они хотя бы претендуют на то, чтобы быть лучше», — пишет Рансимен в другой книге, посвященной истории «политики добрых намерений»⁶.

Лицемерие исследовалось и в рамках теории организации. Шведский ученый Нильс Брунссон впервые использовал термины «организационное (*organizational*) лицемерие» и «организованное (*organized*) лицемерие», представляя его как атрибут любой организации. Не являясь унитарным актором, она состоит из многих независимых и не всегда координируемых индивидов или отделов, каждый из которых сам по себе является актором. Обсуждение, принятие решения и действие, таким образом, осуществляются различными акторами, но ответственность за результаты возлагается на организацию в целом⁷. Некоторые авторы считают, что рассуждения Брунссона следует ограничить теорией организации, и предлагают в этом случае говорить об «организационном лицемерии»⁸.

³ *Schklar J. Ordinary Vices. Harvard, 1984. P. 69.*

⁴ *Grant R. W. Hypocrisy and Integrity: Machiavelli, Rousseau, and the Ethics of Politics. Chicago, 1997. P. 27.*

⁵ *Runciman D. Political Hypocrisy ...*

⁶ *Runciman D. Politics of Good Intentions. Princeton University Press, 2006. P. 10.*

⁷ *Brunsson N. Organized Hypocrisy // The Northern Lights: Organization Theory in Scandinavia. Oslo, 2003. P. 201—222.*

⁸ *Lipson M. Peacekeeping: Organized Hypocrisy? // European Journal of International Relations. 2007. Vol. 13, March. P. 5—34.*

В изучении международных отношений к оценке лицемерия, выходящей за рамки морального осуждения или апологии, одним из первых обратился американский либеральный политолог Майкл Уолцер. В своей теории справедливых и несправедливых войн, созданной в годы войны США во Вьетнаме, будучи сторонником либеральной (идеалистической) трактовки международных отношений, он не считает лицемерие антиподом морали. Мораль присутствует в международных отношениях лишь в тривиальном смысле, не составляя четкого фона, на котором можно было бы определить лицемерие. Уолцер размещает политическое лицемерие между невозможной для политика полной искренностью и нежелательной для него прямой ложью. Говоря словами Франсуа де Ларошфуко, «лицемерие есть дань... которую порок платит доблести»⁹. Как пишет Уолцер, «самым четким свидетельством стабильности наших ценностей во времени остается неизменность лжи, к которой прибегают военные и политики. Они лгут, чтобы оправдать себя, но этим они обозначают для нас границы справедливости. Где бы мы ни встретили лицемерие, мы найдем также и осознание моральных ограничений»¹⁰.

Подход Уолцера подвергается критике за то, что он не выражает динамики присутствия и роли морали в международных отношениях, но в остальных его выводы переходят из работы в работу в качестве методологического базиса или одного из инструментов комплексного подхода¹¹.

Другой американский ученый, Стефен Краснер, следующий реалистической традиции в науке о международных отношениях, считает воплощением и основанием для «организованного лицемерия» в мировой политике саму вестфальскую модель государственного суверенитета. Заимствовав термин «организованное лицемерие» у Брунссона, он вкладывает в него несколько отличное содержание: «Результаты международной системы определены властными акторами, нарушение или признание которыми международных принципов и правил основано на расчетах материальных и идеациональных интересов, на практиках, выведенных из нескольких сложно переплетенных институциональных структур или глубоко укорененных генеративных грамматик. Организованное лицемерие есть нормальное положение вещей»¹². Тезис о лицемерии как норме в международной политике повторен им дважды. «Из всех социальных сред, в которых действуют люди, — утверждает Краснер, — международная система является наиболее сложной и слабо институционализированной. В ней отсутствуют властные иерархии. Властные акторы (ученый использует термин “rulers” — “правители”. — Д. П.) более чувствительны к внутренним материальным и идеациональным сигналам, чем к международным. Нормы иногда противоречат друг другу. Мощь асимметрично распределена. Никакое правило или свод правил не могут предусмотреть всех обстоятельств. Логика ожидаемых последствий и логика соот-

⁹ Ларошфуко Ф. Максимумы и моральные размышления. М., 1993. С. 218.

¹⁰ Walzer M. Just and Unjust Wars: a Moral Argument with Historical Illustrations. N. Y. : Basic Books, 1977. P. 19.

¹¹ Price R. Moral limit and possibility in the world politics // Moral Limit and Possibility in the World Politics. Cambridge University Press, 2008. P. 26.

¹² Krasner S. Sovereignty: Organized Hypocrisy. Princeton University Press, 1999. P. 9.

ветствия¹³ могут побуждать к разным моделям действий. Организованное лицемерие есть норма»¹⁴.

Естественной средой организованного лицемерия, по Краснеру, предстают Вестфальская система и порожденное ей международное право, основанное на принципе суверенитета. «Вестфальская модель», считает он, это хорошо продуманный когнитивный сценарий, который может в одном случае приниматься международными акторами, а в другом — нет. Правители более могущественных государств оправдывали нарушения принципов Вестфальской системы ссылками на альтернативные нормы, например на нелегитимность революционных режимов (создание Священного союза в 1815 г.), на обеспечение национальной безопасности (поправка Платта 1901 г., которая ограничила суверенитет Кубы в интересах США), на проблемы оборота наркотиков (вторжение США в Панаму в 1989 г.) или на защиту социалистического сообщества (доктрина Брежнева и вторжение в Чехословакию в 1968 г.). Оправдания этих действий соответствующими правительствами были адресованы прежде всего их внутренним силам, хотя принципы, на которых эти силы консолидировались, были различными в разных странах. Правители хотят править и, чтобы делать это, они могут риторически ссылаться на вестфальские принципы, даже если в то же самое время они устанавливают противоречащие им нормы или принимают инструментальные решения, подрывающие их собственную автономию или автономию других политий¹⁵. Таким образом, у Краснера «организованное лицемерие», во-первых, определено спецификой деятельности лиц, принимающих решения в международной среде и несущих ответственность за них внутри представляемой ими политики, и, во-вторых, является результатом рационального выбора, а не институционального воздействия организации. Если для Брунссона «организованное лицемерие» связано с людьми и институтами внутри организаций и разделением между ними функций управления, то Краснер видит в нем результат отказа от прямого следования принятому сценарию при формальном соблюдении его принципов. Если шведский управленец указывает на инструментальную логику, акцентирующую последствия принятых решений, то американский международник делает упор на культурно-нормативную логику соответствия принимаемого решения принятым правилам¹⁶.

Наиболее полно раскрываются проблемы «организованного лицемерия» в работах ученых-международников, следующих конструктивистской методологии. Признавая моральные нормы важным фактором международной политики, конструктивисты обращают внимание на положительные аспекты умеренного применения «организованного лицемерия» для укрепления роли морали в международных отношениях. Ведущие государства и международные организации, обвиняемые в политике двойных стандартов, вынуждены признавать значимость этих норм и, ввиду явного расхождения с ними своей политики, в конечном счете корректировать последнюю. Для того чтобы применять политическое лицемерие, например, в сфере прав человека, недемократическое государство будет вынуждено ссылаться на общеприня-

¹³ *March J, Olsen J.* The Institutional Dynamics of International Political Orders // *International Organization*. 1998. № 4 (52). P. 951—954.

¹⁴ *Krasner S.* Op. cit. P. 42.

¹⁵ *Ibid.* P. 69.

¹⁶ *Lipson M.* Op. cit. P. 14—16.

тые международные правозащитные нормы и т. д. Социологические основы конструктивистских концепций ведут к транспозиции в международную политику моделей восприятия ценностей на эмоциональном, когнитивном и поведенческом уровнях.

Характерным примером конструктивистского подхода является анализ Мартой Финнемор особенностей однополярного мира, структура которого побуждает его «полюс» (unipole) к организованному лицемерию¹⁷. По ее мнению, «полюс» ощущает сдерживающее влияние созданных им структур и институтов своей легитимации и тем самым обречен на лицемерное поведение. Хотя лицемерие подрывает доверие к полюсу и тем ценностям, на которых основано его положение, оно не является полностью негативным для него, так как может стратегически обеспечить продвижение его идеалов и интересов. Финнемор выделяет три элемента лицемерия. Во-первых, это несоответствие действий актора прокламируемым им ценностям; во-вторых, наличие в реальности альтернативы предпринятым актором действиям; в-третьих, стремление актора скрыть противоречие между предпринимаемыми действиями и декларируемыми ценностями. В зависимости от того, кто оценивает действия актора, один из этих аспектов будет выходить на первый план

и определять выдвигаемые в адрес актора обвинения. «То, что выглядит обманом или разрывом с ценностями для одного наблюдателя, может не так восприниматься другими. То, что составляло реальную альтернативу, также может быть предметом дискуссии. Как и все в социальной жизни, акты лицемерия различаются по уровню и виду. Цена, которую заплатит обвиняемый в лицемерии, также будет различной. Она может ранжироваться от публичной критики и трудно измеримых потерь уважения и доверия до более конкретного отказа в поддержке и предоставлении ресурсов для предлагаемой актором политики»¹⁸.

Выводам конструктивистов, находящих позитивное содержание в политике организованного лицемерия, весомо возразил Юрген Хабермас. По его мнению, «сокрытие интересов, которые невозможно отстоять публично, за надуманными моральными или этическими причинами ведет к ограничению, которое в следующей фазе деятельности или представит актора не заслуживающим доверия, или, в интересах поддержания доверия, заставит его игнорировать интересы других»¹⁹.

В середине первого десятилетия XXI в., на закате глобальных претензий администрации Дж. Буша-младшего, тема политического лицемерия обрела особую популярность в американской науке о международных отношениях. Основными кейсами для изучения «организованного лицемерия» выступили события 90-х годов XX — начала XXI в. (миротворческие операции на Балканах, косовский кризис, «война против международного терроризма», кризис и война в Ираке, создание палестинской автономии и его последствия и т. д.); различные аспекты деятельности международных организаций —

¹⁷ *Finnemore M.* Legitimacy, Hypocrisy, and the Social Structure of Unipolarity: Why Being a Unipole Isn't All It's Cracked Up to Be // *World Policy*. 2009. Vol. 61. P. 58—85.

¹⁸ *Ibid.* P. 75—76.

¹⁹ *Habermas J.* *Between Facts and Norms*. Cambridge, MA : MIT Press, 1996. P. 340. См. также: *Lynch M.* Lie to me: sanctions on Iraq, moral argument and the international politics of hypocrisy // *Moral Limit and Possibility in World Politics*. P. 193—194.

ООН (миротворческие операции, вопрос о признании прав на самоопределение коренных народов и др.), Всемирного банка (программа охраны окружающей среды), ВТО (торговля сельскохозяйственной продукцией), ЕС (проблемы расширения, в частности членства Турции)²⁰ и др.

Так, Сюзанна Доуви²¹ определила политику США в Косове как «порочное лицемерие» (*vicious hypocrisy*), которое характеризуют «действия невынужденного характера, противоречащие декларируемым ценностям, и сознательный обман с целью достижения политической выгоды». Альтернативу «порочному лицемерию» Доуви видела в «трагическом компромиссе», связанном с вынужденными действиями.

Марк Линч, рассматривая «организованное лицемерие» на примере событий, предшествовавших началу войны в Ираке, вывел такую последовательность. Первоначально общественные выступления против санкций вынудили правительства США и Великобритании ввести программу «Нефть в обмен на продовольствие». Эта программа позволила США отчасти сдерживать Ирак и отвергать обвинения, что санкции приводят к страданиям обычных граждан. Утратили значительную часть оснований обвинения Ирака в адрес ООН. ООН, в свою очередь, внедрив в режим санкций программу гуманитарной помощи, решила почти невозможную задачу сочетания столь конфликтных интересов. Активисты борьбы против санкций были вынуждены обратить внимание на то, что их деятельность объективно сближала их с баасистским режимом. В конечном счете практика всеобъемлющих санкций потеряла свои традиционные моральные обоснования. Однако дальнейшая политика США и Великобритании в духе «организованного лицемерия» не только обрушила первоначальные сдвиги, но и привела к тяжелому кризису, нанесшему серьезный ущерб всем его участникам, включая ООН²². Таким образом, политическое лицемерие, которое конструктивисты нередко сравнивают с обоюдоострым мечом, может принести кратковременные выгоды, но при постоянном следовании ему основных международных акторов в конечном счете делегитимизирует их действия и подрывает моральные основы мирового порядка.

Майкл Липсон рассмотрел «организованное лицемерие» на примерах миротворческих операций 90-х гг. XX — начала XXI в., связав его с так называемым «дефицитом ответственности» (*commitment gap*), когда поставленные ООН задачи заведомо не могли быть выполнены миротворцами ввиду недостатка их полномочий, узких правовых рамок, определенных для их действий, а в отдельных ситуациях — из-за отсутствия людских и материальных ресурсов или нежелания стран-участниц выполнять свои обязательства, вытекающие из Устава ООН. Например, для обеспечения реальной безопасности беженцев в определенных ООН районах Боснии требовались впятеро более многочисленные миротворческие силы. Приводимый Липсоном пример анклава Сребреница, где в июле 1995 г. при полном бездействии нидерландского миротворческого батальона были вырезаны нелегальными серб-

²⁰ *Iankova E., Katzenstein P. J. European Enlargement and Institutional Hypocrisy // The State of the European Union. N. Y. : Oxford University Press, 2003. Vol. 6 : Law, Politics, and Society. P. 269—290.*

²¹ *Dovi S. Making the World Safe for Hypocrisy? // Polity. 2001. Vol. 34, № 1. P. 3—30.*

²² *Lynch M. Lie to me: sanctions on Iraq, moral argument and the international politics of hypocrisy // Moral Limit and Possibility in World Politics. P. 176—193.*

скими формированиями около пяти тысяч мусульманских беженцев, однако, не представляется вполне убедительным. Неготовность вооруженных сил большинства западноевропейских государств к активным боевым операциям за рубежом, на наш взгляд, представляет собой иную разновидность политического лицемерия, когда формальное выполнение миротворческих функций или союзнического долга заведомо исключает потери воинского контингента, что, в частности, показали военные действия в Афганистане и Ираке. При этом ссылка на Устав ООН, разрешающий миротворцам использовать силу только в целях самозащиты, выступает в качестве прикрытия.

Дж. Хэйверкрофт рассмотрел в качестве примера «организованного лицемерия» отношение ООН к требованиям коренных народов предоставить им реальные возможности использовать декларируемое «Биллем о правах» ООН право на самоопределение. По его мнению, здесь «организованное лицемерие» призвано обозначить моральный предел, выход за который чреват реально опасными последствиями — самопровозглашением микросоциальных государств. В то же время оно как бы подталкивает аборигенов к реализации принципа самоопределения в иных формах, нежели суверенная государственность²³.

Эми Гуровиц исследовала политику США в отношении иммигрантов, не имеющих документов, в свете дискуссии между Майклом Уолцером и Джозефом Каренсом. Если первый, выступая с коммунитаристских позиций, соотносит пограничные режимы с правами и моральными обязательствами стоящих за государствами гражданских общностей²⁴, то второй, следуя принципам космополитизма, считает само наличие границ аморальным по определению, т. к. оно препятствует осуществлению индивидуальных прав личности²⁵. По мнению Гуровиц, в реальности не применима ни та ни другая позиция. Во-первых, существует грандиозный разрыв между неприятием роста иммиграции гражданским большинством и вниманием (точнее, невниманием) к этой проблеме политической элиты, что обесценивает подход Уолцера, во-вторых, не имеющие документов мигранты (как правило, они уничтожают документы сами, чтобы затруднить депортацию) могут рассматриваться как индивидуалы, намеренно отказавшиеся от гражданской идентичности, что выводит их за рамки правозащитного подхода²⁶. Поэтому применение этих подходов способно лишь усилить «организованное лицемерие» как в политике государства, так и в волеизъявлении гражданских сообществ как главных потребителей нелегального труда.

Кэтрин Уивер, чье монографическое исследование о Всемирном банке раскрывает «организованное лицемерие» как неотъемлемую характеристику этой организации, выделяет его как «бюрократическое лицемерие» и связывает с отсутствием ротации персонала и особым характером международных организаций, являющихся не собранием представителей государств, а ориентированными на определенные цели международными службами. Всемирный банк, Мировой валютный фонд и подобные им институты отличаются значи-

²³ *Havercroft J.* Sovereignty, recognition and indigenous people // *Ibid.* P. 112—138.

²⁴ *Walzer M.* Membership // *Immigration Reader.* Oxford : Blackwell Publishers, 1998. P. 342—362.

²⁵ *Carens J.* Aliens and Citizens: The Case for Open Borders // *Ibid.* P. 364—390.

²⁶ *Gurowitz A.* Policy hypocrisy or political compromise? Assessing the morality of US policy toward undocumented migrants // *Moral Limit and Possibility in World Politics.* P. 138—164.

тельной автономией и наличием организационной культуры, их собственные интересы не тождественны интересам их членов, даже наиболее влиятельных, что придает им черты акторов мировой политики. По мнению Уивер, лицемерие играет парадоксальную роль в таких организациях. С одной стороны, оно защищает Всемирный банк от противоположных по сути требований к его политической деятельности и к выполнению его базовой функции. С другой стороны, обвинения в лицемерии, подтвержденные фактами, ведут к утрате легитимности и морального авторитета, политической и финансовой поддержки, что сказывается на выполнении основной миссии. Выступая с программами защиты окружающей среды, которые заведомо не входят в сферу его деятельности как финансового института, призванного умножать средства вкладчиков, а не тратить их на заведомо убыточные проекты, Всемирный банк не решает, таким образом, ни задач улучшения своего имиджа, ни своих уставных задач, ни задач охраны окружающей среды²⁷. Реализуя проекты, касающиеся собственной инфраструктуры, Всемирный банк, выступая сторонником социальной справедливости, охраны окружающей среды и устойчивого развития, нарушает их принципы в собственных инфраструктурных проектах и заемной политике и не выделяет ресурсов на решение ключевых проблем на этих направлениях.

Иной пример представляет в своем исследовании торговли сельскохозяйственной продукцией в рамках ВТО Млада Буковански. Хотя она рассматривает возможности всех трех подходов к изучению «организованного лицемерия», ее выводы целиком находятся в русле конструктивизма. По ее мнению, в международной торговле аграрной продукцией имеет место «институциональное лицемерие», обусловленное тем, что наиболее богатые страны, играющие ведущую роль в ВТО, склонны к нарушениям установленных режимов торговли. Это, с одной стороны, ведет к оспариванию легитимности всей организации, а с другой — к расширению переговорных процессов, в ходе которых происходит ее дальнейшее развитие²⁸.

Таким образом, по крайней мере «первый раунд» академической дискуссии об «организованном лицемерии» можно считать завершенным. Его результаты в целом оказались достаточно скромными. С методологической точки зрения можно констатировать, что если господствовавший в науке о международных отношениях в эпоху холодной войны неореализм активно заимствовал инструментарий экономической теории, то конструктивизм, занявший третью позицию среди направлений теории мировой политики, в данном случае пошел по пути заимствования наработок теории организации, в особенности работ Н. Брунссона и таких классиков теории организации, как Дж. Марч и Й. Олсен. Либеральные исследователи, видящие в «организованном лицемерии» составляющую политики «добрых намерений», направленной на избежание крайностей, склонны рассматривать его с позиций морального релятивизма. Под углом зрения реализма «организованное лицемерие» в международной политике неизбежно и в нем не следует видеть некую пато-

²⁷ Weaver C. Hypocrisy Trap. The World Bank and the Poverty of Reform. Princeton University Press, 2008.

²⁸ Bukovansky M. Hypocrisy and Legitimacy: Agricultural Trade in the World Trade Organization : Paper Presented at the International Studies Association Annual Convention, Honolulu, Hawaii, USA, March 1—5, 2005.

логию. Там, где есть моральные нормы, существуют и злоупотребления ими, и с этой точки зрения оно также нормально, несмотря на возможные деструктивные последствия злоупотребления самим политическим лицемерием.

Однако практическое значение изучения «организованного лицемерия» не подлежит сомнению. В октябре 2008 г. главный редактор американского журнала «Foreign Policy» Мойсес Наим предложил новому президенту США провести аудит политики двойных стандартов и отказаться хотя бы от части переставших соответствовать реальности образчиков «организованного лицемерия»²⁹. Любопытно, что в результате этого, по мнению американского международника, произошло бы не прямое укрепление международного положения США, а лишение противников Америки части их моральной аргументации. Для нашей страны помимо такого аудита и соответствующих коррекций внешнеполитического курса были бы полезны исследования лицемерия международных организаций, прежде всего ООН, укрепление авторитета которой заявлено в качестве одного из приоритетов внешней политики РФ. Исследование правовых и институциональных основ, «слов и дел» Содружества независимых государств, ОДКБ, Союзного государства РФ и Белоруссии, Шанхайской организации сотрудничества и других сообществ в терминах данного направления также представляется актуальным. Если двойных стандартов нельзя избежать, то знать пределы их применения и учитывать его последствия необходимо. В этом плане изучение «организованного лице-

²⁹ *Naim M.* The Hypocrisy Audit // *Foreign Policy*. 2008. October. P. 127—128.

мерия» в международных отношениях стоит продолжить и отечественному сообществу ученых-международников.

АННОТАЦИИ

И. Ю. Карлявин

К ВОПРОСУ О ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ ОСНОВЕ РИМСКОГО ЧАСТНОГО ПРАВА

Рассматривается влияние греческой философии на становление и развитие методологии и философии римского частного права, а также ключевые, основополагающие понятия философии права.

Ключевые слова: римское частное право, философия, методология.

С. П. Коваль

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Освещаются вопросы возникновения института омбудсмана в России, деятельность Уполномоченного по правам человека в РФ за 2009 год, проблемы взаимодействия российских уполномоченных и гражданского общества. В связи с системными изменениями законодательства Российской Федерации и соответственно необходимостью в дальнейшем осмыслении института уполномоченных по правам человека в Российской Федерации имеются конкретные предложения о внесении изменений и дополнений в федеральное законодательство об Уполномоченном по правам человека в РФ.

Ключевые слова: уполномоченный, жалоба, закон, суд, Конституция, государство, общество, гражданин, власть, нарушение.

Т. П. Луговенко

ПРЕСТУПНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЖЕНЩИН, СОВЕРШАЮЩИХ КРАЖИ: МОТИВАЦИОННАЯ СФЕРА

Анализируется мотивационная сфера в механизме преступного поведения женщин, посягающих на чужую собственность, что позволяет глубже понять внутреннее содержание личности, прогнозировать правонарушающее поведение и определять направления профилактики.

Ключевые слова: женщина-воровка (женщина, совершившая кражу), корыстные мотивы, корысть, личность, мотив (побуждение), мотивация, мотивационная сфера, предупреждение (преступности), преступление, преступник (преступница), преступное (криминальное) поведение, ситуация.

Н. Ю. Куприна

РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРУДА РУКОВОДИТЕЛЕЙ ПРЕДПРИЯТИЙ

Статья посвящена анализу норм трудового права, регулирующего трудовые отношения руководителей муниципальных предприятий. Рассматриваются особенности руководителя как специального субъекта трудового правоотношения, двойственность его положения.

Ключевые слова: руководитель организации, трудовой договор, прекращение трудового договора, условия труда, особый статус руководителя, трудовые правоотношения.

А. В. Хохлов

ПРИЧИНЫ И ЗНАЧЕНИЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ТРУДОВОГО («ФАБРИЧНОГО») ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РОССИИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Рассматриваются проблемы развития российской экономики и социальный состав общества после отмены крепостного права, а также развитие нормативно-правового регулирования трудовых отношений в связи с ростом количества промышленных предприятий и увеличением числа рабочих в стране.

Ключевые слова: фабрично-заводское законодательство, законодательство о труде, трудовое право, отмена крепостного права, фабрикант, рабочая сила, наемный труд, реформа, расслоение крестьянства, промышленная революция, рабочий день, сверхурочная работа, трудовой договор, рабочие, предприниматель (владелец предприятия, работодатель), увольнение, правила внутреннего распорядка, зарплата, штраф, стачка (забастовка), текстильная промышленность, работа в ночное время, несовершеннолетний, охрана труда, безопасность труда, отпуск, профсоюз, страхование, социальная политика, производственная травма, пособие по болезни, пособие по нетрудоспособности, пособие по беременности и родам, дисциплина.

И. Н. Кодина

СОЦИАЛЬНОЕ НАСТРОЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ г. ИВАНОВА (По материалам социологического исследования 2010 г.)

Приводятся данные социологического исследования, посвященного выявлению факторов, определяющих социальное настроение жителей города Иванова. Рассчитывается сводный индекс социального настроения горожан, который сравнивается с общероссийскими показателями. Показано, что социальная среда города оказывает определяющее воздействие на социальное настроение населения, проживающего в нем.

Ключевые слова: социальное настроение, горожане, индекс социального настроения.

Е. В. Панкратова

**ЗДРАВООХРАНЕНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ
КАК КОМПОНЕНТЫ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ**
(По материалам статистики и социологического опроса населения
городского округа Кинешма)

Описываются показатели функционирования здравоохранения и образования как составляющие социальной сферы на основе данных статистики и социологического опроса населения. В основе анализа лежит авторская методика оценки качества жизни населения, спроецированная на конкретное местное сообщество — средний город (городской округ Кинешма, Ивановская область).

Ключевые слова: здравоохранение, образование, социальная сфера, качество жизни.

Т. П. Белова

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПРОЦЕССА ВИРТУАЛИЗАЦИИ

Анализируется социальный процесс взаимодействия действительной и виртуальной реальности, порожденный глобальной информационно-технологической революцией. Рассматриваются различные социологические концепции виртуализации, выявляется специфика данного процесса в сфере религии.

Ключевые слова: глобализация, информационно-технологическая революция, виртуализация, социально-конструктивистская парадигма, постмодернизм, симулякр и симуляция, кибер- и медиарелигия.

А. Е. Звонарёва

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАКТИК ОТЦОВСТВА

Выделяются и описываются практики отцовства, а также производные от них функции. Автор прослеживает трансформацию отцовских функций при переходе от доиндустриального общества к индустриальному и постиндустриальному.

Ключевые слова: практики отцовства, функции отца, урбанизация, доиндустриальное общество, индустриальное общество, постиндустриальное общество, кризис, трансформация.

Д. И. Польшанский

**«ОРГАНИЗОВАННОЕ ЛИЦЕМЕРИЕ»
В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ**

Рассматриваются новейшие западные публикации о феномене «организованного лицемерия» в современных международных отношениях. Выделяются основные методологические подходы этих исследований и практические выводы из них.

Ключевые слова: «организованное лицемерие», теория международных отношений, теория организации, двойные стандарты, конструктивизм.

SUMMARIES

I. Yu. Karlyavin

TO THE QUESTION OF THE PHILOSOPHICAL AND METHODOLOGICAL BASIS OF ROMAN PRIVATE LAW

The paper presents information on the influence of Roman philosophy on the formation and development of methodology and philosophy of Roman civil law, and also on key, fundamental notions of legal philosophy.

Key words: Roman private law, philosophy, methodology.

S. P. Koval'

DEVELOPMENT OF THE INSTITUTION OF THE HUMAN RIGHTS COMMISSIONER IN MODERN RUSSIA

The article covers the following issues: the origin of the ombudsman institution in Russia, analysis of the activity of the Commissioner for Human Rights in Russia in 2009, Russian ombudsmen and civil society. There are concrete proposals for changes and additions to the federal law on the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation. Systemic changes in the legislation of the Russian Federation caused the necessity for further understanding of the Institute of Commissioners for Human Rights in the Russian Federation.

Key words: human rights commissioner, application, statute, court, Constitution, state, society, civilian, authority, breach.

T. P. Lugovenko

CRIMINAL BEHAVIOUR OF FEMALE-THIEVES: MOTIVATIONAL SPHERE

Due to the analysis of the motivational sphere we can understand the resource more deeply. It gives the possibility to assess the features of the interaction of personality and the situation in the mechanism of criminal behavior of women, trespassing on property. By the way we have the chance to predict the criminal conduct and determine the area of preventative measures.

Key words: female-thief (woman, who committed theft); lucrative impulse (mercenary motives), lucre, personality, cause (motive, ground), motivation, motivational sphere, prevention (crime), criminal, offender, criminal behavior (criminal conduct) situation.

N. Yu. Kuprina

REGULATION OF LABOUR OF THE HEADS OF ORGANIZATIONS

The present article is devoted to the analysis of norms of labour right regulating labour relations of the heads of municipal enterprises. The head as the special subject of labour legal relationship possesses a number of features which

will be considered by us. The duality of position of the head is shown in the article. On the one hand he acts as the employer, and on the other hand on him all rights and duties of the worker are extended on him. How does such position of the head influence the regulation of his labour relations?

Key words: the head of the organization, the labour contract, the termination of the labour contract, working conditions, the special status of the head, labour legal relationship.

A. V. Khokhlov

THE REASONS OF EMERGENCE OF LABOUR (FACTORY) LEGISLATION IN RUSSIA IN THE END OF XIX — BEGINNING OF THE XX CENTURY AND ITS SIGNIFICANCE

The article deals with the issues of Russian economy development and social structure of the society after the abolition of serfdom. It also explores the evolution of industrial relations caused by the increased number of factories and plants and workforce expanding.

Key words: factory-and-works laws, labour laws, labour law, abolition of the serfdom, manufacturer, factory-owner, labor force, waged labour, reform, stratification of the peasantry, industrial revolution, working day, overtime work, labour contract, labour, owner, employer, dismissal, internal regulations, wage(s), fine, strike, textile industry, night work, night-shift work, minor, liability, labour protection, labour safety, vacation, trade union, insurance, social policy, job-related accident (injury), sick benefit, disability benefit, maternity allowance, discipline.

I. N. Kodina

**SOCIAL MOOD OF IVANOVO CITIZENS
(Based on materials of sociological research, 2010)**

In the article the information of the public opinion poll devoted to revelation of factors that have an influence on social mood of people is cited. Computed Composite index of social mood of Ivanovo citizens is comonted and compared with indices of All-Russian. The public opinion poll showed that social environment of town influences people's social mood reside therein.

Key words: social mood, citizens, index of social mood.

E. V. Pankratova

**HEALTHCARE AND EDUCATION AS CONSTITUENTS OF THE SOCIAL SPHERE
(By the example of town district of Kineshma based on statistical material and population sociological poll)**

The indicators of healthcare and education functioning as social sphere constituents on the basis of statistics data and population sociological poll are discussed in the article. The author's methodology pertaining the evaluation of population life quality aiming at the particular local community — middle

size town (town district of Kineshma, Ivanovo region) is taken as a principle of analysis.

Key words: healthcare, education, social sphere, life quality.

T. P. Belova

SOCIOLOGICAL ASPECTS OF THE VIRTUALIZATION PROCESS

Social process of interaction between actual reality and virtual reality generated by global information-technological revolution is examined in the article. Also different sociological conceptions of virtualization are analyzed, specific character of this process in the sphere of religion is explored.

Key words: globalization, information-technological revolution, virtualization, social-constructivist paradigm, Postmodernism, simulacra and simulation, cyber-religion and media-religion.

A. E. Zvonaryova

TRANSFORMATION OF FATHER'S PRACTICES

In the article paternity practice and functions derivate of them are allocated and described. The author traces transformation of fatherly functions at transition from preindustrial society to industrial and postindustrial society.

Key words: father's practices, father's functions, urbanization, preindustrial society, industrial society, postindustrial society, crisis, transformation.

D. I. Polyvyannyu

“ORGANIZED HYPOCRISY” IN CONTEMPORARY INTERNATIONAL RELATIONS

Recent Western publications on the phenomenon of “organized hypocrisy” in contemporary international relations are reviewed. The main methodological approaches and practical outcomes of the research are stressed.

Key words: “organized hypocrisy”, theory of international relations, theory of organization, double standards, constructivism.

Сведения об авторах

- БЕЛОВА** кандидат философских наук, доцент
Татьяна Павловна кафедры общей социологии и феминологии,
региональный вице-президент
Российского общества социологов,
Ивановский государственный университет.
tpb_ivgu@mail.ru
- ЗВОНАРЁВА** старший преподаватель кафедры
Александра Евгеньевна общей социологии и феминологии,
Ивановский государственный университет.
zae1972@mail.ru
- КАРЛЯВИН** кандидат юридических наук, заведующий
Иван Юрьевич кафедрой гражданского права, процесса
и основ предпринимательской деятельности,
Ивановский государственный университет.
yurfac@ivanovo.ac.ru fax: 32-66-00
- КОВАЛЬ** кандидат исторических наук,
Сергей Петрович доцент кафедры конституционного,
административного и финансового права,
Ивановский государственный университет.
yurfac@ivanovo.ac.ru
- КОДИНА** старший преподаватель кафедры
Инна Николаевна общей социологии и феминологии,
Ивановский государственный университет.
kodina_inna@mail.ru
- КУПРИНА** кандидат юридических наук, доцент
Наталья Юрьевна кафедры трудового и экологического права,
Ивановский государственный университет.
N_kuprina@mail.ru
- ЛУГОВЕНКО** кандидат юридических наук,
Татьяна Петровна доцент кафедры уголовного права и процесса,
Ивановский государственный университет.
yurfac@ivanovo.ac.ru
- ПАНКРАТОВА** кандидат социологических наук,
Екатерина Владимировна старший преподаватель кафедры
общей социологии и феминологии,
Ивановский государственный университет.
e_pankratova@land.ru
- ПОЛЫВЯННЫЙ** доктор исторических наук,
Дмитрий Игоревич профессор кафедры новой, новейшей истории
и международных отношений,
Ивановский государственный университет.
dipol53@mail.ru
- ХОХЛОВ** кандидат юридических наук, профессор
Алексей Владимирович кафедры теории и истории государства и права,
Ивановский государственный университет.
yurfac@ivanovo.ac.ru

**ВЕСТНИК
ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

**Серия «Естественные, общественные науки»
2010. Вып. 4. Право. Социология. Международные отношения**

Подписано в печать 28.12.2010 г.
Формат $70 \times 108^{1/16}$. Бумага писчая. Печать плоская.
Усл. печ. л. 8,2. Уч.-изд. л. 7,5. Тираж 300 экз.

Издательство «Ивановский государственный университет»
✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39 ☎ (4932) 93-43-41
E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru